ISSN 1993-1824

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

4/2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 15, № 4 **Октябрь – декабрь 2022**

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

**Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций**

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеенко А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В., Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенов К. А., Зборовский Г. Е., Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М., Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А., Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — О. С. Булдакова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции (издателя): 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, http://www.sep-tyuiu.ru
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824
16 +

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 15, No. 4 **October – December 2022**

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings of higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals for professors and researchers (U.S.A.)

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriliuk V. V., Hasanov E. L., Genin V., Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E., Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M. Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S. Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editor ─ O. S. Buldakova
Computer design, editor ─ N. V. Shuvaeva
Address: 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, http://www.sep-tyuiu.ru/
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List of leading reviewed scientific journals and publications

ISSN 1993–1824
16 +

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна
д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна
д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеенко Александр Николаевич
д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжалова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович
д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна
к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна
д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу
PhD (доктор философии по истории), главный специалист Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад
PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна
д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич
д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович
д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович
д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич
к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович
д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна
д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович
д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна
д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич
д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна
д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович
д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна
д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович
д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна
д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич
д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович
д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна
Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие
PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna
Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Alekseenko Aleksander Nikolayevich
Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Barbakov Oleg Mikhaylovich
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Batyrova Nazygul Tursynkhanovna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Gavriliuk Vera Vladimirovna
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Hasanov Elnur Latif oglu
PhD in History, Senior Specialist of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Genin Vlad
PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Golenkova Zinaida Tikhonovna
Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Danilov Alexander Nikolayevich
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Doctorov Boris Zusmanovich
PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Engoyan Ashot Paylakovich
Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Yensenov Kanat Alekseevich
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Zborovsky Garold Efimovich
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N.Yeltsin

Iljinyh Svetlana Anatolyevna
Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Levashov Viktor Konstantinovich
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Maximova Svetlana Gennadjevna
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Martynov Mikhail Yurievich
Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Nagymzhanova Karakat Mukashovna
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Narbut Nikolai Petrovich
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Plenkina Vera Vladimirovna
Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Roy Oleg Mikhailovich
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Sartbekova Nurzhan Koodoevna
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Silin Anatoliy Nikolaevich
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Taradanov Aleksandr Ardalionovich
Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Ukubasova Galia Sagandykovna
Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Jančárková Julie
PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Белоножко М. Л., Белоножко Л. Н., Барбаков О. М., Ишкина Е. Г.
Роль социального здоровья населения в развитии Арктики **9**

Довбыш В. О.
Управление развитием инженерного вуза
на основе новых моделей проектного обучения **25**

Ильин А. Н.
Тенденция к демонстративности в обществе потребления **39**

Лаукарт-Горбачева О. В.
Образовательная компонента развития человеческого потенциала Республики Татарстан в официальном и экспертном дискурсах **52**

Новиков А. В.
Сравнительный анализ взаимосвязи риска терроризма
и ограничений оппозиции на национальных выборах **67**

Осипова Л. Б.
Территориальный подход к исследованию молодежной политики
(на примере городского поселения Лянтора) **89**

Попкова А. А.
Вовлечение граждан в стратегическое развитие малых территорий **104**

Ребышева Л. В., Горева Е. А.
Особенности работы со старшим поколением
в сфере туризма и гостеприимства: региональный аспект **118**

Толмачева С. В., Давлетшина Э. В.
Динамика приоритетных ценностей россиян **132**

CONTENTS

Belonozhko M. L., Belonozhko L. N., Barbakov O. M., Ishkina E. G.
The role of social health of the population in the development of the Arctic **9**

Dovbysh V. O.
Managing the development of an engineering university based on new models of project-based learning **25**

Il'in A. N.
The tendency to demonstrativeness in the consumer society **39**

Laukart-Gorbacheva O. V.
The educational component of human potential development in the Republic of Tatarstan in official and expert discourses **52**

Novikov A. V.
A comparative analysis of the relationship between the risk of terrorism and the restrictions of the opposition in national elections **67**

Osipova L. B.
A territorial approach to youth policy research (a case study of the town of Lyantor) **89**

Popkova A. A.
Citizen engagement in the system of strategic development of small territories **104**

Rebysheva L. V., Goreva E. A.
Features of working with the older generation in the field of tourism and hospitality: a regional aspect **118**

Tolmacheva S. V., Davletshina E. V.
Values of Russians: their dynamics and degree of significance **132**

УДК 316.344.5
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-9-24

Роль социального здоровья населения в развитии Арктики

Марина Львовна Белоножко[1], Лидия Николаевна Белоножко[1], Олег Михайлович Барбаков[2], Елена Геннадьевна Ишкина[3]

[1]Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
[2]Кафедра бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
[3]Лаборатория цифровых технологий в новой городской мобильности, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Практическая необходимость изучения перспектив эффективного использования социального потенциала Арктической зоны Российской Федерации и определение направленности и механизмов его развития задали вектор целеполагания в рамках данной проблематики исследования. В качестве основы авторы использовали результаты социологических исследований, в том числе и собственных, труды ученых социологии и теории управления. В статье показано, что в процессе проведения анализа основных понятий и категорий использовался системный подход, что обусловлено его эффективностью, открытостью и прозрачностью. В качестве акторов в процессы социальных взаимодействий были включены представители государственных структур, органов власти, бизнеса, социальных сообществ, что особенно важно в условиях нестабильности жизнедеятельности современного российского общества. В качестве базовой категории авторы использовали социальное здоровье, основные характеристики которого представлены в тексте статьи. Проведенный авторский методологический экскурс позволил обосновать результаты исследования как начальный базис разработки индикативной модели социального здоровья в северных регионах Российской Федерации. Анализ содержания научной литературы по здоровью населения арктических территорий и проведенные авторские исследования, включающие в себя экспертный опрос в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО), Архангельской области и на Чукотке, позволили выявить наиболее важные направления негативного изменения социальной среды жителей Арктики, в том числе коренных малочисленных народов Севера, что ведет к нарушению их традиционного образа жизни, повышенным рискам различных заболеваний, и следствием этих процессов становится ухудшение общего и социального здоровья населения северных территорий. Материалы статьи и проведенная аналитика по результатам авторских социологических исследований могут быть использованы для постановки и принятия управленческих решений властными структурами по проблематике социального здоровья жителей арктических зон Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное здоровье, социальный потенциал, изменение климата, факторы риска, устойчивое развитие

Для цитирования: Роль социального здоровья населения в развитии Арктики / М. Л. Белоножко, Л. Н. Белоножко, О. М. Барбаков, Е. Г. Ишкина. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-9-24 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 9–24.

The role of social health of the population in the development of the Arctic

Marina L. Belonozhko[1], Lidia N. Belonozhko[1], Oleg M. Barbakov[2], Elena G. Ishkina[3]

[1]*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*
[2]*Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*
[3]*Laboratory of Digital Technologies in New Urban Mobility, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation*

Abstract. The practical necessity of studying perspectives for the effective use of the social potential of the Arctic zone of the Russian Federation and determining the direction and mechanisms of its development set the vector of goal setting within the framework of this research problem. As a basis, the authors used the results of sociological research, including the author's, the works of scientists in sociology and management theory. The article shows that in the process of analyzing the main concepts and categories, a systematic approach was used, which is due to its effectiveness, openness and transparency. Representatives of state structures, authorities, business, social communities were included as actors in the processes of social interactions, which is especially important in the context of the instability of the life of modern Russian society. For the basic category, the authors used social health, the main characteristics of which are presented in the text of the article. The author's methodological excursus made it possible to substantiate the results of the study as the initial basis for the development of an indicative model of social health in the northern regions of the Russian Federation. An analysis of the content of scientific literature on the health of the population of the Arctic territories and the author's research, including an expert survey in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, the Arkhangelsk region and Chukotka Autonomous Okrug, made it possible to identify the most important areas of negative change in the social environment of the inhabitants of the Arctic, including the indigenous peoples of the North, which leads to the violation of their traditional way of life, increased risks of various diseases, including non-communicable ones, and the consequence of these processes is the deterioration of the general and social health of the population of the northern territories. The materials of the article and the analytics carried out based on the results of the author's sociological research can be used for the formulation and adoption of managerial decisions by power structures on the problems of social health of residents of the Arctic zones of the Russian Federation.

Keywords: social health, social potential, climate change, risk factors, sustainable development

For citation: Belonozhko, M. L. Belonozhko, L. N., Barbakov, O. M., & Ishkina, E. G. (2022). The role of social health of the population in the development of the Arctic. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 9-24. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-9-24

Введение

В настоящее время особую актуальность приобретают проблемы устойчивого развития арктических регионов. Организация объединенных наций (ООН) ставит достаточно амбициозные цели по достижению такого развития к 2030 году. Вместе с тем внимание многих ученых, специалистов и государственных деятелей приковано к проблемам изменения климата в Арктическом регионе, которые во многом определяют возможности развития территорий [1; 2].

В то же время решение значимых вопросов в рамках поставленных и сформулированных целей ООН в области устойчивого развития, тесно связанных с задачами обеспечения социального здоровья и достижения благополучия населения, не находят должного внимания в практике решения социальных проблем Арктического региона. Чрезвычайно важна в контексте целеполагания устойчивого развития территорий реализация ряда направлений социальной политики, в частности в области социального здоровья и формирования здорового образа жизни, сокращения неравенства, прежде всего в доступе к здравоохранению. Кроме этого, появляется настоятельная необходи-

мость держать в фокусе проекты, направленные не только на обеспечение высокого качества жизни населения арктических зон различных государств, но и на сохранение экологических систем, являющихся важнейшим фактором полноценной жизнедеятельности местных сообществ.

В арктической экономике в основном преобладают отрасли сырьевой направленности, поэтому северные муниципальные образования в зависимости от их ресурсной обеспеченности развиваются неравномерно, что приводит к существенному перекосу функционирования разных районов и городов. Есть муниципальные районы, так называемые полюса роста, где работают преимущественно вахтовики, а нефтяные корпорации реализуют свои ресурсные проекты, способствуя достижению высоких экономических показателей в их жизнедеятельности. Однако есть и такие муниципальные районы, которые «ресурсный бум» обошел стороной. Среднедушевые инвестиции варьируются в зависимости от муниципалитета: от нуля до «абсолютных высот», — отмечает Александр Пилясов [3]. По его мнению, необходимо безотлагательно принять меры по уменьшению экономических и социальных контрастов. С этой позицией трудно не согласиться, так как качественное состояние и изменение среды обитания и деятельности в настоящее время становятся важнейшими факторами эффективного функционирования социально-экономического комплекса Арктической зоны Российской Федерации. Экстремальные климатические и геофизические условия полярных районов напрямую и косвенно воздействуют на процессы адаптации населения, обусловливая потребность в экологизации структуры природопользования, модернизации инфраструктуры городов и поселков, в формировании обоснованных приоритетов в области развития арктических территорий. В результате систематизация накопленных знаний и решение социально-экономических проблем в последние годы стали главной задачей международного и российского научных сообществ в рамках проблематики обеспечения социального здоровья жителей Арктического региона в контексте управления социальными процессами [4–7].

Актуализация проблемы социального здоровья как важнейшего фактора в социально-экономическом развитии Арктики, определяемого климатическими, экономическими, демографическими и культурными характеристиками, а также взаимодействием представителей органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий и местных сообществ, жизненно необходима, поскольку учет роли социального здоровья в создании и поддержании комфортных условий жизнедеятельности населения позволит разработать целостную концепцию комплексного развития северных территорий.

Итак, в современных условиях функционирования арктических регионов особо важную роль приобретает категория «социальное здоровье», которая исследуется с разных сторон на протяжении многих лет. Однако большинство ученых признают, что до сих пор в медицинской науке не существует единого целостного определения этого понятия [8], что связано с трудностями формулирования самой концепции социального здоровья населения планеты.

Многие исследователи придерживаются так называемого патоцентрического подхода, в рамках которого здоровье представляется как «нулевая степень болезни» [9].

В то же время такая концепция наиболее часто критикуется учеными, которые делают вывод о том, что причины болезни человека определяются современными врачами намного лучше, чем его собственное здоровье [10; 11]. Оценка здоровья при этом осуществляется как минимизация болезней, что абсолютно не объясняет основных сущностей социального здоровья. Появляется проблема определения его в позитивном аспекте [12].

В рамках междисциплинарных исследований феномена «социальное здоровье» отсутствует единое мнение о его объекте, на что неоднократно указывали H. Bhandari, K. Yasunobu, B. D'Hombres, E. Saad [10–13].

Проведенный анализ подходов к категории «социальное здоровье» показал достаточно широкий диапазон явлений, процессов, объектов, характеризующихся весьма разнообразными биологическими, психологическими, социальными, культурными и духовно-нравственными факторами, включающими в себя социальные и индивидуальные особенности. В ходе авторского исследования был проведен анализ литературы, который дал возможность выявить разные подходы к категории «социальное здоровье». Так, в ключе социологического подхода этот термин применяется в качестве одной из характеристик социальной системы, обозначающей «жизнеспособность общества как социального организма» [14]. Такой подход опирается на традиции органицизма и оперирует аналогиями с живой природой, когда социум отождествляется с телом, а его эффективная жизнедеятельность рассматривается как здоровье, соответственно, социальные дисфункции определяются как нездоровье. Достаточно часто в рамках данного подхода показателем здоровья или эффективности жизнедеятельности общества рассматриваются процессы реализации человеком своих биопсихосоциальных функций. В таком случае представители этого направления понимают социальное здоровье как оптимальные, адекватные условия социальной среды, которые препятствуют возникновению социальной дезадаптации и определяют гармоничное развитие личности в структуре общества [8].

Следующим достаточно распространенным подходом к интерпретации категории «социальное здоровье» является социально-демографический подход. Так, по мнению представителя этого подхода B. D'Hombres, социальное здоровье может быть рассмотрено как множество социальных факторов, которые определяют физическое здоровье населения [10]. Тогда в рамках данного подхода объектами исследования будут являться само социальное здоровье, доступность и качество медицинских услуг, компоненты здорового образа жизни и другие элементы социальной структуры. При этом учитывается роль естественного и миграционного перемещения населения, диспропорция его возрастной и гендерной структур.

В многочисленных трудах социологов, экономистов, демографов социальное здоровье и общественное здоровье используются как синонимы. Такой подход получил название медико-демографического, а его объект исследования связан непосредственно со здоровьем населения.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) сформулировала определение здоровья как единство трех аспектов: физического, психологического (психического) и социального благополучия [15]. Авторы статьи считают такой подход приемлемым, по-

скольку на основании такого определения логично обосновывается синергетическая связь между двумя категориями — «общественное здоровье» и «социальное здоровье». Эта связь предопределяет анализ заявленной в статье категории на основе понимания того, что не социальное здоровье является проблемой для общества, а состояние общества выступает условием сохранения социального здоровья населения.

Материалы и методы

Арктический регион и происходящие в нем процессы имеют свою специфику, что в контексте синергетической связи социального и общественного здоровья следует учитывать при рассмотрении характеристики, показателей и параметров социального здоровья населения северных территорий.

Исходя из принципа, что именно общество, его подсистемы являются условием формирования и сохранения социального здоровья, состояние которого, в свою очередь, влияет на функционирование всех сфер общественной жизни, являясь имманентной частью социального потенциала, в статье за общую основу исследования принята социальная конструкционистская теория P. L. Berger и T. Luckmann, которая не только предлагает применять социальный потенциал в качестве инструмента развития региона, но и рассматривает его формирование как результат социального конструирования, создания социальных норм и правил, институционализации социальных отношений, которые возникают в процессе взаимодействия индивидов и социальных групп [16].

В процессе анализа также использованы идеи о профилактической медицине: «общество должно заниматься профилактической профилактикой, разрабатывая меры по изменению физических, интеллектуальных и нравственных условий человеческого существования; для своего здоровья заниматься защитной профилактикой, решая задачу удаления опасных факторов из окружающей среды, независимо от причины» [14; 17].

Применение системного подхода к оценке социального здоровья в условиях функционирования арктических регионов дало возможность не только выявить специфические характеристики северных территорий, но и выделить факторы, негативно влияющие на их социально-экономическое развитие, такие как преобладание городского населения, низкий потенциал ряда муниципальных образований, их асимметричность, удаленность населенных пунктов друг от друга, наличие огромных пространств, где отсутствует человек, слабое развитие круглогодичного транспортного сообщения, частичное отсутствие целостной инфраструктуры. Было определено, что выявленные негативные особенности в совокупности отрицательно влияют на социальное здоровье населения Арктики.

Системный подход и конструкционистская теория P. L. Berger и T. Luckmann предоставили возможность выделить объективные и субъективные показатели оценки состояния социального здоровья: снижение смертности, заболеваемости и инвалидности; охрана здоровья, увеличение продолжительности здоровой, активной жизни и трудовой деятельности; доступность первичной медико-социальной помощи; способность к воспроизводству; уровень благосостояния людей; здоровый образ жизни. Выбор показателей раскрывает значение социального здоровья как одного из важнейших аспек-

тов качества общественной жизни, а медико-социального ресурса как части социального потенциала общества.

Проведенные авторские исследования представляли собой экспертный опрос на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), Архангельской области и Чукотки. Было опрошено 150 экспертов — представителей властных структур, СМИ, здравоохранения, образования и науки, градообразующих предприятий. В большинстве вопросов экспертного листа предлагалось проранжировать ответы в порядке значимости от 1 (минимальный) до 10 (максимальный) баллов.

Результаты исследования

Для уточнения содержательных аспектов и определения значения выделенных показателей в функционировании арктических регионов был проведен экспертный опрос в ЯНАО, Архангельской области и на Чукотке. Анкетирование экспертов было проведено в дистанционном формате.

Проведенное авторами исследование подтвердило понимание экспертами того, что одним из наиболее важных направлений социальной политики являются процессы сохранения социального здоровья как базового критерия социально-экономического благополучия населения.

Эксперты считают чрезвычайно важным фактором устойчивого социально-экономического развития арктических территорий состояние здоровья населения (рис. 1).

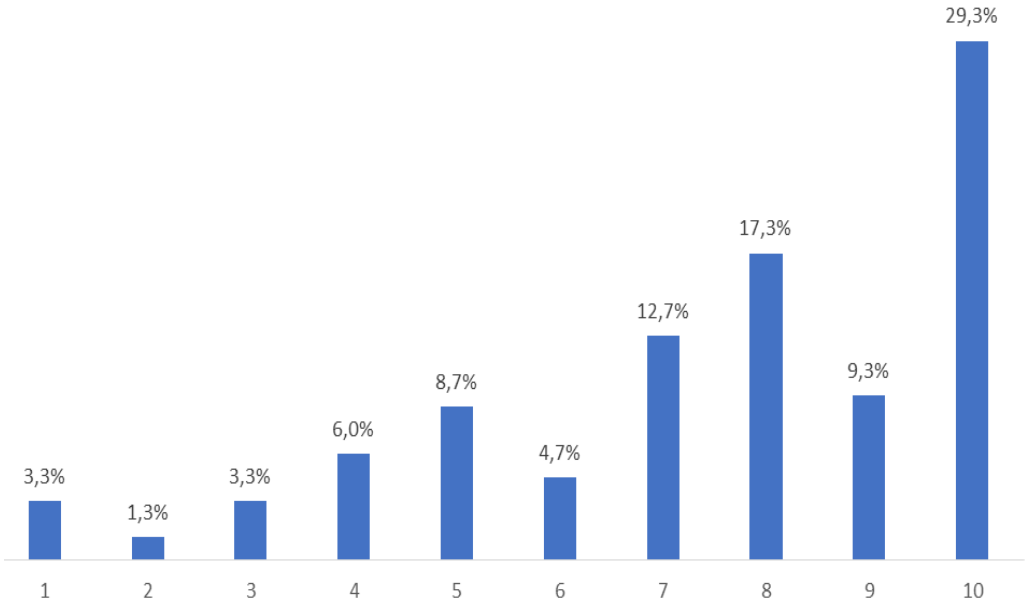

Рис. 1. ***Значимость ответов на вопрос о зависимости устойчивого социально-экономического развития арктических территорий от состояния здоровья населения (по 10-балльной шкале)***

Вычисленные характеристики мнения экспертов по данной проблеме подтверждают предложенный выше вывод. Мода, то есть наиболее часто встречающееся значение переменной, равна 10, то есть подавляющее большинство экспертов считает, что

состояние здоровья населения оказывает огромное влияние на обеспечение устойчивости социально-экономического развития арктических регионов России.

Что касается медианы данной переменной, то она равна 8, и, следовательно, респонденты высказались за уровень влияния фактора состояния здоровья на устойчивость развития Арктического региона, что подразумевает высокий уровень воздействия. Среднеарифметическое значение этой переменной тоже достаточно высокое — 7,46. Среднеквадратичное отклонение и дисперсия по сравнению с другими факторами, влияющими на устойчивость развития регионов, меньше для этой переменной, что говорит о фактическом единодушии экспертов по этому вопросу.

Особо следует отметить, что подавляющее большинство экспертов осознает негативное воздействие тяжелых климатических условий на здоровье населения Арктики.

В процессе исследования были проанализированы научные публикации по проблематике здоровья населения Арктики и обоснованы некоторые тезисы для формулирования рекомендаций властным структурам. Постоянно дующие ветра, аномально высокие и низкие температуры повышают опасность многочисленных заболеваний [6; 18]. Более того, наблюдающееся в последнее время глобальное потепление также оказывает негативное влияние на состояние здоровья населения, проживающего на северных территориях [19].

Судя по результатам авторских материалов, а также вторичного анализа проведенных исследований данных проблем, высокая смертность, в том числе и детская, низкая продолжительность жизни населения вызваны вышеобозначенными факторами риска. Эксперты отмечают и отрицательное воздействие экономических и социальных факторов антропологической деятельности — загрязнение атмосферного воздуха и питьевой воды, снижение качества продуктов питания при увеличении объема их потребления.

В результате воздействия перечисленных факторов многие жители курят, имеют избыточную массу тела, высокое кровяное давление, потребляют большое количество соли, имеют низкую концентрацию магния в плазме, физически неактивны, все это объективно способствует повышению числа заболеваний в арктических зонах, в том числе и неинфекционных [20; 21].

Потепление климата вызывает повышение количества болезней, увеличение уровня смертности, ухудшение состояния здоровья населения. Особенно это характерно для коренных народов Севера, когда нарушается их традиционный образ жизни [20; 22; 23].

Еще одним фактором риска для коренных малочисленных народов Севера является миграция, которая усиливается из-за улучшения транспортной доступности Крайнего Севера в процессе таяния многолетних льдов и приводит к распространению новых для них инфекционных заболеваний. При этом существуют высокие риски изменения их традиционного образа жизни в силу миграционного и промышленного давления на места традиционного обитания и виды жизнедеятельности. Меняется климат, растет травматизм, появляются стрессы, жители начинают потреблять небезопасную пищу и воду [24; 25].

Беспокоит экспертов еще одна проблема арктических территорий — загрязнение окружающей среды. Огромное количество загрязняющих веществ, таких как ртуть, кадмий, свинец, органические загрязнители, промышленные отходы, пестициды, хлорорганические соединения попадают в землю, воду Арктики и негативно влияют на

здоровье всех групп населения, но более всего на коренные малочисленные народы Севера. Ухудшение состояния окружающей среды вызывает у них такие заболевания, как половой диморфизм, рак желудка (исследования Швеции, Финляндии). Подвержены этим заболеваниям и беременные женщины, и дети. Зачастую у них наблюдаются злокачественные новообразования, аномалии течения беременности и родов, низкая масса тела при рождении, врожденные аномалии развития [9; 18; 26].

Выводы отечественных и зарубежных ученых подтверждаются результатами экспертного опроса. Эксперты, опрошенные в процессе авторского социологического исследования, подчеркивали усиление процесса загрязнения воды, воздуха, почвы. В результате сформировалась настолько значимая проблема арктических регионов, что для ее решения требуются долгосрочные программы, комплексный подход и внимание со стороны органов власти, бизнес-структур и территориальных социальных сообществ. На рисунке 2 отражена степень остроты проблемы — значение моды данной переменной — 8 и значение медианы — 6. Стандартное отклонение этой переменной небольшое, что характеризует единодушие опрошенных экспертов по данному вопросу в рамках выявления наиболее существенных проблем жизни в Арктической зоне Российской Федерации.

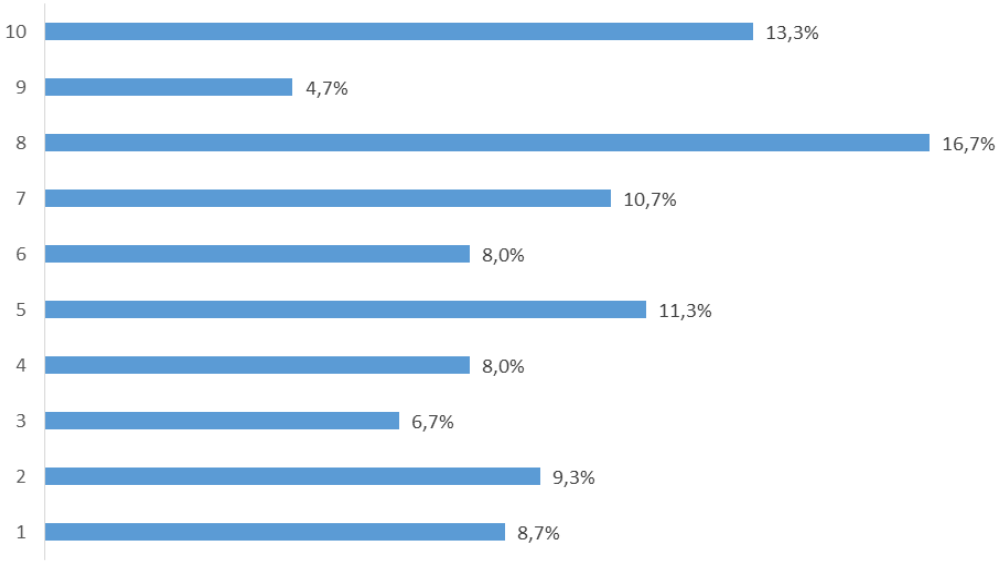

Рис. 2. ***Значимость ответов на вопрос о влиянии усиливающегося загрязнения воздуха, воды и почвы на здоровье населения северных территорий***

В процессе анализа результатов изучения общественного здравоохранения и здоровья населения северных зон России, США, Дании, Норвегии и Канады, в том числе и проживающих на их территориях коренных малочисленных народов, было выявлено следующее: многие представители коренных малочисленных народов Севера потребляют психоактивные вещества и имеют несбалансированное питание [23; 25; 27].

В совокупности с неблагоприятными внешними условиями такое отношение к своему здоровью ведет к его стабильному ухудшению. По мнению экспертов, население арктических регионов, несмотря на пропаганду здорового образа жизни, создание

социальной рекламы, направленной на борьбу с вредными привычками, открытие спортивных комплексов, еще не осознало в полной мере, что здоровье является важнейшей жизненной ценностью, а здоровый образ жизни — его основа. Неслучайно представители ВОЗ полагают, что около 50 % вклада в здоровье составляет именно здоровый образ жизни и профилактика заболеваний. В ответах экспертов отмечалась необходимость усиления работы с молодежью, в том числе расширение доступных программ, стимулирующих активность молодежи (спортивные занятия, волонтерское движение, творческие объединения). Допускают эксперты и ужесточение регулирующих мер в местах потенциального употребления алкоголя — усиление штрафных санкций для баров и ресторанов, продающих алкоголь молодым людям, не достигшим 21 года, контроль за общественными местами.

Результаты анализа авторского социологического исследования в ЯНАО, Архангельской области и на Чукотке показали, что эксперты кроме вышеобозначенных факторов ухудшения здоровья населения северных территорий выделяют в большинстве своем еще недоступность и низкое качество медицинского обслуживания (рис. 3).

Мода для этой переменной равна 10, что означает подавляющее преобладание количества респондентов, считающих, что одна из наиболее значимых проблем жизни в Арктике — это недоступность и низкое качество медицинского обслуживания.

Медиана данной переменной равна 8, и это значит, что респонденты высказались за уровень значимости проблемы жизни в Арктике — недоступность и низкое качество медицинского обслуживания — 9 и 10, и это очень высокий уровень значимости данной проблемы.

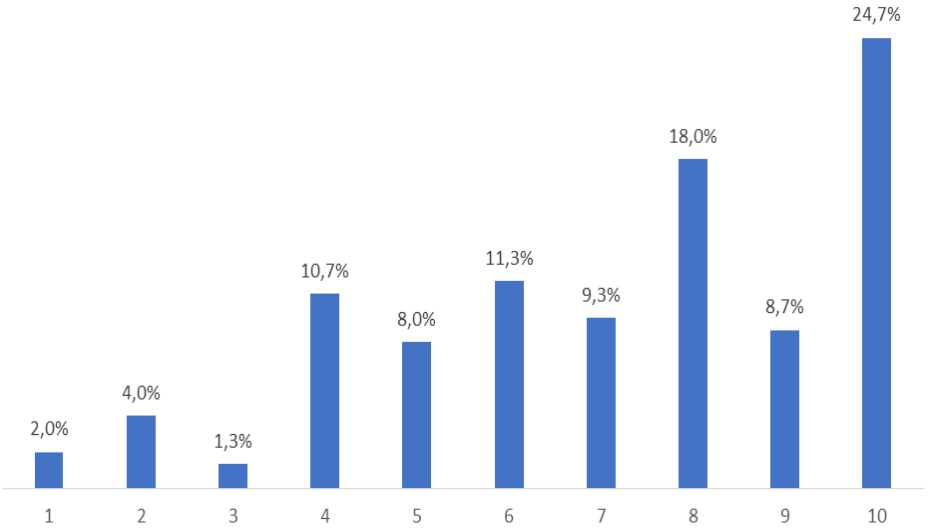

Рис. 3. ***Значимость ответов по проблеме жизни в Арктике — недоступность и низкое качество медицинского обслуживания***

Результаты авторского социологического исследования северных территорий РФ позволили также выявить и другие факторы, негативно влияющие на устойчивое социально-экономическое развитие этих регионов.

Устойчивое развитие регионов, полагают эксперты (78 %), определяется тремя важнейшими составляющими: эффективной экономикой, уровнем социально-экономического благополучия населения и экологической безопасностью. Все эти факторы нашли отражение в концепции устойчивого развития арктических территорий (таблица). При этом эксперты подчеркивают, что из поля зрения представителей власти и бизнеса чаще выпадают такие факторы, как качество и уровень жизни населения, социальная справедливость, качество общества.

Факторы, влияющие на устойчивое социально-экономическое развитие Арктического региона

	Международная ситуация	Потребность мировой экономики в сырье	Диверсификация развития экономики региона	Экологическая ситуация	Уровень и качество жизни населения	Уровень профессиональной подготовки
Среднее	4,94	6,46	5,86	6,01	7,44	7,46
Медиана	5,00	7,00	6,00	6,00	8,00	8,00
Мода	3	8	5	5	10	10
Стд. отклонение	2,754	2,674	2,509	2,700	2,458	2,453

Рассматривая эти и другие социальные факторы, определяющие социальное здоровье населения Арктического региона, следует отметить, что в настоящее время количество предприятий малого и среднего бизнеса в Арктике уменьшилось на 11 тысяч. При этом численность занятых в малом и среднем бизнесе сократилась на 103 тыс. человек [5]. Соответственно, сокращение доступности социальных пакетов и снижение доходов напрямую влияют на уровень и образ жизни жителей, являясь детерминантой ухудшения их здоровья. Дело в том, что цена организации одного рабочего места (в малом и среднем бизнесе) в Арктической зоне составляет в среднем 285 тысяч рублей на одного работника, в то время как на других территориях России она варьирует в рамках 16 тысяч рублей. В Арктике на заработную плату уходит 23 % этих затрат, а в других регионах России — около 14 %. Поэтому сейчас в Арктической зоне сосредоточено лишь 2 % российских малых и средних предприятий, — поясняют в Торгово-промышленной палате РФ [5]. В то же время нельзя забывать, что «Российская Арктика является домом для двух с половиной миллионов человек. Им тоже нужны услуги, еда, красивые вещи. Причем эта потребность усугубляется из-за недоступности тех благ, к которым мы привыкли на материке», — отмечает эксперт Максим Фатеев. «Кроме того, крупные предприятия, в том числе в углеводородном секторе, часто пользуются услугами «смежных малых предприятий». При реализации нефтегазовых проектов на их долю приходится 80 % работы. Кто-то шьет варежки, кто-то — спецодежду, кто-то делает небольшие поставки» [28].

Эксперты Торгово-промышленной палаты России считают необходимым закрепить на региональном уровне в рамках нормативно-законодательной базы необходи-

мость вовлечения малого и среднего бизнеса в крупные проекты. Речь идет об участии малого бизнеса в крупных нефтегазовых проектах, в развитии арктического туризма, экологических программах и других традиционных направлениях бизнеса [28]. Экономические дисбалансы в регионе приводят к дисбалансам в социальной сфере и здравоохранении. Таким образом, очевидна необходимость системного подхода к социальному здоровью в рамках управления социальными процессами в Арктическом регионе в целом.

Выводы

Повышение роли арктических регионов в безопасности государства привело к необходимости анализа совокупности факторов, определяющих устойчивое развитие этих регионов.

Проведенный анализ авторских социологических исследований в Ямало-Ненецком автономном округе, Архангельской области и на Чукотке подтвердил значение социального здоровья для устойчивого развития арктических регионов.

Комплексная оценка показателей социального здоровья позволяет понять влияние таких факторов, как здоровье человека, его физическая выносливость и работоспособность; тенденции рождаемости, смертности и миграционных процессов; позволяет осознать зависимость человека от средств существования, качества функционирования социальной инфраструктуры.

Особое внимание экспертов в ходе анализа демографической и социально-экономической ситуации на арктических территориях было уделено следующим негативным факторам: расслоению на «бедных» и «богатых», социальной незащищенности, неудовлетворительному состоянию инфраструктуры, алкоголизму, плохой экологии, низкому уровню и качеству жизни населения, жилищным проблемам, недоступности и низкому качеству медицинской помощи, малочисленности и плотности населения Арктической зоны, недостаточному количеству кадров в здравоохранении, неустойчивому развитию социальной среды, высокому уровню заболеваемости, наличию инвалидности, повышению уровня смертности в трудоспособном возрасте, безработице и социальной болезни. В связи с масштабом выделенных экспертами проблем достижение и поддержание социального здоровья арктических регионов как системного явления в рамках устойчивого развития не может быть достигнуто в рамках применения паллиативных и разовых мероприятий. Решение этих проблем связано с формированием специального структурного компонента региональной социально-экономической политики — социального здоровья населения.

Проведенный анализ показал, что в первую очередь необходимо переосмыслить в контексте принципов устойчивого развития значение социального здоровья как общественной ценности; органам управления принять запрос со стороны общества на повышение качества жизни, создание благоприятных условий жизнедеятельности человека, достижение социального равенства и справедливости. Сохранение социального здоровья предполагает формирование ответственности всех сторон, заинтересованных в

устойчивом развитии Арктики: государственных и муниципальных органов власти, бизнес-структур, общественных организаций, местных сообществ.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук в рамках исследования МК-2980.2021.2 «Мониторинг социального здоровья населения Арктического региона».

Список источников

[1] Rynor, B. Climate change poses health threats in Arctic / B. Rynor. – DOI 10.1503/cmaj.109-4053. – Direct text // Canadian Medical Association Journal. – 2012. – Vol. 184, Issue 1. – P. E33−E34.

[2] Parkinson, A. J. Climate change and health in the Arctic / A. J. Parkinson, B. Evengard. – Direct text // Climate Change and Global Health / Edited by C. D. Butler. – 1st edition. – Croydon : CPI Group, 2014. – P. 206–217.

[3] Пилясов, А. Н. И последние станут первыми : северная периферия на пути к экономике знания / А. Н. Пилясов ; Государственное научно-исследовательское учреждение «Совет по изучению производительных сил». – Москва : Либроком, 2009. – 544 с. – Текст : непосредственный.

[4] Environmental and human security in the Arctic / Edited by G. H. Gjorv, D. R. Bazely, M. Goloviznina, A. J. Tanentzap. – 1st edition. – DOI 10.4324/9781315885384. – London : Routledge, 2013. – 312 p. – Текст : непосредственный.

[5] Маркин, В. В. Здоровье людей в Арктике : социально-пространственный дискурс (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / В. В. Маркин, А. Н. Силин, И. С. Вершинин. – DOI 10.15838/esc.2020.5.71.11. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 182–199.

[6] Revich, B. A. Extreme temperature episodes and mortality in Yakutsk, East Siberia / B. A. Revich, D. A. Shaposhnikov. – DOI 10.22605/RRH1338. – Direct text // Rural and Remote Health. – 2010. – Vol. 10, Issue 2. – P. 1338.

[7] Ревич, Б. А. Демографические процессы, динамика трудовых ресурсов и риски для здоровью населения Европейской части Арктической зоны России / Б. А. Ревич, Т. Л. Харькова, Е. А. Кваша [и др.] ; под редакцией Б. А. Ревича, Б. Н. Порфирьева ; Российская академия наук, Институт народнохозяйственного прогнозирования. – Москва : Ленанд, 2016. – 304 с. – Текст : непосредственный.

[8] Davidson, A. Social determinants of health : A comparative approach / A. Davidson. – 2nd edition. – Oxford : Oxford University Press, 2019. – 384 p. – Direct text.

[9] Jensen, P. E. Water, sanitation, pollution, and health in the Arctic / P. E. Jensen, T. W. Hennessy, R. Kallenborn. – DOI 10.1007/s11356-018-3388-x. – Direct text // Environmental Science and Pollution Research. – 2018. – Vol. 25, Issue 33. – P. 32827–32830.

[10] Does social capital determine health? Evidence from eight transition countries / B. L. D'Hombres, L. M. Rocco, M. Suhrcke, M. McKee. – DOI 10.1002/hec.1445. – Direct text // Health Economics. – 2010. – Vol. 19, Issue 1. – P. 56–74.

[11] Ellsworth, L. Circumpolar Inuit health systems / L. Ellsworth, A. O'Keeffe. – DOI 10.3402/ijch.v72i0.21402. – Direct text // International Journal of Circumpolar Health. – 2013. – Vol. 72, Issue 1. – P. 21402.

[12] Saad, E. Manage socially : The social process model / E. Saad. – Scotts Valley : CreateSpace, 2015. – 116 p. – Direct text.

[13] Bhandari, H. What is social capital? A comprehensive review of the concept / H. Bhandari, K. Yasunobu. – DOI 10.1163/156853109X436847. – Direct text // Asian Journal of Social Science. – 2009. – Vol. 37, Issue 3. – P. 480–510.

[14] Global perspectives on social capital and health / I. Kawachi, S. Takao, S. Subramanian. – Berlin : Springer, 2013. – 359 p. – Direct text.

[15] Устав (конституция) Всемирной Организации Здравоохранения – Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения : официальный сайт. – URL: https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd48/basic-documents-48th-edition-ru.pdf?ua=1#page=9 (дата обращения: 20.07.2022).

[16] Berger, P. L. The social construction of reality : A treatise in the sociology of knowledge / P. L. Berger, T. Luckmann. – New York : Open Road Media, 2011. – 286 p. – Direct text.

[17] Лексин В. Н. Организация здравоохранения в Арктической зоне России. Накопленные и новые проблемы и решения / В. Н. Лексин. – DOI 10.33983/0130-9757-2019-4-3-20. – Текст : непосредственный // Российский экономический журнал. – 2019. – № 4. – С. 3–20.

[18] Revich, B. A. Determinants of public health in Arctic and Subarctic territories of Russia / B. A. Revich. – DOI 10.1134/S1075700717010099. – Direct text // Studies on Russian economic development. – 2017. – Vol. 28, Issue 1. – P. 39–47.

[19] Corell, R. W. Challenges of climate change : an Arctic perspective / R. W. Corell. – DOI 10.1579/0044-7447(2006)35[148:COCCAA]2.0.CO;2. – Direct text // Ambio : Journal of Environment and Society. – 2006. – Vol. 35, Issue 4. – P. 148–152.

[20] Climate change, water, and human health research in the Arctic / S. L. Harper, C. Wright, S. Masina, S. Coggins. – DOI 10.1016/j.wasec.2020.100062. – Direct text // Water Security. – 2020. – № 10. – P. 100062.

[21] Climate change and infectious diseases in the Arctic : establishment of a circumpolar working group / A. J. Parkinson, B. Evengard, J. C. Semenza [et al.]. – DOI 10.3402/ijch.v73.25163. – Direct text // International Journal of Circumpolar Health. – 2014. – Vol. 73. – P. 25163.

[22] Climate change in the North American Arctic : a one-health perspective // J. Dudley, E. Hoberg, E. Jenkins, A. Parkinson. – DOI 10.1007/s10393-015-1036-1. – Direct text // EcoHealth. – 2015. – Vol. 12, Issue 4. – P. 713–725.
[23] Основные аспекты социально-экономического развития и системы жизнеобеспечения населения арктических территорий России / О. Д. Проценко, К. Н. Глазов, С. Е. Ермакова, И. Г. Юрикова. – Текст : непосредственный // Экономика и управление. – 2018. – № 9. – С. 4–11.
[24] Identifying and achieving consensus on health-related indicators of climate change in Nunavut / G. Akearok, S. Holzman, J. Kunnuk [et al.]. – DOI 10.14430/arctic68719. – Direct text // Arctic. – 2019. – Vol. 72, Issue 3. – P. 289–299.
[25] Vitamin D deficiency and disease risk among aboriginal Arctic populations / S. Sharma, A. B. Barr, H. M. Macdonald [et al.]. – DOI 10.1111/j.1753-4887.2011.00406.x. – Direct text // Nutrition Reviews. – 2011. – Vol. 69, Issue 8. – P. 468–478.
[26] Rittmueller, S. E. Dietary adequacy and dietary quality of Inuit in the Canadian Arctic who smoke and the potential implications for chronic disease / S. E. Rittmueller, C. Roache, S. Sharma. – DOI 10.1017/S1368980011003521. – Direct text // Public Health Nutrition. – 2012. – Vol. 15, Issue 7. – P. 1268–1275.
[27] Human infectious diseases and the changing climate in the Arctic / A. Waits, A. Emelyanova, A. Oksanen [et al.]. – DOI 10.1016/j.envint.2018.09.042. – Direct text // Environment International. – 2018. – Vol. 121. – P. 703–713.
[28] Человеческий капитал арктических регионов : системные проблемы и технологии их решения : монография / О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко, Л. Н. Белоножко [и др.] ; ответственные редакторы А. Н. Силин, В. В. Маркин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тюменский индустриальный университет», Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Западно-Сибирский филиал. – Тюмень : ТИУ, 2020. – 179 с. – Текст : непосредственный.

References

[1] Rynor, B. (2012). Climate change poses health threats in the Arctic. Canadian Medial Association Journal, 184(1), E33-E34. (In English).
[2] Parkinson, A. J., & Evengard, B. (2014). Climate change and health in the Arctic. Climate Change and Global Health, 1st edition. Croydon, CPI Group, pp. 206-217. (In English).
[3] Pilyasov, A. N. (2009). I poslednie stanut pervymi: severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya. Moscow, Librokom Publ., 544 p. (In Russian).
[4] Gjorv, G. H., Bazely, D. R., Goloviznina, M., & Tanentzap, A. J. (Eds) (2013). Environmental and human security in the Arctic. London, Routledge, 312 p. (In English). DOI: 10.4324/9781315885384

[5] Markin, V. V., Silin, A. N., & Vershinin, I. S. (2020). Human health in the Arctic: socio-spatial discourse (case study of the Yamalo-Nenets autonomous okrug). Economic and social changes: facts, trends, forecast, 13(5), pp. 182-199. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.11

[6] Revich, B. A., & Shaposhnikov, D. A. (2010). Extreme temperature episodes and mortality in Yakutsk, East Siberia. Rural and remote health, 10(2), pp. 1338. (In English). DOI: 10.22605/RRH1338

[7] Revich, B. A., Kharkova, T. L., Kvasha, E. A., Bogoyavlensky, D. D., Korovkin, A. G., & Korolev, I. B. (2016). Demograficheskie protsessy, dinamika trudovykh resursov i riski dlya zdorov'yu naseleniya evropeyskoy chasti Arkticheskoy zony Rossii. Moscow, Lenand Publ., 304 p. (In Russian).

[8] Davidson, A. (2019). Social determinants of health: A comparative approach. Oxford, Oxford University Press, 384 p. (In English).

[9] Jensen, P. E., Hennessy, T. W., & Kallenborn, R. (2018). Water, sanitation, pollution, and health in the Arctic. Environmental Science and Pollution Research, 25(33), pp. 32827-32830. (In English). DOI: 10.1007/s11356-018-3388-x

[10] D'Hombres, B. L., Rocco, L. M., Suhrcke, M., & McKee, M. (2010). Does social capital determine health? Evidence from eight transition countries. Health Economics, 19(1), pp. 56-74. (In English). DOI: 10.1002/hec.1445

[11] Ellsworth, L., & O'Keeffe, A. (2013). Circumpolar Inuit health systems. International Journal of Circumpolar Health, 72(1), p. 21402. (In English). DOI: 10.3402/ijch.v72i0.21402

[12] Saad, E. (2015). Manage socially: The social process model. Scotts Valley, CreateSpace, 116 p. (In English).

[13] Bhandari, H., & Yasunobu, K. (2009). What is social capital? A comprehensive review of the concept. Asian Journal of Social Science, 37(3), pp. 480-510. (In English). DOI: 10.1163/156853109X436847

[14] Kawachi, I., Takao, S., & Subramanian, S. (Eds) (2013). Global perspectives on social capital and health. Berlin, Springer, 359 p. (In English).

[15] Constitution of the World Health Organization. (In English). Available at: https://apps.who.int/gb/bd/PDF/bd47/EN/constitution-en.pdf?ua=1

[16] Berger, P. L., & Luckmann, T. (2011). The social construction of reality: A treatise in the sociology of knowledge. New York, Open Road Media, 286 p. (In English).

[17] Leksin, V. N. (2019). Healthcare system in the Arctic zone of Russia. Known and emerging issues and solutions to them. Russian Economic Journal, (4), pp. 3-20. (In Russian). DOI: 10.33983/0130-9757-2019-4-3-20

[18] Revich, B. A. (2017). Determinants of public health in Arctic and Subarctic territories of Russia. Studies on Russian economic development, 28(1), pp. 39-47. (In English). DOI: 10.1134/S1075700717010099

[19] Corell, R. W. (2006). Challenges of climate change: an Arctic perspective. Ambio: Journal of Environment and Society, 35(4), pp. 148-152. (In English). DOI: 10.1579/0044-7447(2006)35[148:COCCAA]2.0.CO;2

[20] Harper, S. L., Wright, C., Masina, S., & Coggins, S. (2020). Climate change, water, and human health research in the Arctic. Water Security, (10), p. 100062. (In English). DOI: 10.1016/j.wasec.2020.100062

[21] Parkinson, A. J., Evengard, B., Semenza, J. C., Ogden, N., Børresen, M. L., Berner, J.,… Albihn, A. (2014). Climate change and infectious diseases in the Arctic: establishment of a circumpolar working group. International Journal of Circumpolar Health, 73, pp. 25163. (In English). DOI: 10.3402/ijch.v73.25163

[22] Dudley, J., Hoberg, E., Jenkins, E., & Parkinson, A. (2015). Climate change in the North American Arctic: a one-health perspective. EcoHealth, 12(4), pp. 713-725. (In English). DOI: 10.1007/s10393-015-1036-1

[23] Protsenko, O. D., Glazov, K. N., Ermakova, S. E., & Yurikova, I. G. (2018). Main aspects of social and economic development and life support system of the population of the arctic territories of the Russian Federation. Ekonomika i upravlenie, (9), pp. 4-11. (In Russian).

[24] Akearok, G., Holzman, S., Kunnuk, J., Kuppaq, N., Martos, Z., Healey, C.,… Tabish, T. (2019). Identifying and achieving consensus on health-related indicators of climate change in Nunavut. Arctic, 72(3), pp. 289-299. (In English). DOI: 10.14430/arctic68719

[25] Sharma, S., Barr, A. B., Macdonald, H. M., Sheehy, T., Novotny, R., & Corriveau, A. (2011). Vitamin D deficiency and disease risk among aboriginal Arctic populations. Nutrition Reviews, 69(8), pp. 468-478. (In English). DOI: 10.1111/j.1753-4887.2011.00406.x

[26] Rittmueller, S. E., Roache, C., & Sharma, S. (2012). Dietary adequacy and dietary quality of Inuit in the Canadian Arctic who smoke and the potential implications for chronic disease. Public Health Nutrition, 15(7), pp. 1268-1275. (In English). DOI: 10.1017/S1368980011003521

[27] Waits, A., Emelyanova, A., Oksanen, A., Abass, K., & Rautio, A. (2018). Human infectious diseases and the changing climate in the Arctic. Environment International, 121, pp. 703-713. (In English). DOI: 10.1016/j.envint.2018.09.042

[28] Barbakov, O. M., Belonozhko, M. L., Belonozhko, L. N., Blynskaya, T. A., Yershinin, I. S., Kibenko, V. A.,… Yudashkin V. A. (2020). Chelovecheskiy kapital arkticheskikh regionov: sistemnye problemy i tekhnologii ikh resheniya. Tyumen, TIU Publ., 179 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 15.10.2022; принята к публикации 25.10.2022.
The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 15.10.2022; accepted for publication 25.10.2022.

УДК 316.354
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-25-38

Управление развитием инженерного вуза на основе новых моделей проектного обучения

Вадим Олегович Довбыш

Центр проектного обучения, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию существующего опыта российских инженерных вузов по внедрению и реализации практик проектного обучения, которое в современных социально-экономических условиях, с одной стороны, выступает инструментом индивидуализации образовательных траекторий обучающихся, с другой — обеспечивает возможности для развития существующих и выстраивания новых взаимодействий между университетом и его индустриальными партнерами, как в направлении образования, так и в совместной реализации инновационных проектов. По результатам проведенного исследования был осуществлен анализ текущей ситуации с организацией проектного обучения в инженерных вузах; выявлены предпосылки и перспективы развития данного направления; предложена модель проектного обучения, предполагающая ориентацию на выстраивание взаимовыгодных взаимодействий с индустриальными партнерами, отвечая при этом запросам со стороны обучающихся к возможности индивидуализации своей образовательной траектории. На основе изученного опыта проектного обучения в инженерных вузах и полученных результатов была сформулирована перспектива дальнейших исследований, где актуальными являются вопросы масштабирования проектного обучения, разработки и апробации механизмов взаимодействия учебной и внеучебной деятельности обучающихся.

Ключевые слова: проектное обучение, индивидуализация инженерного образования, образовательная модель, междисциплинарные проекты, высшее образование

Для цитирования: Довбыш, В. О. Управление развитием инженерного вуза на основе новых моделей проектного обучения / В. О. Довбыш. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-25-38 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 25–38.

Managing the development of an engineering university based on new models of project-based learning

Vadim O. Dovbysh

Project-based Learning Center, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the existing experience of Russian engineering universities in the implementation of project-based learning practices. Project-based learning in modern socio-economic conditions, on the one hand, acts as a tool for individualizing the educational trajectories of students, on the other hand, provides opportunities for the development of existing and building new interactions between the university and its industrial partners, both in the direction of education and the joint implementation of innovative projects. According to the results of the scientific research, an analysis of the current situation with the organization of project-based learning in engineering universities was carried out; the prerequisites and prospects for the development of this direction were identified; a model of project-based learning was proposed, which implies a focus on building mutually beneficial interactions with industrial partners, while meeting the needs of students

for the possibility of individualizing their educational trajectory. Based on the studied experience project-based learning in engineering universities and the results obtained, the prospect of further research was formulated. Topical issues are the scaling of project-based learning, the development and testing of mechanisms for the interaction of educational and extracurricular activities of students.

Keywords: project-based learning, individualization of engineering education, educational model, interdisciplinary projects, higher education

For citation: Dovbysh, V. O. (2022). Managing the development of an engineering university based on new models of project-based learning. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 25-38. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-25-38

Введение

В современных реалиях уровень неопределенности и темп преобразования окружающих человека условий постоянно возрастает. Приоритеты социально-экономического развития страны формируют запрос к системе высшего образования, в частности инженерного, на осуществление качественных изменений в процессе подготовки будущих специалистов, способных интегрироваться в производственные процессы с минимальным периодом адаптации по завершению своего обучения в университете. Так, на государственном уровне реализуются инициативы по выстраиванию взаимодействий нового типа между вузами и технологическими компаниями для совместного проектирования и реализации передового инженерного образования. Одной из последних федеральных инициатив, запущенной в 2022 году, стал проект «Передовые инженерные школы» [1]. В соответствии с целями и задачами проекта к 2030 году на площадках российских университетов в партнерстве с высокотехнологическими компаниями будут созданы 30 передовых инженерных школ, что должно обеспечить значительный вклад в технологическое развитие страны. Помимо того, что предполагается активное участие технологического партнера в деятельности инженерной школы, например привлечение инженеров-практиков к образовательному процессу, организация стажировок для обучающихся и профессорско-преподавательского состава и пр., важным аспектом является целеполагание на разработку и реализацию инновационных проектов.

Стоит выделить приоритетный проект, запущенный в 2016 году, «Вузы как центры пространства создания инноваций», где особое внимание уделено практико-ориентированной составляющей образовательного процесса с вектором на реализацию командами проектов полного жизненного цикла [2]. Проект предполагает целевые показатели по количеству проектно-ориентированных программ инженерного и других профилей, реализацию проектно-ориентированных магистерских программ по технологическому предпринимательству, управлению технологическими проектами в кооперации с компаниями реального сектора экономики.

Таким образом, можно наблюдать сформированный запрос со стороны государства на практико-ориентированное инженерное образование с участием представителей реального сектора экономики, где в силу современных социально-

экономических условий проектная деятельность определена как необходимый и эффективный образовательный формат.

Сегодня проектная деятельность и проектное обучение широко распространено и активно разветвляется на площадках российских вузов, среди которых: Дальневосточный федеральный университет, Московский политехнический университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Томский политехнический университет, Тюменский индустриальный университет, Уральский Федеральный университет и др. Как правило, каждый из университетов реализует различные модели и подходы к организации проектной деятельности, выстраивая ее через учебную, научно-исследовательскую и/или внеучебную деятельность. Среди попыток разработки общих аспектов модели проектного обучения в инженерном образовании можно выделить инициативу ИОТ-консорциума вузов в рамках проекта развития «Индивидуализация в инженерном образовании с применением проектного обучения», где «участники группы разрабатывают модель и набор сервисов для реализации массового проектного обучения в инженерном образовании. Основная идея — создание комплекса лучших практик реализации проектного обучения, чтобы каждый университет мог гибко использовать предлагаемую модель, адаптируя ее к своим целям, условиям и задачам» [3]. В силу таких характерных особенностей проектной деятельности для обучающихся вузов, как работа над реальной и актуальной проблематикой, формирование команды и самоопределения, выделение значительного количества времени на самостоятельное обучение и поиск решений, возможность выбора проблемы и путей ее решения и т. д., проектно-ориентированное обучение может обеспечить неотъемлемый вклад не только в формирование индивидуальной образовательной траектории, но и сформировать практики организации междисциплинарного образовательного процесса. Аналогичную позицию можно встретить в работе М. В. Ивановой и Т. В. Ртищевой. Авторы, изучая роль проектного подхода при формировании индивидуальных образовательных траекторий, делают вывод о том, что «проектный подход позволяет интегрировать требования индивидуализации и междисциплинарности современного образования» [4].

Несмотря на то, что практика проектного обучения широко распространена в российских вузах и находится в процессе постоянного развития, получая поддержку со стороны государства и индустриальных партнеров университета, существует перечень актуальных проблем, которые сегодня активно обсуждаются исследователями и практиками [4–8]. В свою очередь, в данной работе внимание будет сфокусировано на следующих проблемных вопросах: целеполагание и принципы проектного обучения, приоритизация образовательных и продуктовых результатов в ходе проектной деятельности обучающихся, обеспечение взаимовыгодного взаимодействия вуза и его индустриальных партнеров в процессе реализации проектного обучения.

Исходя из вышеизложенного, целью работы является изучение практик организации проектного обучения в инженерных вузах и формирование модели проектного обучения, интегрированной в основной образовательный процесс, способствующей формированию индивидуализации образовательной траектории обучающегося, комплементарной инновационному развитию организации.

Согласно поставленной цели были определены следующие задачи исследования: проанализировать предпосылки и перспективы развития проектного обучения в российских вузах; исследовать теоретические представления и практический опыт университетов по организации проектного обучения и проектной деятельности с участием обучающихся; предложить модель проектного обучения, удовлетворяющую запросам индивидуализации образовательной траектории обучающихся инженерных вузов; определить направления дальнейших исследований в сфере реализации практик организации проектного обучения в инженерных вузах.

Материалы и методы

Согласно поставленной цели и сформулированным задачам, в представленном исследовании производился сбор и анализ качественных и количественных данных на основе анализа научных и методических материалов по применению проектно-ориентированного обучения в инженерных вузах, сравнения, классификации и обобщения, методов вовлечения представителей индустрии в проектирование, реализацию и экспертное сопровождение проектной деятельности команд обучающихся, формирование совместной оценки потребностей для выявления направлений развития образовательной программы, информационных и аналитических данных, полученных в результате реализации проектной деятельности обучающихся Высшей инженерной школы EG Тюменского индустриального университета (ВИШ EG ТИУ), эмпирических и диагностических методов исследования, систематизации экспериментальных данных.

Результаты и обсуждение

Высшее образование в настоящее время претерпевает значительные изменения. Сформированы базовые предпосылки к индивидуализации обучения в российских вузах, в том числе и в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ, в котором закреплено понятие «индивидуальный учебный план — учебный план, обеспечивающий освоение образовательной программы на основе индивидуализации ее содержания с учетом особенностей и образовательных потребностей конкретного обучающегося» [5]. В настоящее время российскими вузами осуществляется переход от пассивной модели преподавания, где обучающийся является участником субъект-объектных отношений, к проактивной модели, предполагающей возможность для обучающегося самостоятельно формировать собственную образовательную траекторию. Такой переход требует разработки эффективных инструментов, подходов и новых прогрессивных образовательных практик. В свою очередь, как показывает практический опыт и результаты исследований, проектно-ориентированное обучение может являться достаточно эффективным инструментом индивидуализации для обучающихся, позволяя сделать более гибкой и адаптивной образовательную программу, учитывающую совместные интересы обучающегося и потенциального работодателя. В анализе внедрения проектного обучения в российских вузах, проведенном М. В. Куклиной и др., отмечается, что «российская система высшего образования, опираясь на структуру и условия нашей экономики, значительно отстает от общемировых

трендов, однако необходимость перехода университетов к новым форматам обучения очевидна» [7]. Отмечено, что наряду с традиционными методами и практиками наблюдается повсеместное распространение в российской системе высшего образования методов проектного обучения. Расчет идет на то, что внедрение новых методов обучения позволит повысить качество образования как в школах, так и вузах. Но проектно-ориентированное обучение не рассматривается как полная замена традиционных образовательных форматов, таких как лекции, практические и лабораторные занятия и аттестации. Актуальность проектного обучения с участием преподавателей-практиков отметил министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков при посещении нового образовательного кластера в Российском государственном университете нефти и газа имени И. М. Губкина: «особую роль в техническом образовании играет участие преподавателей-практиков, которые могут делиться с ребятами своим опытом. Междисциплинарный процесс обучения позволит студентам получить четкое понимание о будущей работе — от проектной деятельности до решения реальных инженерных и управленческих задач» [9].

Специфика образовательных программ в российском высшем образовании сориентирована сейчас на так называемую модель «2+2+2» (четыре года бакалавриата, два года магистратуры). Д. Мельник в статье «2+2+2 = современная высшая школа? Что такое отложенный выбор студентов» отмечает, что в эту схему заложен целый ряд инноваций для российского высшего образования [10]. Это возможность до окончания второго курса определиться с выбором профиля подготовки, возможность получить расширенную образовательную базу, позволяющую более гибко встраиваться в рынок труда, и даже возможность сменить университет после прохождения обучения на первых двух курсах. Программа инженерного образования в рамках модели «2+2+2» предполагает изучение общеинженерных дисциплин на первых двух курсах и только с третьего курса — переход к профилизации. Проектная деятельность в таких условиях может выступить эффективным инструментом гибкости образовательной программы и возможности более осознанного выбора обучающимися бакалавриата направления профессиональной подготовки по завершении второго курса. Следовательно, закономерно возникают сложности в процессе реализации проектного обучения на первых двух курсах в рамках общеинженерной подготовки, когда в учебном плане отсутствуют профессиональные дисциплины, и появляется необходимость в разработке таких проектов, которые, с одной стороны, сформируют базовые понятия об индустрии, а с другой — не потребуют наличия у обучающихся профессиональных компетенций.

Несмотря на ряд сложностей и ограничений, с которыми сталкивается система высшего образования в процессе реализации новых образовательных форматов, проектно-ориентированное обучение получает все более широкое распространение в российских университетах. В письме Министерства образования и науки РФ от 31 августа 2017 г. перед университетскими центрами инновационного, технологического и социального развития регионов была поставлена «задача создать условия для реализации проектно-ориентированных образовательных программ инженерного, медицинского, социально-экономического, педагогического профилей и отдельных программ естественнонаучного и гуманитарного профилей, предполагающих командное выполнение проектов полного

жизненного цикла» [11]. Но очень часто проектная деятельность в университетах не приведена к последовательным, обобщенным и масштабируемым моделям. В настоящее время в условиях индивидуализации образовательного процесса и активного запуска процессов масштабирования лучших образовательных практик, актуальным становится вопрос проработки общих моделей реализации проектного обучения в университете.

Важную роль в достижении эффективности реализации проектно-ориентированного подхода помимо модели организации проектного обучения в вузе играют классификация и требования к качеству образовательных проектов. Можно встретить различные условия по обеспечению качества. Так, например, в издании «Проектное обучение. Практики внедрения в университетах» предложен список требований, выдвигаемых к студенческому проекту: проектирование от проблемы / значимости / востребованности / актуальности; реализация полного жизненного цикла проекта; оригинальность решения; включенность в профессиональное сообщество; требования к процессу достижения результата проектов: самостоятельность, учет ограниченности ресурсов, осознанность в выборе организационных решений; проектная работа имеет образовательный результат [12].

Особое внимание обращается на две классификации проектов: по ведущей деятельности, которая осуществляется в этих проектах, и по продуктовому результату, который получается на выходе [12]. Предложенные требования и классификация могут быть приняты за отправную точку при разработке собственных моделей проектной деятельности с учетом региональных особенностей и специфики индустрии. Однако даже в рамках одного университета модели проектной деятельности могут отличаться в зависимости от отраслевой специфики, ресурсной базы и степени интегрированности с индустриальными партнерами.

В Уральском федеральном университете Положением о проектном обучении предусмотрено два типа результата проектного обучения: образовательный (освоение компетенций) и продуктовый (создание материальной или нематериальной ценностей). Кроме этого, в каждом проекте обязательно определяется роль заказчика, который формулирует задачи и проводит приемку результатов проекта. В Положении представлена также типология проектов по уровню сложности (A, B, C) и по типу проводимых работ (исследовательские, прикладные), а также подробно раскрыта классификация проектов [13]. В работе Д. Г. Турлакова «Социологический аспект управления проектной деятельностью в образовательных системах» при рассмотрении сути проектного обучения делается акцент на трансформации учебного процесса в стартапы предпринимательской и иной проектной деятельности. Также автор говорит о «формировании способности у обучающихся видеть коммерческий или социальный потенциал от реализации своих идей» [8]. Такой подход подразумевает, что каждый образовательный проект должен иметь коммерческий, социальный или, в случае инженерных направлений подготовки, технологический результат. При этом отсутствует возможность постепенного погружения обучающихся в проектную деятельность — от проектов только с образовательным результатом к проектам с потенциалом практического применения. Как показывает опыт реализации проектной деятельности в Высшей инженерной школе EG ТИУ, возникает необходимость расширять типологию проектов, реализуемых на разных этапах образовательного процесса.

Необходимо отметить, что наряду с важностью качественной типологии и классификации проектов не менее важным является построение эффективной модели реализации проектной деятельности для получения максимального результата за счет последовательного и прогрессивного развития обучающихся на разных этапах образовательного процесса.

В модели проектной деятельности Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого на первом курсе обучающиеся получают основы проектной деятельности, на втором курсе работают над проектами, тематику которых готовят выпускающие кафедры, исходя из перспективных направлений собственных исследований, и на третьем курсе предполагается работа обучающихся над проектами индустриальных партнеров (заказчиков). Проектная деятельность студентов реализуется в рамках дисциплины «Проектный практикум» [14]. Такая модель уже содержит в себе последовательное погружение обучающихся во все более сложные проекты с прогрессирующими итоговыми результатами.

Форма реализации проектной деятельности в разных вузах представлена поразному. Проектная деятельность бывает: интегрирована в учебный план и представлена в качестве дисциплины; вынесена во внеучебную деятельность; реализуема через перечень дисциплин учебного плана; комбинированные варианты.

Такая разница в формах реализации зачастую приводит к разрозненному пониманию целей и результатов проектной деятельности. Значительная часть университетов склоняется к тому, что по завершении проектной деятельности должен быть получен именно продуктовый результат. В связи с этим часто возникает подмена понятия «проектная деятельность», предусматривающего уникальность получаемого результата, на «выполнение рабочих задач для индустриального или академического партнера». Важно отметить, что в рамках образовательного процесса по завершении проектной деятельности приоритетным считается образовательный результат. Исходя из этого можно дать следующее определение образовательного проекта — это комплексная, протекающая в условиях взаимодействия с внешней средой, учебно-познавательная, творческая или игровая деятельность обучающихся, связанная с достижением в определенные сроки и при ограниченных ресурсах запланированной совокупности целей (задач) и мероприятий, направленных на достижение конкретного образовательного результата. Вместе с тем, продуктовый результат может и должен присутствовать. Результаты проектного обучения могут выступать отправной точкой от образовательной деятельности к инициированию инновационных проектов, которые можно развивать в рамках научно-исследовательской и/или предпринимательской деятельности. И здесь возникает вопрос эффективного взаимодействия с индустриальными партнерами. Большая часть вузов при реализации проектной деятельности в обязательном порядке предусматривает участие индустриальных партнеров на разных стадиях жизненного цикла образовательного проекта: в разработке проектных заданий, верификации тематик, экспертном сопровождении, оценке результатов и др. В то же время довольно часто можно столкнуться с проблемой привлечения индустриальных партнеров и обеспечения их эффективной интеграции в рамках образовательного процесса, что может быть обусловлено отсутствием приоритизации между образовательным и продуктовым результатом проектной деятельности, отсутствием процесса согласования интересов всех участников проектного обучения, высоким уровнем занятости представителей индустриальных партнеров по основному месту работы, трудоемким процессом трудоустройства представителей индустриальных партнеров в вуз, различиями в корпоративной культуре

образовательной и бизнес-организации, отсутствием педагогического опыта у представителей индустриального партнера и пр. Сложности возникают и с общим пониманием во внешней среде проектной деятельности обучающихся, что делает еще более важным разработку универсальных, согласованных со всеми стейкхолдерами моделей реализации проектно-ориентированного обучения в инженерном вузе.

На основе анализа реализации проектного обучения в российских вузах предлагается следящая классификация образовательных проектов (таблица).

Подходы к классификации образовательных проектов

<table>
<tr><td colspan="6">Количество участников в проекте</td></tr>
<tr><td colspan="4">Индивидуальный</td><td colspan="2">Групповой</td></tr>
<tr><td colspan="6">Уровень сложности</td></tr>
<tr><td colspan="3" rowspan="2">Уровень неопределенности (инструменты и результаты)
1- в рамках реализации проекта известны результаты и инструменты их достижения (верифицированный курсовой проект)
2 - в рамках реализации проекта известны результаты и/или инструменты их достижения, но результат требует вариационного изменения
3 - в рамках реализации проекта не известны результаты и/или инструменты их достижения
4 - в рамках реализации проекта не известны результаты и инструменты их достижения</td><td colspan="2">Требование к продуктовому результату
- кейс
- концепт
- MVP
- готовый продукт</td><td>Требование к экспертизе и сопровождению
- специалист/м.н.с.
- инженер/с.н.с.
- эксперт/г.н.с.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Требование к рес. обеспечению
- материально-технический
- финансовый
- информационный
- временной</td><td>Требование к территориальному распределению членов команды проекта
- город
- страна
- несколько стран</td></tr>
<tr><td colspan="6">Продолжительность</td></tr>
<tr><td>Семестровый</td><td>Несколько семестров</td><td>На весь период обучения</td><td>Краткосрочный (не более 6-8 недель для реализации)</td><td colspan="2">Проектный интенсив — проект полноценного объема деятельности, сокращенный по времени реализации</td></tr>
<tr><td colspan="6">Интенсивность</td></tr>
<tr><td colspan="2">Интенсив на неделю</td><td colspan="2">Несколько интенсивов в течение семестра</td><td>Раз в неделю в течение семестра</td><td>Комбинированный</td></tr>
<tr><td colspan="6">Поступление проблемы/проекта</td></tr>
<tr><td colspan="2">От студентов</td><td colspan="2">От ППС</td><td colspan="2">От заказчика (внутренних или внешних)</td></tr>
<tr><td colspan="6">Профиль (специальность)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Профильный</td><td colspan="2">Непрофильный</td><td colspan="2">Комбинированный</td></tr>
<tr><td colspan="6">Предметно-содержательная отрасль</td></tr>
<tr><td colspan="2">Монопроект (в рамках одной отрасли знаний)</td><td colspan="2">Межпредметный проект (на стыке различных отраслей)</td><td colspan="2">Сверхпредметный проект (проект может быть не связан с изучаемым материалом, а включен в более широкий социальный контекст)</td></tr>
<tr><td colspan="6">Область распространения проекта (количество программ, участвующих в реализации проекта)</td></tr>
<tr><td colspan="2">Монопрограммный — проект, который реализуют студенты одной ОП</td><td colspan="2">«Ядерный» — проект, который направлен на профилизацию студента на ранних сроках обучения и распространяется на несколько ОП одной или нескольких УГС</td><td colspan="2">Межпрограммный — проект, в реализации которого участвуют студенты разных направлений, для каждого направления выделен подпроект с определенными требованиями к результату</td></tr>
<tr><td colspan="6">Концептуальное целеполагание</td></tr>
<tr><td colspan="2">Улучшение</td><td colspan="4">Развитие (кардинальные изменения, концептуально новый подход)</td></tr>
<tr><td colspan="6">Требования к обучающемуся на входе</td></tr>
<tr><td>Компетенции (soft, hard)</td><td colspan="2">Знания</td><td colspan="2">Опыт</td><td>Входной контроль/отбор</td></tr>
<tr><td colspan="6">Мотивация участников (студентов)</td></tr>
<tr><td>Обязательная дисциплина</td><td colspan="2">Вместо одной из дисциплин</td><td colspan="2">Личная проблема</td><td>Внеучебная деятельность (творческая, исследовательская, предпринимательская)</td></tr>
<tr><td colspan="6">Результат</td></tr>
<tr><td colspan="3">Образовательный</td><td colspan="3">Продуктовый</td></tr>
<tr><td colspan="6">Стадия жизненного цикла объекта (инженерной системы)</td></tr>
<tr><td colspan="2">На стадии проектирования и запуска</td><td colspan="2">На стадии эксплуатации</td><td colspan="2">На стадии утилизации</td></tr>
</table>

Выявленные проблемы, проанализированный и накопленный опыт позволяют предложить собственную модель организации проектного обучения, интегрированную в основной образовательный процесс, при этом отвечая потребностям индивидуализации образовательной траектории обучающихся и обеспечивая участие представителей индустриальных партнеров в образовательном процессе. В качестве примера представлена модель организации проектного обучения для первых двух курсов по образовательным программам бакалавриата и специалитета Высшей инженерной школы EG ТИУ (рис. 1).

Рис. 1. ***Модель организации проектного обучения ВИШ EG***

В модель организации проектного обучения заложено четыре основных принципа: 1) проектная деятельность — место практического приложения полученных знаний обучающимися; 2) роль преподавателя — наставник и партнер, а не транслятор знаний; 3) ориентация на задачи/проблемы стейкхолдеров, совместная реализация проектов (верификация актуальности решаемых задач); 4) кооперация сотрудников университета и индустриальных партнеров для совместного проектирования и реализации образовательного процесса.

В соответствии с предлагаемой моделью первые два курса направлены на формирование универсальной проектной компетенции, объединяя в себе универсальные и профессиональные компетенции, в том числе в рамках отраслевой специфики, отражающей представление о полном технологическом цикле отрасли. Проектная деятельность должна быть организована с учетом преемственности между образовательными проектами в разных семестрах и формировать у обучающихся последовательное представление о проектной деятельности и отраслевой специфике в соответствии с направлением подготовки. Первый семестр направлен на формирование представления основ проектной деятельности и проектного управления в целом и этапах, методах и инструментах разработки и реализации проектов обучающихся в командах в частности, в то время как проектная деятельность на 2–4 семестрах формирует запрос/потребность к содержанию дисциплин учебного плана и выступает инструментом индивидуализации образовательной траектории, способствующей осознанному выбору обучающимися профиля подготовки в рамках выбранного направления (рис. 2).

Проектное обучение позволит обучающимся овладеть теоретическими и прикладными профессиональными знаниями, умениями и практическими навыками в области анализа и обработки информации, проектного и инженерного мышления, получить опыт работы в команде.

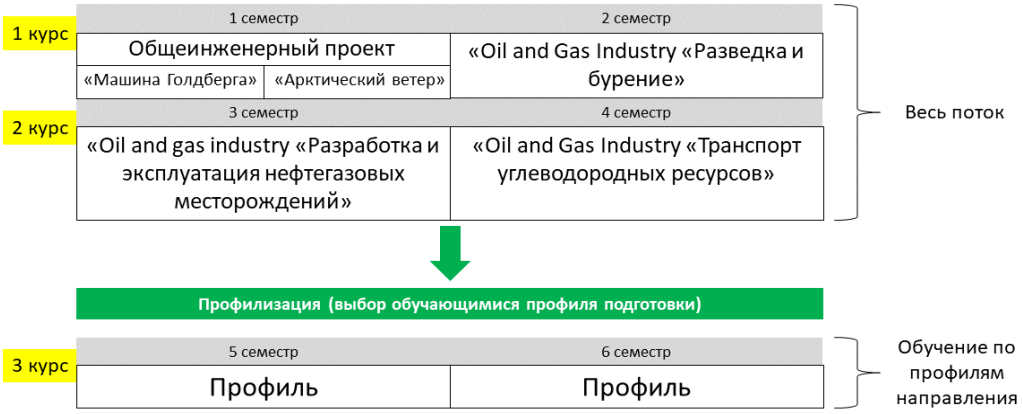

Рис. 2. ***Пример структуры проектной деятельности***

Последовательное выполнение проектов, начиная с естественнонаучных и общеинженерных и заканчивая реальными отраслевыми кейсами и прикладными задачами в ходе освоения дисциплины, способствует приобретению систематических знаний о закономерностях, правилах и процедурах в изучаемой области, а также изучению научно-исследовательских основ и методов, используемых в проектной деятельности для повышения качества и эффективности работы.

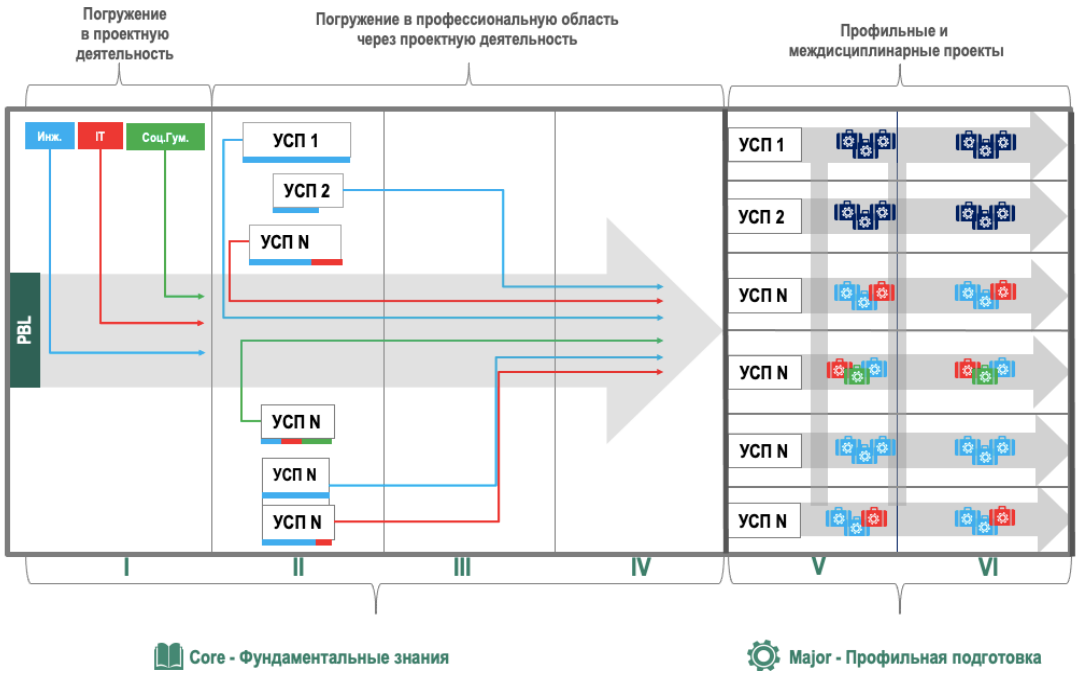

Рис. 3. ***Общая модель организации проектного обучения***

Рассматривая процесс масштабирования модели проектного обучения на пространстве университета, предлагается единая модель проектного обучения в рамках реализации всех образовательных программ бакалавриата и специалитета (рис. 3).

Выводы

В сегодняшних условиях перед представителями системы высшего образования и, в частности, коллективов российских вузов стоит задача по трансформации образовательных моделей, где особую роль занимает развитие практико-ориентированной составляющей. Рынок труда формулирует запрос на кадры, которые помимо профессиональных компетенций и возможности интегрироваться в производственные процессы с минимальным периодом адаптации должны быть способны к нестандартному мышлению и своевременной адаптации к быстро меняющимся внешним условиям. В свою очередь разработка и реализация моделей проектного обучения с основной ориентацией на образовательные результаты и непосредственным участием представителей индустриальных партеров как на стадии разработки, так и на стадии реализации, позволит повысить эффективность практико-ориентированной составляющей образовательного процесса и сформировать необходимый задел для запуска инновационных проектов.

Предложенная в работе модель проектного обучения позволяет решить ряд приоритетных задач.

Обучающимся: помочь в формировании индивидуальной образовательной траектории; в процессе обучения использовать полученные знания сразу на практике; повысить уровень осознанности обучающихся при выборе профиля подготовки и будущей профессии; выстроить взаимодействие с будущим работодателем на этапе обучения.

Университету: создать условия для активного вовлечения индустриальных партнеров в образовательный процесс и деятельностное взаимодействие с вузом для совместной реализации исследований и инновационных проектов; повысить количественный показатель по трудоустройству выпускников по специальности; привлечь дополнительную поддержку со стороны индустрии; обеспечить актуальность и востребованность практической составляющей образовательных программ; обеспечить своевременную трансформацию/развитие самих образовательных программ.

В рамках развития и масштабирования проектного обучения, построенного на единой организационной модели, перспективным направлением в вузах является исследование практик и разработка механизмов реализации междисциплинарных образовательных проектов. В свою очередь, проектная деятельность, реализуемая в образовательном процессе, должна быть подготовительным этапом и являться связующим звеном для инициирования реальных проектов, которые необходимо развивать в рамках научно-исследовательской и/или предпринимательской деятельности на базе университета, что требует разработки и апробации механизмов взаимодействия учебной и внеучебной деятельности обучающихся.

Список источников

[1] Постановление Правительства РФ от 08.04.2022 № 619 «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ». — Текст : электронный // Consultant : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_414282/ (дата обращения: 09.11.2022).

[2] Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций». – URL: http://static.government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1 WG1EtMG9ABe.pdf (дата обращения: 13.11.2022). – Текст : электронный.

[3] ИОТ-консорциум вузов : сайт. – URL: https://iot-consortium.ru/ (дата обращения: 13.11.2022). – Текст : электронный.

[4] Иванова, М. В. Проектный подход в формировании индивидуальных образовательных траекторий / М. В. Иванова, Т. В. Ртищева. – Текст : непосредственный // Инновации в образовании. – 2018. – № 1. – С. 5–16.

[5] Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон № 273-ФЗ : [принят Государственной думой 21 декабря 2012 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года]. – Москва, 2012. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902389617 – Текст : электронный.

[6] Арюкова, Е. А. Проектный подход в формировании индивидуальных образовательных траекторий / Е. А. Арюкова, А. А. Наумова // Учебный эксперимент в образовании. – 2020. – № 4 (96). – С. 43–50.

[7] Анализ внедрения проектного обучения в российских вузах / М. В. Куклина, А. И. Труфанов, Н. Г. Уразова, А. В. Бондарева. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 6. – URL: https://doi.org/10.17513/spno.31320 (дата обращения: 13.11.2022).

[8] Турлаков, Д. Г. Социологический аспект управления проектной деятельностью в образовательных системах / Д. Г. Турлаков. – Текст : непосредственный // Казанский педагогический журнал. – 2022. – № 1 (150). – С. 263–269.

[9] Валерий Фальков посетил новый образовательный кластер в Российском государственном университете нефти и газа имени И. М. Губкина. – Текст : электронный // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. – 2022. – 5 окт. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59438/?sphrase_id=4304443 (дата обращения: 13.11.2022).

[10] Белинский. Ю. 2+2+2 = современная высшая школа? Что такое отложенный выбор студентов / Ю. Белинский. – Текст : электронный // ТАСС : сайт. – 2020. – 18 фев. – URL: https://tass.ru/opinions/7763823 (дата обращения: 13.11.2022).

[11] Письмо заместителя министра образования и науки Л. М. Огородовой от 31 августа 2017 г. № ЛО-1754/05. – Текст : электронный // Fgosvo : сайт. – 2017. – 16 сент. – URL: https://fgosvo.ru/news/view/3080 (дата обращения: 13.11.2022).

[12] Проектное обучение. Практики внедрения в университетах / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» ; под редакцией Л. А. Евстратовой, Н. В. Исаевой, О. В. Лешукова. – Москва : Издательский Дом «Высшей школы экономики», 2018. – 152 с. – Текст : непосредственный.
[13] Приказ о введение в действие Положения о проектном обучении. – Екатеринбург, 2021. – URL: https://programs.edu.urfu.ru/media/documents/00073720.pdf (дата обращения: 13.11.2022). – Текст : электронный.
[14] Проектная деятельность. – Текст : электронный // Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого : Корпоративный портал. – URL: https://portal.novsu.ru/study/newUniversity/ (дата обращения: 13.11.2022).

References

[1] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.04.2022 № 619 "O merakh gosudarstvennoy podderzhki programm razvitiya peredovykh inzhenernykh shkol". (In Russian). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414282/
[2] Pasport prioritetnogo proekta "Vuzy kak tsentry prostranstva sozdaniya innovatsiy". (In Russian). Available at: http://static.government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1WG1EtMG9ABe.pdf
[3] IOT-konsortsium vuzov. (In Russian). Available at: https://iot-consortium.ru/
[4] Ivanova, M. V., & Rtishcheva, T. V. (2018). Using of project approach in individual educational paths forming. Innovation in Education, (1), pp. 5-16 (in Russian).
[5] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon № 273-FZ. (In Russian). Available at: https://docs.cntd.ru/document/902389617
[6] Aryukova, E. A., & Naumova, A. A. (2013). Design approach in formation of individual educational trajectories. Teaching experiment in education, (4(93)), pp. 54-57. (In Russian).
[7] Kuklina, M. V., Trufanov, A. I., Urazova, N. G., & Bondareva, A. V. (2021). Analysis of the implementation of project-based learning in Russian universities. Modern problems of science and education, (6). (In Russian). Available at: https://doi.org/10.17513/spno.31320
[8] Turlakov, D. G. (2022). The sociological aspect of project management in educational systems. Kazan pedagogical journal, (1(150)), pp. 263-269. (In Russian).
[9] Valeriy Fal'kov posetil novyy obrazovatel'nyy klaster v Rossiyskom gosudarstvennom universitete nefti i gaza imeni I. M. Gubkina. (2022). (In Russian). Available at: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59438/?sphrase_id=4304443
[10] Belinskiy, Yu. (2020). 2+2+2 = modern higher education? What is the delayed choice of students. (In Russian). Available at: https://tass.ru/opinions/7763823
[11] Pis'mo zamestitelya ministra obrazovaniya i nauki L. M. Ogorodovoy ot 31 avgusta 2017 g. № LO-1754/05. (In Russian). Available at: https://fgosvo.ru/news/view/3080

[12] Evstratova, L. A., Isaev, N. V., & Leshukov, O. V. (Eds) (2018). Proektnoe obuchenie. Praktiki vnedreniya v universitetakh. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 152 p. (In Russian).
[13] Prikaz o vvedenie v deystvie Polozheniya o proektnom obuchenii. (In Russian). Available at: https://programs.edu.urfu.ru/media/documents/00073720.pdf
[14] Proektnaya deyatel'nost'. (In Russian). Available at: https://portal.novsu.ru/study/newUniversity/

Статья поступила в редакцию 18.11.2022; одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.
The article was submitted 18.11.2022; approved after reviewing 25.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.

УДК 008 (103)
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-39-51

Тенденция к демонстративности в обществе потребления

Алексей Николаевич Ильин

Кафедра практической психологии, Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Аннотация. Проблема данной работы — исследовательская неясность в отношении феномена консюмеризма, а именно его сущностных характеристик. В статье показана социологическая сущность консюмеризма, который характерен для капиталистического уклада. Данная сущность связана не просто с потреблением ради воспроизводства жизни, а с потреблением как способом демонстрирования себя перед окружающими людьми. Потребление связано со стремлением к самопозиционированию, демонстрации статуса в глазах других людей. Восхищенный взгляд стороннего наблюдателя возводится консюмером в смысл жизни. Более правильной применительно к обществу потребления выглядит дихотомия не «иметь или быть», а «быть или казаться». В условиях капитализма функционирование рекламы напоминает децентрализованный конгломерат властных отношений, где многочисленные конкурирующие рекламисты посредством своих суггестивных акций осуществляют микровласть над адресатами.

Ключевые слова: потребление, демонстративность, взгляд другого, реклама, мода

Для цитирования: Ильин, А. Н. Тенденция к демонстративности в обществе потребления / А. Н. Ильин. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-39-51 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 39–51.

The tendency to demonstrativeness in the consumer society

Alexey N. Il'in

Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia

Abstract. The problem of this work is the research ambiguity regarding the phenomenon of consumerism, namely its essential characteristics. The article shows the sociological essence of consumerism, which is characteristic of the capitalist way of life. This essence is connected not just with consumption for the sake of reproduction of life, but with consumption as a way of demonstrating oneself in front of other people. Consumption is associated with the desire for self-positioning, demonstrating status in public. The admiring gaze of an outsider is elevated by the consumer into the meaning of life. More correct in relation to the consumer society is not the dichotomy of "to have or to be", but "to be or to seem". Under the conditions of capitalism, the functioning of advertising resembles a decentralized conglomerate of power relations, where numerous competing advertisers exercise micro-power over their addressees through their suggestive actions.

Keywords: consumption, demonstrativeness, the other's view, advertising, fashion

For citation: Il'in, A. N. (2022). The tendency to demonstrativeness in the consumer society. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 39-51. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-39-51

Введение

Современное общество вполне оправданно именуется потребительским. Реклама, мода и другие аспекты потребительской инфраструктуры оказывают постоянное воздействие на сознание человека, даже если он не отдает себе в этом отчета. В результате формируются особые типы личности, ценностные ориентации, поведенческие практики. Однако до сих пор наблюдается научная неясность при современном взгляде на феномен консюмеризма, его сущностные особенности, в чем и заключается проблема исследования. Так, потребление сопряжено не просто с желанием покупать для поддержания жизни, для удовлетворения эстетического вкуса, для формирования комфорта и пр.

Со времен перехода человечества на капиталистический путь стал в той или иной мере проявлять себя феномен демонстративного потребления. В середине XIX в. он привлекал еще не слишком пристальное внимание. В начале XX в. ученые стали обращать к нему более внимательный взор. Консюмеризм имеет достаточно длительную историю как в качестве объективного социального явления, так и в качестве объекта сначала монодисциплинарного, а позже и междисциплинарного изучения. Среди социальных философов активно изучали общество потребления Г. Маркузе [1], Э. Фромм [2] и Ж. Бодрийяр [3; 4]. Маркузе описал американское общество 1960-х гг. как социум тотального администрирования, где потребление служит одной из форм контроля, который нейтрализует протестную активность. По Маркузе, рабочий класс, уровень жизни которого неуклонно растет, преисполнен потребительскими тенденциями, поэтому ждать от него стремления к освобождению (как считали классики марксизма) не приходится. В наше время господствующего неолиберализма, в отличие от социального государства Запада периода «славного тридцатилетия», уровень жизни большинства людей снижается. Однако «зараженность» потребительским духом остается, что, как и прежде, обеспечивает некий невидимый контроль за обществом и нейтрализует социальный протест. Поэтому основные выводы работы Маркузе остаются актуальными и для современного российского общества. Э. Фромм разделил отношение человека к своей жизни на две формы: модус бытия (аутентичный) и модус обладания (неаутентичный). Стремление к потреблению рассматривается как проявление второго модуса под названием «иметь», который характеризует неподлинную жизнь субъекта, растрату потенций на потребление вместо личностного развития и наделения себя продуктивностью в деятельности. Ж. Бодрийяр раскрыл семиотическую сущность знаков в обществе потребления, представил потребительские товары как наделенные знаковой составляющей, отметил, что ценность вещей возникает в системе социальных отношений. Знаковость вещей наблюдается и в наше время, так как потребители приписывают себе высокий статус благодаря «вещным» символам. Особый вклад в развитие теории потребления, в первую очередь концепции аффлюэнции (нерациональное использование денег, соблазн перед «статусными» покупками), коррелирующей с идеями настоящей статьи, внесли Д. Де Грааф, Д. Ванн, Т. Нэйлор [5]. Из современных авторов следует выделить В. И. Ильина, который в своей социологической работе [6] раскрыл потребление в качестве дискурсивной практики, что означает, что имеющиеся вещи укоренены в коммуникативном пространстве и составляют в нашем обществе си-

стему символов. Мы продолжаем критическую традицию, начатую вышеупомянутыми авторами, а также Г. Дебором [7], который наметил изучение потребления через противопоставление между бытием и кажимостью и описал консюмеризм как явление, встроенное в «общество спектакля».

Материалы и методы

Сложилось большое количество методов и подходов к осмыслению консюмеризма (социологический, социально-философский, культурологический, политологический, экономический и др.), однако мы не ставили перед собой задачи наиболее полно представить степень изученности проблемы и проанализировать многочисленные работы по интересующей нас теме. Диалектический метод необходим для осмысления специфики главных противоречий, присущих обществу потребления. Постмодернистский подход дает возможность изучить культуру исходя из теории симулякра. Сравнительно-исторический метод позволяет сравнить типы культуры советского и постсоветского обществ. Метод теоретической реконструкции применяется для выделения основного ценностно-смыслового содержания культуры потребления. Посредством системного подхода интегрируются различные научные идеи для создания концепции культуры потребления, специфики ее воздействия на разные сферы жизни человека и общества — духовно-нравственную, экономическую, идеологическую, экологическую, политическую.

В своем анализе в основном мы использовали марксистский (и неомарксистский) подход, который дает возможность создать критическую концепцию потребительских тенденций, распространившихся в условиях капиталистического общества. Данный подход помогает описать и объяснить потребительскую культуру как органично «вписывающуюся» в условия неолиберального капитализма с характерной для него неограниченной коммодификацией, проникающей в разные области социальной жизни: семью, религию, политику, жизненные установки, ценностные ориентации и т. д. Марксистский подход позволяет представить потребительскую идеологию как форму сознания, альтернативную коллективистским и классовым формам мировоззрения, а потому выгодную для заправил капиталистического мира, ведь типичный, ориентированный на ценности вещизма консюмер-индивидуалист не задумывается о коллективных проектах переустройства политико-экономического бытия, об интересах общественного большинства, о социальной справедливости.

Результаты и обсуждение

Одна из самых главных особенностей потребкульта — это навязывание тотальной коммодификации. Типичный потребитель смотрит на других людей товарным взглядом, оценивая каждого не по интеллектуальным или моральным качествам, а по материальному богатству. Аналогичным образом он относится и к себе, пытаясь позиционировать себя в глазах других людей посредством обладания модными и дорогими «игрушками» — одеждой, обувью, автомобилем, гаджетами. Потребителя интересует то, что многочисленные люди (в основном такие же, как он) поставят ему «лайк» за его обладание модными и дорогими вещами.

Согласно марксизму, буржуазная идеология полностью подчиняет индивида капиталу и собственности. Когда К. Маркс призывает уничтожить частную собственность, он, кроме всего прочего, заботится об освобождении личности. Неприятие частной собственности у Маркса несводимо к его политическим и даже экономическим взглядам. Он ведет речь об освобождении личности (живого) от тирании капитала (мертвого) [8]. В наше время актуализировалась проблема освобождения личности (живого) от вещей и их символов (мертвого).

Все мы при господстве капитализма в той или иной степени становимся не только рабами капитала, но и вещей, которых алчно желаем. Маркс замечает: «…на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания» [9]. Здесь мы наблюдаем преувеличение, ведь чувство обладания не может заменить всех чувств; однако в целом мысль представляется верной, поскольку чувство обладания заняло (особенно в наше время) широкое «чувственное поле».

Восхищенный взгляд Другого выступает для потребителя некоей опорой, доказательством, что он — потребитель — существует. Одобрительный взгляд со стороны — одновременно и выражение смысла жизни консюмера и критерий его существования. Такой взгляд как бы удостоверяет полноту бытия. Консюмер живет экстравертированной жизнью, находясь в исключительно широком поле взглядов, в условиях наличия мнения других; сама жизнь складывается из мнений окружающих людей, позволяющих консюмеру получать уверенность в собственном существовании. Общество потребления — совокупность внешне ориентированных, публичных людей, актеров.

«Капитализм устойчив не потому, что он наиболее эффективно удовлетворяет нужды людей, а потому что наиболее эффективно навязывает эти нужды» [10]. Следует оговориться, что нужды эти деполитизированные, они сопряжены не с коллективными социально-политическими протестами, а со стремлением в индивидуальной форме обеспечить себя модными предметами. Открывшееся потребительскому взору поле возможного стремится получить некую универсальность, превратиться в общий для всех стандарт. В мире, где существует роскошь, привилегированный товар, наблюдается дефицит действительной демократии. Ведь привилегии, как известно, распространяются не на всех. Если бы они находились в зоне доступа каждого, они перестали бы являться привилегиями, и ни у кого не имелось бы преимуществ. Каждый потребитель стремится не к упразднению классовых различий и привилегий, а к интеграции в тренд. Буржуазное сознание (ныне неоправданно забытая категория) его буквально распирает, вне зависимости от его реальной классовой принадлежности.

Бизнес, используя рекламу, создает все новые и новые продукты, выходящие за пределы потребностной сферы покупателей, и старается вместе с тем сформировать потребности, которые бы удовлетворили коммерческие интересы самого этого бизнеса. Согласно П. Бурдье и Ж.-К. Пассрону, педагогический труд «производит нераздельно легитимность продукта и легитимную потребность в этом продукте как легитимном продукте, формируя легитимных потребителей, то есть наделенных социальным определением легитимного продукта и предрасположенностью потреблять его в легитимных формах» [11]. Подобное производство осуществляет инфраструктура потребления. Реальность — не просто внешнее препятствие для реализации наших желаний. Реальность — это также инстанция, формирующая немалую часть наших желаний.

Потребитель может не обладать в полной мере вожделенными материальными благами, то есть иметь вместе со статусными богатствами огромные долги по кредитам, взятым на приобретение этих богатств. Но кредиты не видит никто, а дорогие брендовые вещи вполне наблюдаемы извне. Факт обладания дорогим гаджетом попадает в поле всеобщего обзора. Уровень жизни общества может быть невысоким, но это вовсе не препятствует господству в массовом сознании ценностей консюмеризма. Поэтому неверными выглядят утверждения, согласно которым потребительское общество отличается действительно высоким объемом благ. Э. Фромм применительно к потребкульту выдвинул оппозицию «иметь или быть» [2], но более правильной выглядит дихотомия «быть или казаться», потребитель охвачен не желанием самоактуализации, саморазвития, а кажимостью. Он создает фиктивный образ богатого и занимающего высокий статус человека.

Мода и реклама убеждают консюмера, что он может, достоин и даже должен потреблять не хуже других, и он пускается в путь потребительской конкуренции с другими. Но данное соперничество распространяется на те продукты, товары и услуги, которыми он пользуется на виду, ведь нет смысла демонстрировать свой статус, когда никто этого не видит. Потребитель — это играющий на публику актер, «профессиональное» мастерство которого заключается в умении щегольнуть гламурными блестками брендовых вещей. Феномен потребительства не является автономной монадой. При публичном наслаждении осуществляется именно консюмеристская стратегема, выраженная в стремлении подчеркнуть себя и свой престиж.

Расходы на демонстративность и расточительность, фундированные позиционированием подчеркнутой независимости от различных институций (на деле показывающие зависимость от институций моды и рекламы), оказываются наиболее важными. Но потребитель не задается фактом иррациональности своего поведения.

В условиях свободного рынка каждый пытается разными способами воспользоваться другим в своих эгоистических интересах. Так, производитель, например, собачьего корма, создавая суггестивную рекламную акцию, тоже манипулирует массовым сознанием. Ложь и манипуляции исходят не из некоего единого центра, например из государственных структур, они децентрализированы, направляются практически отовсюду, со стороны различных коммерческих инстанций, стремящихся к получению и максимизации прибыли. Про это многообразие можно сказать словами М. Фуко: «я думаю, что единственной власти не существует, но в обществе имеют место многочисленные, разнообразные, разноуровневые, опирающиеся друг на друга, противодействующие одни другим отношения власти» [12]. Функционирование мира рекламы напоминает конгломерат властных отношений, где многочисленные производители-рекламисты посредством своих суггестивных акций осуществляют микровласть над адресатами. Причем они сами остаются адресатами один для другого. Имеет место широкое поле функционирования микрофизики (рекламной) власти. Ряду потребителей рекламные (властные) воздействия доставляют удовольствие, что позволяет вести речь о либидинальности, эротизме этих властных отношений. В целом, при свободном рынке ложь и манипуляции получили гегемонию. И пресловутая невидимая рука рынка благоволит не столько тем, кто более усердно трудится и предлагает наилучший для общества про-

дукт, сколько тем, кто умеет обманывать и «формировать» потребности людей под свой, даже малополезный, товар.

По верной мысли Д. Дорлинга, «статусная паранойя усиливается по мере того, как мы подглядываем за другими людьми с помощью телевидения и Интернета. Мы получаем коллективное приглашение к алчности посредством рекламы, соблазняющей нас желать все большего и большего» [13].

Наблюдается парадокс. В целях сравнения себя с другими реализуется как подглядывание, так и квазиподглядывание при помощи моды и рекламы. В первом случае мы наблюдаем других людей, фиксируем взглядом их внешность, принадлежащие им вещи, принятый ими стиль одежды. Сознательно или бессознательно мы стараемся соответствовать им, «быть не хуже». Во втором случае мы всего лишь стереотипно думаем, что наблюдаем других, а в реальности перед нами предстает непроверенный на аутентичность образ, который часто оказывается рекламной уловкой, манипулятивной выходкой моды, телеэффектом. Так, когда на телеэкране в рекламе бренда одежды появляется известный актер, который демонстрирует свою приверженность именно этому бренду, реципиент верит увиденному и даже не задумывается о том, что данный актер в действительности может вовсе не носить одежду этого бренда. Демонстрация приверженности не есть реальная приверженность. Так формируется идеологический фантом, который именно своей фантомностью отличается от подглядывания. Квазиподглядывание сопряжено с коммерчески выверенным и четко продуманным соединением двух совершенно разных объектов: популярным персонажем и некоей продукцией, которую он, как утверждается в рекламе, выбирает. Место реальной видимости занимает фиктивная, которая всего лишь подстраивается под реальную. Знание о других людях сменяется/замещается фантазией о них, подкрепляемой притягательным телеобразом.

В обществе, где растет информационная, дезинформационная (проблема в том, что трудно отличить информацию от дезинформации), эмоциональная и психологическая нагрузка на человека, бренд становится средством навигации в принятии потребительского решения. Брендовость выступает способом идентификации и дифференциации как товаров, так и потребителей. И те и другие оцениваются по мерке брендовые — небрендовые. Стоимость компании в условиях сегодняшнего информационно-дезинформационного общества зависит в первую очередь от стоимости бренда. Нередко благодаря торговой марке стоимость корпорации в разы выше стоимости ее активов. Важен не размер производительных мощностей корпорации, не ее заводы и фабрики, а имя как надматериальная субстанция. Пример стоимостного «переизбытка» бренда находим в книге Н. Кляйн: в 1988 г. корпорация Philip Morris приобрела компанию Kraft за $12,6 млрд., что в 6 раз превышало балансовую стоимость активов [14]. Поэтому крупные корпорации можно смело считать мыльными пузырями экономики — ведь они «отрываются» от реальной стоимости в сторону чистой стоимости нематериальных вещей — брендов. Они формируют симулятивную добавленную стоимость, виртуалию, так хорошо укладывающуюся в нормативное поле общества потребления.

С. Жижек приводит иной пример не просто стоимостного «переизбытка», а чего-то большего. Корпорация Nike не имеет своих заводов и передает по контракту компаниям из Азии или Центральной Америки материальное производство. Дистрибуцией

продукции корпорации занимаются оптовики. Финансовые сделки заключаются финансовыми консультантами. Маркетинговую стратегию и рекламу осуществляют рекламные агентства. Дизайн продукции выдумывают дизайнеры. На финансирование всей этой деятельности Nike берет кредиты в банке [15]. Выходит, компании Nike как таковой не существует. Она является ничем. Однако в сознании реципиентов данная марка означает не просто одежду и обувь, а стиль жизни. У нее имеются многочисленные поклонники. В общем, бренда нет, но он есть. В некотором роде он напоминает улыбку чеширского кота. И чем более значимый (известный, популярный, дорогостоящий) бренд, тем, наверняка, с большим надувательством он связан.

В обществе потребления бренд стал мерой всех вещей. Также сформировался «брендовый человек» — типичный потребитель, который позиционирует себя, свою респектабельность посредством брендов. К материальным активам производства — заводы, фабрики, сборочные цеха, здания, сырье — добавляются нематериальные активы — товарные знаки, марки, имидж фирмы и созданной ею продукции, реклама и маркетинг. Нематериальные активы необходимы предприятию для сбыта товара, и они же ценятся потребителями.

Бренд указывает на статус товара. Чем выше его статус, тем выше положение его обладателя. Собственно экономическая (денежная) стоимость обращается в символическую стоимость, указывающую на престиж, происходит конвертация этих стоимостей. Не лучше ли вместо лейбла, указывающего на респектабельного производителя, приделать к футболке ценник? Тогда он, как и лейбл, будет показывать, сколько денег человек готов отдать за эту футболку, точнее, за те ценности, которые футболкой позиционируются — стиль, модность и т. д. Однако ценники так не используются, хотя мало разницы между лейблопоклонничеством и ценопоклонничеством. «Интересно, что если первоначально брэнд возникал как рыночная модификация того или иного знака деятельности конкретного агента рынка (мастера), ее качества и результата, то сегодня это понятие, взятое из области рыночных отношений, используется и как субстанция для решения онтологических проблем человека, в том числе проблемы самоидентификации частного человека. Этот частный человек пытается решить данный вопрос не как проблему обретения своего имени в обществе и в мире культуры, он решает проблему своей социальной самоидентификации через приобщение к тем или иным знакам престижного потребления, которое становится в силу этого симулятивным. И это приобщение происходит через процесс постоянного включения индивида в отношения купли-продажи, которые как раз и становятся субстанцией «общественного» бытия частного человека. Потребность в подтверждении достоверности своего общественного бытия заставляет этого частного человека постоянно подтверждать свою состоятельность именно и прежде всего в сфере отношений купли-продажи. Соответственно процесс общественного бытия этого частного человека превращается, используя выражение Гегеля, в «дурную бесконечность», во-первых, симулятивного и, во-вторых, рыночного бытия» [16]. Иными словами, я потребляю, следовательно, я существую.

Консюмеризм стал значимым стратифицирующим фактором. Интимное пространство человека, как и публичное, в немалой степени конструируется потреблением. Социальная стратификация отражается в иерархии вещей, а сами вещи (технические

гаджеты, предметы одежды и обуви и т. д.) превратились в символы уровней благосостояния. Товары обладают знаковым силовым полем. Расходы на консюмеристскую демонстративность и публичную расточительность, основанные на позиционировании независимости от различных институций (на деле показывающие зависимость от институций моды и рекламы), представляются значимей, чем расходы на естественное поддержание жизни. Но потребитель далеко не всегда осознает иррациональность такого поведения. Акт покупки и потребления стал иррациональным и принудительным, почти утратил связь с пользой или удовольствием от приобретенной вещи. Предел мечтаний каждого — купить самую последнюю и модную вещь или даже безделушку. Мерилом выступает не настоящая ценность, а рыночная цена [17]. Действует императив: чем дороже, тем лучше.

Нередко в брендинг вкладывается намного больше денежных средств, чем в производство. Зачастую в разработку торгового знака инвестируются необоснованно большие суммы. Неудивительно, что некоторые подростки воспринимают критику производящей спортивную одежду фирмы как личное оскорбление, поскольку полагают, что именно эта фирма производит самую качественную и наилучшую одежду, и не просто производит одежду, а дает подросткам признание со стороны сверстников, дарит стиль жизни. То есть потребительское поведение стимулирует не столько качество товара, сколько качество рекламы, продвигающей данный товар. Материальная конкуренция (за качество товара) переросла в надматериальную конкуренцию (за имя, бренд, имидж). «…Выигрывает не та корпорация, у которой лучше соотношение «цена — качество» на ее товар, а та, у которой больше возможностей манипулирования потребителем, выше коррупционный потенциал (возможности использования на льготных условиях сырьевых, финансовых и иных государственных ресурсов), сильнее каналы финансового и информационного контроля, шире возможности организации рейдерских захватов и т. п. навыки «бега в мешках» на российских рынках» [18]. В советское время под вкусом понималось сочетание чувства меры, простоты, скромности, практичности и целесообразности. В условиях консюмеризма эти критерии не работают, они заменяются критериями безмерного расточительства, гонкой за модой, брендовостью, знаковостью в ущерб скромности, простоте, целесообразности и практичности (функциональности).

Поскольку потребитель буквально «утопает» в океане многообразия предлагаемых его вниманию товаров, ему приходится делать работу по отделению «значимых» вещей от «незначимых», «важных» от «второстепенных», «качественных» от «некачественных». Правда этот выбор совершает не он. За него выбор делает сам рынок, расставляющий по местам каждый товар, создающий некую «товарную иерархию». Вследствие этого консюмер вынужден доверять брендовым товарам как неким путеводным звездам, средствам навигации. Брендовость выступает способом идентификации и дифференциации как товаров, так и потребителей. И те и другие оцениваются по мерке брендовые-небрендовые. «…Рыночный обмен является главным мерилом ценности в обществе — представление, против которого нас заставляет бунтовать сама принадлежность к человеческому роду» [19]. Действительно, принадлежность к роду человеческому, а именно человечность, нравственность, ценность интеллекта и профессио-

нализма лежат совсем в иной плоскости, нежели рыночный обмен. Однако в мире капитализма практически все коммерциализируется, а то, что человек стал товаром, было известно еще классикам марксизма. Если товаром выступал рабочий в глазах буржуа, то теперь, похоже, товаризируются, коммодифицируются межчеловеческие отношения независимо от классовой принадлежности людей.

Сделаем небольшое отступление, сославшись на идеи, взятые из художественного произведения. Главная мысль, которую человек стремится донести до других, — считает персонаж романа В. Пелевина, — сводится к тому, что он имеет доступ к более престижному потреблению, чем про него могли подумать. Одновременно он старается объяснить окружающим, что их тип потребления менее престижен, чем они имели наивность думать. В этом же произведении отмечается, что гламур имеет два аспекта: 1) жгучий мучительный стыд за телесное безобразие и нищее убожество своего быта; 2) мстительное злорадство при виде нищеты и убожества, которые не смог скрыть другой человек. Чтобы девушка поняла свои нищенство и некрасивость, ей нужно взглянуть в гламурный журнал, где фигурирует супербогатая красавица, и тогда появится объект для сравнения. Те, кого гламурные журналы превращают в нищих и некрасивых, финансируют их из своих скудных средств. Цель гламура — сделать так, чтобы жизнь человека проходила в позоре и презрении к себе. Гламур погружает потребителей в убожество, идиотизм и нищету, и вся человеческая жизнь проходит в этом состоянии. Первородный грех — прямой результат потребления образов красоты, успеха и интеллектуального блеска. Первородный грех ставит мышление в жесткие рамки. Также в романе находим весьма шутливую идею, что духовность русской жизни сводится не к материальным благам, а к понтам. Бездуховность — неумение «кидать понты» надлежащим образом. Умение приходит с опытом и деньгами, и нет никого бездуховнее (беспонтовее) младшего менеджера [20].

Действительно, реклама, мода и глянцевые журналы помимо товаров и услуг предлагают нашему вниманию также образ жизни, до которого не каждый способен «дотянуть» вследствие своего материального достатка. Они же указывают реципиентам на тот факт, что последние не могут себе многого позволить на уровне своего покупательского поведения. Таким образом, инфраструктура потребления формирует в человеке стремление к неумеренной расточительности, к соревнованию с другими посредством покупок, а также чувство стыда за свою несостоятельность. Что касается представленной у В. Пелевина «духовности», то такая «духовность» — вовсе не российская специфика. Она пришла к нам оттуда, где «культура понтов» появилась. На самом же деле настоящая бездуховность — это именно стремление «кидать понты», а духовность — переориентация мышления и сознания на более значимые вещи, чем глумарное самопозиционирование перед другими. *Гламур же — это красивая блестящая оболочка, которая зачастую скрывает внутреннюю бессодержательность ее носителя, духовную пустоту, и своей красотой компенсирует эстетическое, этическое, интеллектуальное ничтожество.* Внешний вид обычно обратно пропорционален убогости содержания души.

Все примеряемые в перманентном процессе покупательских приобретений идентичности являются скорее некими кратковременными маркировками, которые отсылают к «идентичности потребителя», успевающего угнаться за трендами моды.

Консюмеризм сокращает многообразие форм воспроизводства субъектности до единственной формы, которая по сути не сопряжена с подлинным воспроизводством субъектности. Потребительская идентичность — это эрзац, псевдоидентичность, которая слишком поверхностна, духовно обеднена, навязана инфраструктурой потребления. Различие между потребителями, пожалуй, касается не глубинной разности в мировоззрении, идеологии, нормах и ценностях, а способов, которыми совершаются потребительские практики.

Выводы

Потребкульт является имманентным свойством современного капитализма. Капиталистический порядок и массированное навязывание типично потребительского образа жизни непосредственно взаимосвязаны. Капиталу выгодно посредством широко развитой инфраструктуры потребления (моды, рекламы и т. д.) формировать у потенциальных покупателей искусственные потребности и стиль жизни «купил вещь — выбросил еще до утраты ею потребительских качеств — купил новую». Для капитала имеет смысл ускорять покупательскую активность, в том числе используя массу манипулятивных приемов и прибегая к технологии запланированного устаревания, согласно которой вещи выходят из моды значительно раньше, чем физически изнашиваются.

Мир глобального капитализма с характерной для него культурой потребления насаждает ценности индивидуализма и навязывает стремление к фиктивному самопозиционированию, нерациональной трате денег, гедонизму, кредитомании. Это существенно надламывает «нормальную» культуру, то есть ту, в которой человек не чувствует себя невротиком, где имеется место для солидарных отношений.

Потребительство противоречит высоким духовным идеалам. Оно фундируется местечковыми прагматичными смыслами. Вместо классового сознания оно делает акцент на самоотречении от какой-либо общности и ставит упор на индивидуальном спасении посредством фиктивной демонстративности. Консюмеризм по сути своей асоциален и антиэкологичен.

Можно сказать, что потребительство — не продукт богатой культуры, а результат ее обесценивания.

Список источников

[1] Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе ; перевод с английского А. А. Юдина. – Москва : АСТ : Ермак, 2003. – 331 с. – (Философия. Психология : ФП). – Перевод изд.: One-dimensional man : Studies in the ideology of advanced industrial society / Herbert Marcuse. London, 1964. – Текст : непосредственный.

[2] Фромм, Э. Иметь или быть? / Э. Фромм ; перевод с немецкого Э. Телятниковой. – Москва : АСТ, 2021. – 317 с. – Перевод изд.: Haben oder Sein : Die seelischen Grundlagen einer neuen Gesellschaft / Erich Fromm. Stuttgart, 1976. – Текст : непосредственный.

[3] Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – Москва : Рудомино, 1999. – 222 с. – Перевод изд.: Le système des objets / Jean Baudrillard. Paris, 1991. – Текст : непосредственный.

[4] Бодрийяр, Ж. Общество потребления : его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского, послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – Москва : Республика : Культурная революция, 2006. – 268 с. – Перевод изд.: La societe de consommation : ses mythes, ses structures / Jean Baudrillard. Paris, 1970. – Текст : непосредственный.

[5] Де Грааф, Д. Потреблятство. Болезнь, угрожающая миру / Д. Де Грааф, Д. Ванн, Т. Нэйлор ; перевод с английского Н. Макаровой. – Екатеринбург : Ультра. Культура, 2005. – 392 с. – Перевод изд.: Affluenza : The all-consuming epidemic / John De Graaf, David Wann, Thomas Naylor. – San Francisco, 2001. – Текст : непосредственный.

[6] Ильин, В. И. Потребление как дискурс : учебное пособие / В. И. Ильин. – Санкт-Петербург : Интерсоцис, 2008. – 446 с. – Текст : непосредственный.

[7] Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор ; перевод с французского С. Офертаса и М. Якубович. – Москва : Логос, 1999. – 224 с. – Перевод изд.: Debord, G. La Société du spectacle / Guy Debord. Paris, 1969. – Текст : непосредственный.

[8] Кагарлицкий, Б. Ю. Марксизм : введение в социальную и политическую теорию / Б. Ю. Кагарлицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2012. – 320 с. – Текст : непосредственный.

[9] Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс ; перевод с немецкого. – Текст : непосредственный // Сочинения. Т. 42. – 2-е изд. – Москва : Издательство политической литературы, 1974. – С. 41–174. – Перевод изд.: Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 / Karl Marx. North Carolina, 1932.

[10] Томбу, Д. В. Политические дискурсы общества потребления / Д. В. Томбу. – Текст : непосредственный // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 2 (2). – С. 375–386.

[11] Бурдье, П. Воспроизводство : элементы теории системы образования / П. Бурдье, Ж.-К. Пассрон ; перевод с французского Н. А. Шматко ; Московская высшая школа социальных и экономических наук. – Москва : Просвещение, 2007. – 267 с. – (Образование : мировой бестселлер). – Перевод изд.: La Reproduction. Éléments pour une théorie du système d'enseignement / Pierre Bourdieu, Jean-Claude Passeron. Paris, 1970. – Текст : непосредственный.

[12] Фуко, М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / М. Фуко ; перевод с французского И. Окуневой, под общей редакцией Б. М. Скуратова. – Москва : Праксис, 2005. – 320 с. – (Новая наука политики). – Перевод изд.: Dits et écrits, Tom 2 : 1954–1988 / Michel Foucault. Paris, 1994. – Текст : непосредственный.

[13] Бауман, З. Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим? / З. Бауман ; перевод с английского Н. Эдельмана. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2015. – 112 с. – (Библиотека журнала ЛОГОС). – Перевод изд.: Does the richness of the few benefit us all? / Zygmunt Bauman. Cambridge, 2013. – Текст : непосредственный.

[14] Кляйн, Н. No Logo. Люди против брендов / Н. Кляйн ; перевод с английского А. Дорман. – Москва : Добрая книга, 2003. – 623 с. – Перевод изд.: No Logo. Taking Aim at the Brand Bullies / Naomi Klein. Toronto, 2000. – Текст : непосредственный.
[15] Жижек, С. Что такое бренд? / С. Жижек. – Текст : электронный // Liva : інтернет-журнал. – 2014. – 15 янв. – URL: http://liva.com.ua/brand-capitalist.html (дата обращения: 03.03.2022).
[16] Булавка, Л. А. К феноменологии симулятивного бытия / Л. А. Булавка. – Текст : непосредственный // Философские науки. – 2012. – № 10. – С. 56–71.
[17] Фромм, Э. Человек одинок / Э. Фромм. – Текст : электронный // Scepsis.net : сайт. – 2006. – 26 окт. – URL: https://scepsis.net/library/id_898.html (дата обращения: 08.06.2022).
[18] Бузгалин, А. В. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2014. – № 1 (357). – С. 80–94.
[19] Харви, Д. Социальная справедливость и город / Д. Харви ; перевод с английского Е. Ю. Герасимовой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 435 с. – (Studia urbanistica). – Перевод изд.: Social justice and the city / David Harvey. Athebs, 1973. – Текст: непосредственный.
[20] Пелевин, В. Ампир В = EmpireV : [повесть о настоящем сверхчеловеке : роман] / В. Пелевин. – Москва : Эксмо, 2006. – 408 с. – Текст : непосредственный.

References

[1] Marcuse, H. (1964). One-dimensional man: Studies in the ideology of advanced industrial society. London, Routledge & Kegan Paul, 261 p. (In English).
[2] Fromm, E. (1976). Haben oder Sein: Die seelischen Grundlagen einer neuen Gesellschaft. Stuttgart, 272 p. (In German).
[3] Baudrillard, J. (1991). Le système des objets. Paris, Gallimard, 288 p. (In French).
[4] Baudrillard, J. (1970). La societe de consommation: ses mythes, ses structures. Paris, S.Y.P.P., 323 p. (In French).
[5] Graaf, De J., Wann, D., & Naylor, T. H. (2001). Affluenza: The all-consuming epidemic. San Francisco, Berrett-Koehler, 275 p. (In English).
[6] Il′in, V. I. (2008). Potreblenie kak diskurs. St. Petersburg, Intersocis Publ., 446 p. (In Russian).
[7] Debor, G. (1969). La Société du spectacle. Paris, Gallimard. (In French).
[8] Kagarlitsky, B. Yu. (2012). Marksizm: vvedenie v social'nuyu i politicheskuyu teoriyu. 2nd edition, Moscow, Knizhnyj dom "Librokom" Publ., 320 p. (In Russian).
[9] Marx, K. (1932). Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. North Carolina, USA, 152 p. (In German).
[10] Tombu, D. V. (2013). Politicheskie diskursy obshchestva potrebleniya. Prepodavatel' XXI vek, (2(2)), pp. 375-386. (In Russian).

[11] Bourdieu, P. Passeron, J.-C. (1970). La Reproduction. Éléments pour une théorie du système d'enseignement. Paris, Éditions de Minuit, 280 p. (In French).
[12] Foucault, M. (1994). Dits et écrits. Tom 2: 1954-1988. Paris, Gallimard, 1736 p. (In French).
[13] Bauman, Z. (2013). Does the richness of the few benefit us all? Cambridge, Polity, 100 p. (In English).
[14] Klein, N. (2000). No Logo. Taking Aim at the Brand Bullies. Toronto, Knopf, 490 p. (In English).
[15] Zizek, S. (2014). What is a brand? (In Russian). Available at: http://liva.com.ua/brand-capitalist.html
[16] Bulavka, L. A. (2012). On the phenomenology of simulative existence. Russian journal of philosophical sciences, (10), pp. 56-71. (In Russian).
[17] Fromm, E. (2006). Chelovek odinok. (In Russian). Available at: https://scepsis.net/library/id_898.html
[18] Boozgalin, A. V., & Kolganov, A. I. (2014). Re-industrialization as nostalgia? Theoretical discourse. Sociologicheskie issledovaniya, (1(357)), pp. 80-94. (In Russian).
[19] Harvey, D. (1973). Social justice and the city. Athens, GA, The University of Georgia Press, 356. (In English).
[20] Pelevin, V. (2006). Empire V. Moscow, Eksmo Publ., 408 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 14.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.
The article was submitted 14.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.

УДК 316.3
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-52-66

Образовательная компонента развития человеческого потенциала Республики Татарстан в официальном и экспертном дискурсах

Ольга Викторовна Лаукарт-Горбачева

Отдел этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Россия
Кафедра общей и этнической социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

Аннотация. В современных социально-экономических условиях конкурентоспособность стран и территорий в значительной степени обусловлена развитием человеческого потенциала и человеческого капитала как активной его составляющей. Республика Татарстан имеет высокие показатели индекса человеческого развития и является одним из регионов-лидеров. Человеческий потенциал, накопление и сохранение человеческого капитала декларируются в качестве одной из осевых стратегических целей ее социально-экономического развития. Базовой компонентой человеческого потенциала выступает образование, в значительной степени влияющее на формирование и наращивание человеческого капитала. Актуальность исследований влияния данной компоненты обусловила цель авторского исследования — выявление конструируемых официальным дискурсом Татарстана семантических особенностей образовательной компоненты и экспертная оценка фактических результатов ее развития в региональном разрезе. В авторском социологическом исследовании использованы методы контент-анализа и экспертного опроса, позволившие выделить семантические особенности изучаемой компоненты человеческого потенциала, конструируемые официальным дискурсом направления его развития и совершенствования, а также экспертные оценки результатов декларируемой региональными властями социальной политики развития образовательной компоненты человеческого потенциала. Проведенное исследование позволило зафиксировать высокий уровень значимости влияния образовательной компоненты в официальном и экспертном дискурсах, а также фактическую нерешенность актуализированных проблем. Достаточно эффективная региональная система образования формирует богатый человеческий потенциал, но он не трансформируется в человеческий капитал, поэтому в современных социально-экономических условиях наиболее остро встает проблема возможностей реализации имеющегося человеческого потенциала, что требует особого внимания со стороны региональных и федеральных властей.

Ключевые слова: человеческий потенциал, человеческий капитал, образование, экспертная оценка, Республика Татарстан

Для цитирования: Лаукарт-Горбачева, О. В. Образовательная компонента развития человеческого потенциала Республики Татарстан в официальном и экспертном дискурсах / О. В. Лаукарт-Горбачева. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-52-66 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 52–66.

The educational component of human potential development in the Republic of Tatarstan in official and expert discourses

Olga V. Laukart-Gorbacheva

Department of Ethnological Research, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Abstract. In modern socio-economic conditions, the competitiveness of countries and territories is largely due to human potential development and human capital as its active component. The Republic of Tatarstan has a high human development index and is one of the leading regions. Human potential, accumulation and preservation of human capital are declared one of the axial strategic goals of its socio-economic development. The basic component of human potential is education, which largely influences on the formation and growth of human capital. The relevance of research into the influence of this component determined the purpose of the author's research - to identify the semantic features of the educational component constructed by the official discourse of Tatarstan and to make an expert assessment of the actual results of its development in the regional context. The relevance of research into the influence of this component determined the purpose of the author's research. This research is to identify the semantic features of the educational component constructed by the official discourse of the Republic of Tatarstan and to make an expert assessment of the actual results of its development in the regional context. In the author's sociological study, the methods of content analysis and expert survey were used, which made it possible to highlight the semantic features of the studied component of human potential, constructed by the official discourse of the direction of its development and improvement, as well as expert assessments of the results of the social policy of development of the educational component of human potential declared by the regional authorities. The conducted research made it possible to fix a high level of significance of the influence of the educational component in the official and expert discourses, as well as the factual unresolved issues. A sufficiently effective regional education system forms a rich human potential, but it doesn't transform into human capital, therefore, in modern socio-economic conditions, the most acute problem is the possibility of realizing the existing human potential, which requires special attention from the regional and federal authorities.

Keywords: human potential, human capital, education, peer review, the Republic of Tatarstan

For citation: Laukart-Gorbacheva, O. V. (2022). The educational component of human potential development in the Republic of Tatarstan in official and expert discourses. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 52-66. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-52-66

Введение

Актуальность проблематики человеческого потенциала обусловлена его доминирующим влиянием в современных социально-экономических условиях на развитие территориальных образований разного уровня. Состояние человеческого потенциала, возможности его развития, наращивание человеческого капитала являются важными факторами благосостояния и конкурентоспособности стран и регионов. В рамках Программы развития ООН для оценки уровня благополучия населения разных стран, существующих возможностей реализации его жизненных приоритетов, потребностей применяется Индекс развития человеческого потенциала, который представляет собой комплексный композитный показатель, рассчитываемый на основе трех основных составляющих — демографической (индекс ожидаемой продолжительности жизни), социальной (индекс образования) и экономической (индекс ВВП на душу населения).

Республика Татарстан входит в пятерку регионов-лидеров с высокими показателями индекса человеческого развития: 0,940 — Москва, 0,918 — Санкт-Петербург, 0,914 — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, 0,902 — Ямало-Ненецкий автономный округ, 0,897 — Республика Татарстан [1]. Высокие рейтинги и лидирующее

положение Татарстана по всем составляющим Индекса развития человеческого потенциала среди других российских регионов подтверждено результатами социологического исследования, сопоставившего макроэкономические индикаторы человеческого развития субъектов Российской Федерации с макросоциальными [2].

Человеческий потенциал, воспроизводство, сохранение и накопление человеческого капитала как активной его составляющей являются осевой стратегической целью социально-экономического развития республики. Это нашло отражение в Стратегии развития Татарстана, декларирующей приоритетное значение создания способствующих реализации человека условий и определяющей человеческий капитал в качестве одного из ключевых направлений межрегиональной конкуренции. Нечастотная модель содержания текста Стратегии показывает, что одной из приоритетных стратегий развития Татарстана является Стратегия накопления человеческого капитала, состоящая из таких отраслевых стратегий, как стратегия факторов формирования человеческого потенциала (образование и демографическое развитие) и стратегия улучшения условий накопления и использования человеческого капитала (рынок труда, поддержка занятости, социальная защита, здравоохранение и культура). Нечастотная модель содержания текста Стратегии также выявляет наиболее актуальные для региона тренды развития человеческого потенциала — направления, связанные с блоками «Труд, занятость и доходы» и «Образование» [3].

Базовой компонентой развития человеческого потенциала и составляющей человеческого капитала, бесспорно, является образование. Для основоположников теории человеческого капитала оно представляет собой ключевой фактор. Так, в концепции Т. Шульца говорится, что именно образование является одной из форм капитала, и его называют человеческим потому, что данная форма является частью человека, а капиталом оно становится потому, что является источником будущих удовлетворений или будущих доходов, либо того и другого вместе [4]. Г. Беккер в структуре человеческого капитала наряду с мотивацией, производственными навыками, капиталом миграции, капиталом здоровья, капиталом владения значимой информацией в экономической сфере особо выделял образовательный капитал [5; 6]. Отечественные ученые, исследуя фундаментальные вопросы развития человеческого потенциала, ввели в научный оборот и методологически обосновали категорию «нравственный капитал», подчеркивая значение образования, науки в общественном прогрессе [7].

Роль образования и анализ влияния на развитие человеческого потенциала инвестиций в него отражены в исследованиях Г. Грейсона, К. Ванга, Н. Герланда, О. Нордхога, Г. Псахаропулоса, Дж. Минцера, М. Блауга [8; 9]. Как зарубежные, так и российские исследователи единодушны в признании доминирования образовательной компоненты, составляющей в структуре человеческого капитала по разным оценкам 60–80 %. Кроме того, «…из всех компонентов человеческого капитала только образовательная составляющая… отвечает всем свойствам категории «капитал»» [10].

Таким образом, актуальность исследований влияния образовательной компоненты на развитие человеческого потенциала и формирование, наращивание человеческого капитала обусловила цель авторского исследования — выявление конструируемых официальным дискурсом Татарстана семантических особенностей изучаемой компо-

ненты и экспертная оценка фактических результатов развития образовательной компоненты человеческого потенциала региона.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели было осуществлено социологическое исследование, на первом этапе которого проведен количественный контент-анализ текста «Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» [11].

Осуществленный контент-анализ позволил выявить значимость образовательной компоненты развития человеческого потенциала в официальном региональном дискурсе. Выбор в качестве базового источника среди нормативно-правовых актов Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан обусловлен тем, что данный документ представляет собой информационное пространство проявления официального дискурса актуализации проблем развития человеческого потенциала, тиражируемых ценностей, нормативных установок и приоритетов, определяющих векторы принимаемых на разных властных региональных уровнях управленческих решений.

На втором этапе на основе качественного контент-анализа текстов таких нормативных документов, как «Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» и «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 года» [12], выделены семантические особенности изучаемой компоненты человеческого потенциала, характеризующие наиболее значимые проблемные зоны и риски республиканского образования, а также конструируемые официальным дискурсом направления его развития и совершенствования.

На третьем этапе для выявления фактических результатов декларируемой региональными властями политики развития образовательной компоненты человеческого потенциала использован метод экспертного опроса (N = 13), проведенного по полуформализованному опроснику в октябре–декабре 2021 г.

В качестве информантов выступили специалисты регионального и муниципального управления образованием, представители администрации крупных казанских вузов (проректоры, заведующие кафедрами).

Результаты и обсуждение

Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан была разработана на основе результатов специальных исследований, интервью с российскими, зарубежными специалистами, экспертами, серии проектных совещаний, семинаров и сессий, а также анализа данных обследований региональных предприятий.

В ее основу легли современные российские, мировые исследования и практики, обсужденные на 13 проектных региональных, отраслевых площадках и на Международном консорциуме консультантов. На основе полученных в ходе подготовительных мероприятий данных выделены стратегические вызовы на уровне мировых глобальных тенденций развития и ключевые системные проблемы на уровне республики, представлен макроэкономический прогноз и оценены конкурентные позиции региона.

Наиболее значимыми системными проблемами развития человеческого потенциала республики обозначены невысокая производительность труда, дифференциация доходов населения республики, ощутимый дефицит инженерных и рабочих трудовых ресурсов, а также квалифицированных кадров, необходимых для развития инновационной экономики, затрудненные возможности карьерной мобильности по меритократическим принципам (деловые качества, уровень профессионализма, компетентности), утечка в другие страны и регионы высококвалифицированных кадров, значимые показатели квалификационного несоответствия работников выполняемой профессиональной деятельности, недостаточный в современных экономических условиях уровень менеджмента. Следует отметить, что значительная доля представленных в Стратегии проблемных зон непосредственно связана с образовательной составляющей развития человеческого потенциала.

На основе количественного контент-анализа текста Стратегии социально-экономического развития Татарстана построен рейтинг значимости составляющих человеческого потенциала и выявлено доминирование образовательной компоненты: 329 упоминаний категорий, связанных с образовательной сферой (рис. 1).

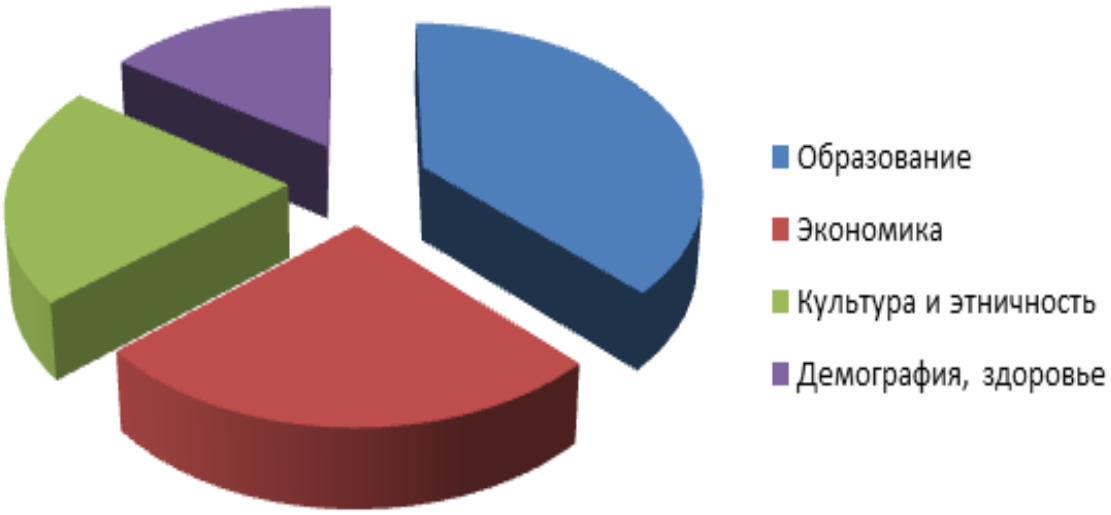

Рис. 1. ***Составляющие человеческого потенциала и количество их упоминаний в Стратегии***

Согласно полученным данным, на втором месте по количеству упоминаний категории, связанные с экономической составляющей развития человеческого потенциала (228), на третьем — с культурой, этничностью (185), на четвертом — с демографической составляющей и здоровьем (133). Анализ частоты упоминаний категорий, характеризующих образовательную компоненту, представлен на рисунке 2.

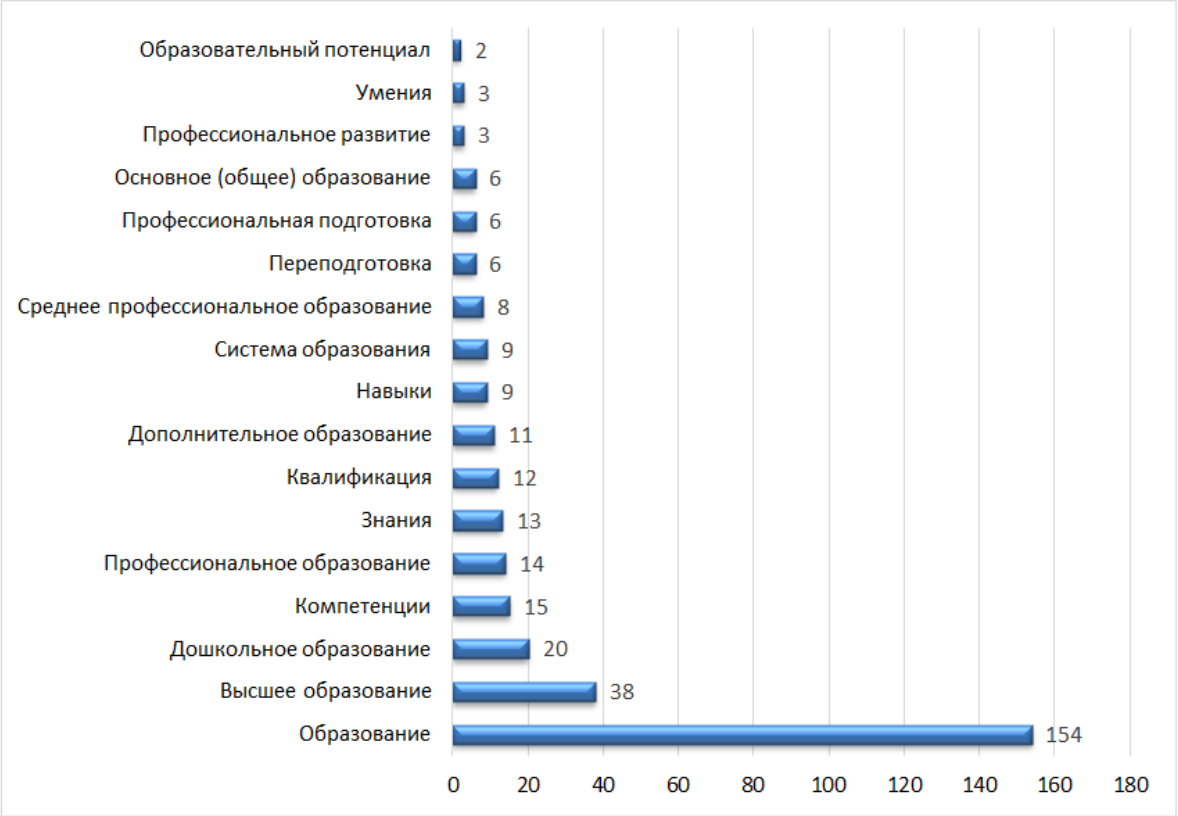

Рис. 2. ***Частота упоминаний категорий, характеризующих образовательную компоненту человеческого потенциала***

На основе неколичественного контент-анализа текста Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан нами выделены ключевые вызовы и наиболее актуальные проблемные зоны образовательной компоненты развития человеческого потенциала Татарстана:

- дошкольное образование: наличие дефицита мест; слаборазвитая система образовательных учреждений для детей до 3-х лет; неэффективная межведомственная кооперация образовательных, медицинских, социальных организаций, работающих с детьми дошкольного возраста; обусловленная глобализационными процессами угроза размывания национальной культуры;
- школьное образование: несоответствующий современным требованиям уровень информатизации; нехватка помещений и, как следствие, проведение занятий в несколько смен; нехватка педагогических кадров; использование устаревших образовательных технологий, практик обучения; доминирующие в образовательном процессе традиционные педагогические подходы; слабая интегрированность в учебный процесс дополнительного образования; недостаточно активные темпы внедрения инклюзивной образовательной модели; невысокий уровень развития критического мышления, информационной грамотности и навыков применения теоретических знаний на практике у обучающихся;

- среднее профессиональное образование: падение престижа среднего профессионального образования; отсутствие современного программно-методического и материально-технического обеспечения образовательного процесса;
- высшее образование: неэффективность значительной доли вузов республики; низкий уровень оплаты труда преподавателей вузов; дисбаланс между региональными потребностями на рынке труда и структурой вузовских образовательных программ; низкое качество реализуемых платных программ обучения, особенно заочной формы; несогласованность стратегий развития республики и ее высших учебных заведений; неспособность сложившейся системы высшего образования удовлетворять потребности инновационной экономики региона.

Для преодоления проблем образовательной сферы и укрепления позиций региона Стратегия заявляет необходимость достижения таких характеристик и параметров, способствующих повышению конкурентоспособности, как: система образования, отвечающая стандартам мирового уровня, повышение креативности, активности и образованности населения, развитие предпринимательских способностей, минимизация барьеров для развития малого и среднего бизнеса, карьерного роста и инвестиций. Для этого в качестве важных стратегических направлений декларируются повышение качества массового образования, развитие системы управления талантами, поддержка профессиональной мобильности, основанной на компетенциях и профессиональных качествах, совершенствование системы просвещения элит.

Стратегия социально-экономического развития Казани до 2030 г. разработана на основании следующего:

- результатах мониторинга, экспертных дискуссий и социологических исследований горожан: привлечено 13 экспертов, представителей ведущих казанских вузов (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казанский химико-технологический институт им. С. М. Кирова, Казанский государственный архитектурно-строительный университет), работавших в рамках экспертных групп по таким направлениям, как «Экономика», «Человеческий капитал» и «Пространство»;
- на базе отраслевых проектных площадок («Экономика», «Малый и средний бизнес», «Образование», «Социальная сфера», «Градостроительство», «Транспортная инфраструктура», «Здоровьесбережение» и др.). Экспертами различных отраслей, представителями бизнеса, компетентными государственными, муниципальными служащими проведено более 80 мероприятий разного формата (коммуникационные площадки, интервью, методологические семинары, обсуждения с подразделениями Казанского Исполнительного комитета, депутатами Казанской городской Думы, заседания Стратегического совета и др.).

Анализ Стратегии развития столицы Татарстана в контексте изучаемой нами проблематики позволил выделить следующие наиболее значимые преимущества и риски ее образовательной сферы:

- Существующий образовательный и научный потенциал города — Казань является ведущим российским образовательным центром с большим количеством образовательных учреждений (дошкольных, школьных, профессиональных) и богатой исто-

рией высшего образования, которое является одной из важных отраслей современной экономики столицы, также наличие крупных научно-исследовательских институтов способствовало созданию прочных научно-производственных связей.

- Существенная доля педагогических кадров муниципальных образовательных учреждений имеет высокие квалификационные категории и большой стаж работы, однако имеются проблемы «старения» и гендерного дисбаланса педагогического состава.
- Наличие высокого платежеспособного спроса населения на качественное образование при медленном росте предложений образовательных услуг частного сектора. В последние годы наметилась активизация развития этого сектора в сфере дошкольного образования (частные детские сады, игровые комнаты в торговых центрах, детские клубы, школы развития).
- Доминирование традиционной классно-урочной формы обучения, обусловливающей ограничение возможностей построения индивидуальных образовательных траекторий, слабое внедрение проактивных методов обучения, воспитания, недостаток специальных образовательных программ для учащихся с особыми образовательными потребностями (дети с ОВЗ, одаренные, талантливые дети, дети из неблагополучных семей и т. д.), отсутствие системы образовательных программ, нацеленных на формирование навыков предпринимательства, лидерства.
- Недостаточное использование передовых практик и современных технологий в образовательном процессе.
- Слабое влияние интересов работодателей на формирование содержания профессионального образования и получаемые обучающимися компетенции.
- Слаборазвитая инфраструктура системы образования, обеспечивающей переобучение, повышение квалификации казанцев на протяжении всей жизни.
- Тенденции снижения качества образования и дифференциации общеобразовательных учреждений в связи с усиливающимся миграционным потоком, ростом количества обучающихся из семей мигрантов, имеющих затруднения в социализации и освоении программ обучения.
- Продолжающаяся тенденция «утечки» высококвалифицированных работников, обусловленная низким уровнем заработных плат на городском рынке труда, сложностью профессиональной карьеры, низкой для мегаполиса развитостью культуры потребления креативных услуг и недостаточностью ассортимента культурных событий, а также слабой структурированностью городского сообщества по интересам и недостаточной развитостью физкультурно-оздоровительной инфраструктуры по месту жительства.

Наряду с общими для республики стратегическими целевыми установками в Стратегии развития Казани декларируется необходимость создания комфортных условий для привлечения и удержания талантливой молодежи, высококвалифицированных специалистов: развитие зеленых общественных пространств и улучшение экосистемы города, активизация вовлеченности горожан в управление городом, обеспечение безопасности, возможностей беспрепятственных международных и межрегиональных связей и коммуникаций. Перспективными функциями выступают создание сетевой модели кооперации вузов («консорциума глобальных вузов») с целью реализации эффективных

образовательных и исследовательских проектов федерального и глобального уровней и создание передового университетского центра, научно-исследовательского центра мирового уровня.

В качестве одной их приоритетных стратегических целей социально-экономического развития Казани названо создание системы образования, отвечающей современным передовым стандартам, способствующей развитию человеческого потенциала, превращению его в высококачественный человеческий капитал, привлечению и наращиванию его объемов. Основные направления совершенствования образовательной компоненты развития человеческого потенциала населения столицы Татарстана зафиксированы в пяти стратегических задачах: 1) создать привлекательные условия для формирования в школьной системе высококвалифицированных и талантливых педагогических кадров; 2) сформировать систему «образование на протяжении всей жизни» посредством развития сети учебных центров профессиональной специализации и переподготовки горожан преимущественно для инновационных секторов экономики; 3) создать на базе муниципальных школ социально-образовательные центры микрорайонов, реализующие программы непрерывного образования; 4) развить систему дополнительного образования; 5) стимулировать взаимодействие властных структур и горожан с целью повышения качества школьного и внешкольного (детского) образования.

В ходе анализа контента проведенного нами интервью с экспертами были выделены «сильные» и «слабые» стороны образовательной компоненты, способствующей развитию человеческого потенциала республики и формированию ее человеческого капитала. Следует подчеркнуть, что все эксперты единодушно высказали мнение, что лидирующие позиции Татарстана в значительной степени обусловлены наличием в республике, в частности в столице, сильной системы высшего образования, сложившейся и развивающейся на протяжении нескольких столетий, а также мощного научного кластера. Мнения экспертов таковы.

- «С момента основания Казанского университета здесь складывались мощнейшие научные школы. … сюда приехали профессора видные… Были сформированы не только образовательные, но и научные направления» (эксперт 1).
- «В Казани появился один из первых университетов. Это поставило наш город в ряд настоящих столичных городов. …Неизвестно, если бы для строительства университета выбрали не Казань, были ли бы в Казани такие исторические условия. Потом после революции, когда в Советском Союзе для подготовки специалистов для народного хозяйства более практико-ориентированных нужно было создать отраслевые университеты... Здесь были эти условия, были школы, на базе которых можно было создать эти отраслевые вузы. И сегодня в Казани, по существу, по всем отраслям региональной экономики, наиболее значимым, есть высшие учебные заведения и это, конечно, очень важно…» (эксперт 3).
- «Интеллигенция в Казани вызрела, она не является привнесенной… И поэтому, когда апеллируют к казанской научной школе, казанским кадрам научным, это действительно старая, зарекомендовавшая научная школа…» (эксперт 5).
- «Татарстан имеет хорошее историческое наследство — развитую систему высшей школы. Именно были свои — целый ряд научных направлений, особенно

естественных наук, и в химической части, скажем, в медицинской части традиционно» (эксперт 7).

Несмотря на значительные достижения и эффективные практики эксперты выделяют ряд проблем развития региональной системы образования.

- «Возникает уже угроза, что это высокое качество может в дальнейшем начать снижаться, потому что происходит старение преподавательских кадров…» (эксперт 3).
- «Существующая система финансирования образования не обеспечивает механизмы, когда бы на преподавательскую работу, на научно-исследовательскую работу шли талантливые молодые люди. Более того, в последние десятилетия актуализируется проблема дефицита педагогических кадров» (эксперт 4).
- «Нужно существенно поменять педагогов, которые воспитывают этих педагогов,… нужно кардинальным образом трансформировать педагогические вузы. Педагогическое образование должно быть не просто современным, оно должно быть опережающим… Курсы повышения квалификации не способны решить эту задачу, они только как поддерживающая терапия… Еще можно переформатировать мозг команды образовательной организации. А для этого нужен хотя бы директор, заведующий садиком и его два-три соратника, и вот в них вложиться, чтобы они начали менять культуру внутри» (эксперт 6).
- «Учительская профессия в силу разных причин у нас была очень консервативной, она таковой и остается» (эксперт 7).
- «У педагогов плюс к их нагрузке сейчас огромные обязанности по методической работе, а у преподавателей вузов еще и огромные обязанности по научной работе. По существу, работа вообще без отдыха получается. Эти условия для молодых людей не привлекательны. Для того чтобы учителями с большой буквы становились, заработные платы должны быть процентов на 50 как минимум больше, чем в сфере практической» (эксперт 10).
- «Требуется изменение ситуации, когда в педвуз идут самые слабые. А для этого нужно повышать статус преподавателя, учителя в обществе» (эксперт 12).

Неоднозначные оценки получили внедрение и использование цифровых технологий в образовательном процессе.

- «Дистанционная форма обучения и использование только цифровых технологий приводит к ухудшению образования и отношения к нему, к ухудшению отношения к учителям и преподавателям. О каком качестве образования может идти речь, если мама сидит под столом и подсказывает ребенку, что там говорить. Кроме удлинения рабочего дня и ухудшения зрения никакой пользы от такого обучения нет» (эксперт 4).
- «Изменение структуры экономики массовое, и никуда от этого не деться. Поэтому мы резко прокачали цифровую компетентность. …Мотивированные субъекты получили резко доступ, у них, как минимум, открылись глаза на свои возможности. Поэтому тот, кто возьмет этот билет, то его человеческий потенциал резко вырастет… Единственное, что касается когнитивных компетенций, быстро мы не ответим на этот вопрос, то есть, если мы массово ходим в цифру, как это повлияет вообще на наше человекоподобие… В любом случае, точку невозврата мы уже прошли, и образование закрытым уже стать снова не сможет. Качество… пострадало. Причина, прежде всего, неготовность инфраструктуры и участников этого процесса к переходу быстрому. И, безусловно, здесь есть особенности возрастные. То есть, для старшеклассников все

значительно проще, для младшеклассников все посложнее. Если мы говорим про высшее образование, то вынуждена разделить тоже на две части. Пострадали мануальные навыки… Все что касается иных видов высшего образования, я считаю, что абсолютно ничего не пострадало, …вот прямо моя стойкая позиция, а наоборот, все подсветило. Если мы говорим о том, что успеваемость упала, мы просто увидели, что тот, кто не учился в аудитории, он и в дистанте не учится… закономерность, тот, кто плохо преподавал в аудитории, он плохо и в цифровой среде преподает» (эксперт 6).

- «Здесь комплексные проблемы и попытки реформировать образование уже не один десяток лет, но пока я не скажу, что мы нашли эффективную модель, потому что у нас получилось лавинообразное вторжение компьютерных технологий, не как на Западе, там более медленно и длительно шел этот процесс. Учителя не успевают все переваривать, нужно для этого время. Мы не нашли адекватного использования этих технологий, они пока не стали органической частью учебного процесса. Страдают и дети. С одной стороны, говорят о перегрузке, с другой стороны, пустая башка, фигурально выражаясь. Системных знаний нет, есть обрывки телеграфные от цифровых этих технологий... В общем-то это проблема мировая, но для нас она похуже в силу лавинообразности вот всего этого процесса» (эксперт 7).

В ходе интервью экспертами была подчеркнута сохраняющаяся актуальность проблемы оттока высококвалифицированных специалистов.

- «Огромный отток людей за рубеж, вот мы говорим, утечка мозгов, она определяет ситуацию невостребованности этих людей здесь, чего вообще не должно быть. Все страны стремятся привлечь, а из России — уезжают. Вот нам иногда дают другую статистику, кто-то к нам приезжает. Ну, я так думаю, приезжают скорее всего по обмену опытом, которые потом уезжают, не остаются тут жить. Ни одна страна не отпустит от себя специалистов, ученых, которые делают какие-то технологически необходимые разработки, а из России и, в частности, из Татарстана уезжают. Вот поэтому ситуация негативная, хотя повторю, что Россия накопила за десятилетия большой интеллектуальный потенциал. Его надо сберечь, его надо развивать» (эксперт 1).

- «Утечка мозгов по-прежнему актуальна. Хотя с точки зрения комфортности проживания на территории Казани, то здесь относительно других российских городов, причем крупных городов, мы все-таки находимся в приоритете. По большей части мы уступаем Москве и Санкт-Петербургу» (эксперт 6).

- «Сейчас опять возвращаясь к усилению роли государства, мы, пожалуй, добьемся утечки человеческого капитала за рубеж, усиление потока может быть, потому что и так уже значительная часть интеллектуальной части утекла, особенно в точных науках. Там по подсчетам цифры больше миллиона, но качество этого миллиона оно было конкурентоспособным на мировом уровне… Они продолжают работать, только не у нас» (эксперт 7).

- В Казани существует сильная вузовская система, которая «является местом притяжения, скажем так, магнитом» (эксперт 6), но в последнее время она стала «базой перевалочной. У нас обучаются из многих городов и регионов России, мы их подтягиваем до высокого уровня, мы вкладываем в них кучу сил и энергии, а они после получения бакалавриата или магистратуры уезжают» (эксперт 6). Высокий уровень образо-

вания, который обеспечивают казанские вузы, формирует у выпускников запросы на локации с более высокими возможностями и провоцируют их миграцию.

- «Самая основная задача, когда мы говорим про человеческий потенциал территории в целом, чтобы они не мигрировали отсюда, или если они мигрируют, то каким-то образом восполнялись» (эксперт 8).
- Один из способов снижения оттока талантливой молодежи и высококвалифицированных специалистов — это «… создавать избыточные возможности. То есть, не просто, возможности удовлетворить свою потребность в рабочем месте, в высоком уровне качества жизни, а создать комфортную среду для его жизнедеятельности, причем очень важна вариативность и разнообразие… Этот набор услуг должен быть избыточным, потому что должна быть эта вариативная повестка» (эксперт 6). Таким образом, можно констатировать возрастание актуальности проблемы наличия возможностей применения человеческого потенциала и его трансформации в человеческий капитал.

Выводы

Проведенное нами исследование позволяет зафиксировать высокий уровень значимости влияния образовательной компоненты на развитие человеческого потенциала и наращивание человеческого капитала. В официальном дискурсе большое внимание уделяется этой составляющей, подчеркивается ее доминирующее значение и декларируются наиболее важные направления ее развития. В частности, в Стратегии социально-экономического развития Татарстана на основе детального анализа состояния региональной системы образования на всех ее уровнях, глобальных и федеральных тенденций и рисков конструируются такие семантические особенности изучаемой компоненты: развитие системы образования, отвечающей стандартам мирового уровня, как фактора повышения конкурентоспособности региона; повышение качества массового образования и развитие системы образования в течение всей жизни; развитие эффективной системы работы с одаренными детьми, талантливой молодежью; поддержка профессиональной мобильности, основанной на профессиональных качествах; совершенствование системы просвещения элит.

Официальный дискурс, отраженный в Стратегии социально-экономического развития Казани, актуализирует такие проблемы образовательной сферы, как «старение» и гендерный дисбаланс педагогических кадров, медленный процесс модернизации учебных и воспитательных технологий, слаборазвитая инфраструктура системы переобучения и неэффективная система повышения квалификации казанцев на протяжении всей жизни, снижение качества образования в связи с увеличением обучающихся из семей мигрантов, неразвитые механизмы социального партнерства, продолжающаяся тенденция «утечки» высококвалифицированных работников. В качестве приоритетной стратегической цели декларируется создание системы образования, отвечающей современным передовым стандартам, способствующей развитию человеческого потенциала, превращению его в высококачественный человеческий капитал.

Анализ контента, полученного в ходе экспертного опроса, позволил в обобщенном виде оценить фактические результаты реализации декларируемых официальным

дискурсом стратегических задач развития образовательной компоненты человеческого потенциала региона.

Отметим, что в ходе сравнения не были обнаружены значительные расхождения между транслируемой региональными властями социальной политикой и реальными практиками. Однако многие препятствующие развитию человеческого потенциала связанные с образовательной компонентой факторы, обозначенные в официальных документах, по прошествии нескольких лет не нашли своего разрешения и, согласно экспертным оценкам, не потеряли своей актуальности: не решены кадровые проблемы, сохраняется тенденция оттока высококвалифицированных специалистов и талантливой молодежи, обостряются вопросы, связанные с использованием цифровых технологий в образовательном процессе.

На наш взгляд, особого внимания со стороны государства в изменяющихся социально-экономических условиях как Татарстана, так и российского общества в целом, требует проблема возможностей реализации имеющегося человеческого потенциала. Достаточно эффективная региональная система образования формирует богатый человеческий потенциал, но в силу отсутствия возможностей реализации полученных знаний, умений, компетенций, этот потенциал не трансформируется в человеческий капитал, что не только становится затратным для населения, регионального и федерального бюджетов, но также существенно сдерживает экономическое и социальное развитие территорий.

Благодарности

Статья подготовлена по проекту «Этнические особенности развития человеческого потенциала в экономиках национальных республик Российской Федерации» в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» на 2020–2022 гг.

Список источников

[1] Индекс человеческого развития в России : региональные различия. Аналитическая записка (декабрь 2021 г.). – URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 21.08.2022). – Текст : электронный.

[2] Валиахметов, Р. М. Человеческий потенциал регионов России : макроэкономические и социологические показатели / Р. М. Валиахметов, Г. Р. Баймурзина. – DOI 10.19181/kongress.2020.21. – Текст : непосредственный // Социология и общество : традиции и инновации в социальном развитии регионов : сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса, Тюмень, 14–16 октября 2020 г. / Отв. ред. В. А. Мансуров, ред. Е. Ю. Иванова. – Москва : РОС, ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 190–200.

[3] Лаукарт-Горбачева, О. В. Человеческий капитал как концепт стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан / О. В. Лаукарт-Горбачева. – DOI 10.15372/REG20220105. – Текст : непосредственный // Регион : экономика и социология. – 2022. – № 1 (113). – С. 130–152.

[4] Schultz, T. W. Investment in human capital : The role of education and of research / T. W. Schultz. – New York : Free Press, 1971. – 272 p. – Direct text.

[5] Becker, G. S. Investment in human capital : A theoretical analysis / G. S. Becker. – DOI 10.1086/258724. – Direct text // Journal of Political Economy. – 1962. – Vol. 70, Issue 5. – Part 2 : Investment in Human Beings. – P. 9–49.

[6] Becker, G. S. Human capital : A Theoretical and empirical analysis, with special reference to education / G. S. Becker. – 3rd edition. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1993. – 391 p. – Direct text.

[7] Хабибуллина, З. Р. Человеческий капитал креативного работника : специальность 08.00.01 «Экономическая теория» : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Хабибуллина Зенфира Рафкатовна. – Санкт-Петербург, 2021. – 184 с. – Текст : непосредственный.

[8] Nordhaug, O. Human capital in organizations : competence, training and learning / O. Nordhaug. – Oslo : Scandinavian University Press, 1993. – 278 p. – Direct text.

[9] Блауг, М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / М. Блауг ; перевод с английского В. С. Автономова ; под ред. В. С. Автономова. – 2-е изд. – Москва : Журнал Вопросы экономики, 2004. – 415 с. – Перевод изд.: The methodology of economics or how economists explain / Mark Blaug. Cambridge, 1992. – Текст : непосредственный.

[10] Майбуров, И. А. Вклад человеческого капитала в экономическое развитие России / И. А. Майбуров. – Текст : непосредственный // Экономическая наука современной России. – 2003. – № 4. – С. 54–70.

[11] Российская Федерация. Законы. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года : Закон Республики Татарстан № 40-ЗРТ от 17 июня 2015 года : [Принят Государственным Советом Республики Татарстан 10 июня 2015 года]. – Казань, 2015. – URL: https://docs.cntd.ru/document/428570021 – Текст : электронный.

[12] Решение Казанской Городской Думы «О Стратегии социально-экономического развития муниципального образования г. Казани до 2030 года» № 2-12 от 14 декабря 2016 года. – URL: https://docs.cntd.ru/document/446400472 (дата обращения: 21.08.2022). – Текст : электронный.

References

[1] Indeks chelovecheskogo razvitiya v Rossii: regional'nye razlichiya. Analiticheskaya zapiska (dekabr' 2021). (In Russian). Available at: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf

[2] Valiakhmetov, R. M., & Baimurzina, G. R. (2020). Human development in the regions of russian federation: macroeconomic and sociological indicators. Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov: Sbornik dokladov VI Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa. Moscow, ROS Publ, FCTAS RAS Publ., pp. 190-200. (In Russian). DOI: 10.19181/kongress.2020.21
[3] Laukart-Gorbacheva, O. V. (2022). Human capital as a concept for the socio-economic development strategy of the republic of Tatarstan. Region: ekonomika i sotsiologiya, (1(113)), pp. 130-152. (In Russian). DOI: 10.15372/REG20220105
[4] Schultz, T. W. (1971). Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. New York, Free Press, 272 p. (In English).
[5] Becker, G. S. (1962). Investment in Human Capital: A. Theoretical Analysis. Journal of Political Economy, 70(5), Part 2: Investment in Human Beings, pp. 9-49. (In English). DOI: 10.1086/258724
[6] Becker, G. S. (1993). Human capital: A theoretical and empirical analysis with special reference to education. 3rd edition. Chicago and London, The University of Chicago Press, 391 p. (In English).
[7] Khabibullina, Z. R. (2021). Chelovecheskiy kapital kreativnogo rabotnika. Diss. … kand. econom. nauk. St. Petersburg, 184 p. (In Russian).
[8] Nordhaug, O. (1993). Human capital in organizations: competence, training and learning. Oslo, Scandinavian University Press, 278 p. (In English).
[9] Blaug, M. (1992). The methodology of economics or how economists explain. 2nd edition. Cambridge, Cambridge university press, 177 p. (In English).
[10] Maiburov, I. A. (2003). The contribution of human capital into Russian economic development. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii, (4), pp. 54-69. (In Russian).
[11] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Tatarstan do 2030 goda: Zakon Respubliki Tatarstan № 40-ZRT. (In Russian). Available at: https://docs.cntd.ru/document/428570021
[12] Reshenie Kazanskoy Gorodskoy Dumy "O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya g. Kazani do 2030 goda" № 2-12 ot 14 dekabrya 2016 goda. (In Russian). Available at: https://docs.cntd.ru/document/446400472

Статья поступила в редакцию 29.08.2022; одобрена после рецензирования 09.10.2022; принята к публикации 14.10.2022.
The article was submitted 29.08.2022; approved after reviewing 09.10.2022; accepted for publication 14.10.2022.

УДК 324
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-67-88

Сравнительный анализ взаимосвязи риска терроризма и ограничений оппозиции на национальных выборах

Андрей Вадимович Новиков

Кафедра математических методов в экономике, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема сравнительного анализа взаимосвязи между ростом терроризма и существующими ограничениями для оппозиции на национальных выборах. Отдельно изучается влияние видов политических режимов, ограниченных и неограниченных типов выборов, а также различных показателей стабильности государств и их социально-экономического развития. В исследовании используется анализ описательной статистики и разрабатываются семь отрицательных биноминальных регрессионных моделей, охватывающих выборы в более чем 150 странах в период с 1970 по 2015 годы. В результате было доказано, что проведение правительством неограниченных выборов связано с увеличением уровня террористического насилия в недемократических странах, но со снижением уровня терроризма в демократических. При этом ограничение участия оппозиционных групп в выборах связано со снижением уровня террористического насилия в недемократиях, но с увеличением уровня терроризма в демократиях. В целом полученные выводы свидетельствуют о достаточно сильной и значимой взаимосвязи типов национальных выборов и риска возникновения терроризма в странах с разными политическими режимами.

Ключевые слова: терроризм, выборы, оппозиция, политическое насилие, регрессионный анализ

Для цитирования: Новиков, А. В. Сравнительный анализ взаимосвязи риска терроризма и ограничений оппозиции на национальных выборах / А. В. Новиков. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-67-88 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 67–88.

A comparative analysis of the relationship between the risk of terrorism and the restrictions of the opposition in national elections

Andrey V. Novikov

Department of Mathematical Methods in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The article considers the issue of a comparative analysis of the relationship between the rise of terrorism and the existing restrictions on the opposition in national elections. It gives an analysis of the influence of the types of political regimes, limited and unrestricted types of elections, as well as various indicators of the stability of states and their socio-economic development. The author of the article uses descriptive statistics analysis and develops seven negative binomial regression models that take into account choices in more than 150 countries between 1970 and 2015. The result proves that the government's holding of unrestricted elections is associated with an increase in terrorist violence in non-democratic countries, but with a decrease in terrorism in democratic ones. At the same time, restricting the participation of opposition groups in elections is associated with a decrease in the level of terrorist violence in non-democracies, but with an increase in the level of terrorism

in democracies. In general, the data obtained indicate a strong and significant relationship between the types of national elections and the risk of terrorism in countries with different political regimes.

Keywords: terrorism, elections, opposition, political violence, regression analysis

For citation: Novikov, A. V. (2022). A comparative analysis of the relationship between the risk of terrorism and the restrictions of the opposition in national elections. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 67-88. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-67-88

Введение

Выборы почти повсеместно распространены во всех странах мира. Они являются обычным явлением как в демократических, так и в авторитарных государствах. Как таковое проведение выборов само по себе не квалифицирует страну как демократическую [1]. Действительно, в то время как рост числа избирательных демократий более чем удвоился с момента окончания холодной войны, рост числа либеральных демократий по сравнению с ними остается скромным. Это, возможно, свидетельствует о «стеклянном потолке» для стран, которые прошли демократический порог [2]. Одной из причин этого может быть то, что лидеры обычно разрабатывают процедуры выборов, которые нарушают демократические нормы, чтобы загнать в тупик деятельность оппозиции. Это исследование сосредоточено на том, как манипулирование участниками общенациональных выборов влияет на вероятность насильственной реакции со стороны групп, выступающих против правительства. В частности, ставится такой вопрос: улучшают ли ограничения на участие оппозиционных групп в выборах или усугубляют уровень насилия?

Насилие обычно представляет угрозу процедурам выборов. Тем не менее, связь между выборами и насилием остается спорной. Правительства и представители оппозиционного сектора часто стараются вести себя хорошо во время проведения выборов, потому что граждане и международное сообщество могут следить за их поведением, и «хорошее» и честное поведение может быть вознаграждено политической поддержкой. Например, было замечено, что правительства снижают уровень репрессий в период выборов [3]. Сообщается, что группы боевиков, связанные с участвующими в выборах партиями, сокращают насилие, чтобы не отталкивать своих сторонников [4]. Однако множество исследований также связывают периоды выборов с различными формами насильственных и ненасильственных конфликтов [5]. Правительства не могут усиливать публичные формы репрессий. Однако было также показано, что они увеличивают уровень насилия за счет спонсорства доверенных негосударственных субъектов [6].

В то же время все эти расходящиеся между собой выводы могут и не быть противоречивыми. Скорее, возникновение насилия на выборах обусловлено их особенностями. Выборы — это возможность для оппозиционных групп бросить законный вызов официальной власти. Однако правительства контролируют качество этой возможности, определяя, в какой степени оппозиционные группы могут законно участвовать в выборах. Когда правительства разрешают участие оппозиции, это создает или укрепляет возможность для более умеренной политики между правительством и его противника-

ми. Связано это с тем, что умеренные лидеры привлекают общественную поддержку за счет экстремистов, что обычно приводит к фрагментации оппозиционного сектора. Причем экстремистам приходится относительно хуже, чем умеренным. Эти экстремистские группировки скорее всего прибегнут к насилию, пытаясь подорвать или испортить формирующуюся умеренность в политике [7]. Они делают это для того, чтобы вызвать недоверие между правительством и умеренными элементами оппозиционного сектора.

В настоящее время хорошо известно, что террористы более часто нападают в демократических странах [8]. Они делают это потому, что демократические правительства подвержены широким ограничениям их исполнительной власти, стремятся защитить гражданские свободы и допускают объединение меньшинств [8]. Кроме того, демократические общества также пользуются свободой печати и слова, что облегчает публичные вызовы правительству [9]. Выборы как важная характеристика таких обществ также являются основной мишенью террористического насилия [10].

Более поздние работы внесли дополнительный вклад в изучение взаимосвязи между демократией и терроризмом, сосредоточив внимание на конкретных аспектах политических институтов, которые объясняют различия в уровнях риска терроризма. Предполагается, что террористические атаки должны чаще происходить в странах с большим числом институциональных игроков, обладающих правом вето. Поскольку это страны (например, Италия, Бельгия и Израиль) с многопартийными парламентскими системами, они часто попадают в политические тупики [11]. При таких сценариях правительства неэффективны в решении проблем терроризма или недовольства, которые мотивируют граждан на требования изменения политики.

Другие аргументы опираются на литературу о причинах гражданской войны [12]. Более пропорциональное представительство должно снизить вероятность террористического риска, поскольку такая политическая конфигурация лучше учитывает и отражает интересы меньшинств [8]. В рамках этой позиции проводится мысль, что «внутрисистемные» группы с гораздо меньшей вероятностью возникнут в демократиях, имеющих систему пропорционального представительства и более высокое число избирательных округов, в то время как ни один из этих факторов не влияет на появление «антисистемных» групп [13]. С одной стороны, электоральная свобода может служить ключевым источником вариаций в институциональном дизайне, определяющим, когда выборы будут связаны с террористическим насилием. По мере приближения даты выборов демократии с низкой электоральной свободой больше страдают от нападений, поскольку ее отсутствие уменьшает возможности для законного выражения недовольства [10]. Но теории широкой социальной мобилизации могут плохо подходить для прогнозирования возникновения терроризма, который, как правило, является тактикой маргинальных субъектов. Институционализация со стороны пропорционально малых групп в качестве законных, но относительно незначительных политических субъектов увеличивает вероятность, что негосударственные субъекты прибегнут к насилию. Страны с большей этнической фракционностью сталкиваются с более высоким уровнем внутреннего терроризма по мере увеличения числа небольших партий, представленных в законодательном органе страны [14].

То, что значительная часть научной литературы о политических возможностях, способствующих терроризму, сосредоточена на демократических государствах, игнорирует эмпирическое наблюдение о том, что значительное число авторитарных государств также страдают от проблем терроризма. Террористы нацеливаются на автократические правительства, когда они создают высокие издержки для выражения мнений [15]; или сталкиваются с оппозицией, но не предоставляют ей площадок (законодательных органов), на которых они могут выразить свою позицию [13]; или имеют в своем распоряжении лишь узкий спектр стратегий принуждения и кооптации [16]. Изучение терроризма в автократиях подпитывается признанием того, что большинство авторитарных режимов страдают от низкого уровня легитимности, но допускают возможность некоторой формы политической конкуренции: «сочетание, которое может создать как недовольство, так и организационную динамику, которая, как считается, приведет к росту террористического насилия» [17].

Стоит признать, что, во-первых, выборы в настоящее время являются общей чертой для множества типов режимов, во-вторых, они часто подвергаются повышенному риску насилия. Существуют убедительные доказательства того, что периоды выборов могут быть более мирными, чем периоды без них. Это достигается благодаря необычайно «хорошему» поведению правительственных и оппозиционных субъектов, когда они находятся под пристальным вниманием международного сообщества [4]. Однако основная масса фактов свидетельствует о том, что периоды национальных выборов часто сопровождаются угрозами или фактическим применением насилия. Выборы в постконфликтных ситуациях часто являются особенно дестабилизирующим фактором, поскольку мирное строительство и сдержанность, которые они часто влекут за собой, могут предвосхищать потерю власти групп, которые все еще владеют оружием [5].

Конкуренция между правительствами и насильственными оппозиционными акторами из-за недостаточной общественной поддержки приводит к возникновению насилия внутри государства [18]. Исходя из этого предполагается следующее:

Во-первых, все правительства сталкиваются с оппозиционным сектором [19]. Взаимодействие между правительством и этой оппозицией занимает центральное место в процессах, определяющих, будут ли периоды выборов мирными или насильственными. Однако этот оппозиционный сектор характеризуется многочисленными группировками, борющимися за власть и выживание [20]. В первую очередь имеется в виду различие между умеренными и экстремистами.

Во-вторых, правительства делают стратегический выбор как в отношении того, проводить или не проводить выборы, так и в том, какой уровень оппозиции разрешен на выборах. В случае развитых демократий у правительств на самом деле нет выбора в отношении того, проводить или не проводить выборы. Хотя они могут выбирать, когда их проводить. Тем не менее, правительство может принять решение подорвать некоторые демократические принципы, ограничив участие определенных партий или групп в обществе, а также отложив или отменив выборы. Запрет партии Батасуны испанским правительством является примером подобного поведения.

В-третьих, участники оппозиционного сектора предпочитают использовать насилие или избегать его в зависимости от их оценки вероятного воздействия

как на внутренние (внутри сектора), так и на внешние (по отношению к правительству) конфликты.

В-четвертых, оппозиционные группы сталкиваются с решением участвовать или нет в выборах. Участвуя, они могут реально рассчитывать на получение выгод, включая поддержку со стороны широких слоев населения. Напротив, участвуя в правовой политике, они потенциально рискуют потерять доверие некоторой части своей основной базы поддержки, подорвать внутреннюю сплоченность внутри своих групп и размыть ясность своих основных требований [4].

Правительство выбирает характер оппозиции, которую оно допускает на выборы. Неограниченные выборы позволяют участвовать всем группам оппозиционного сектора. Ограниченные выборы определенным образом снижают участие оппозиции. Однако между этими двумя институциональными контекстами существуют важные различия в отношении вероятного воздействия ограничений. В демократических странах по сравнению с недемократическими неограниченные выборы имеют больший потенциал для того, чтобы принести пользу умеренным оппозиционным элементам и поставить в невыгодное положение более радикальные группы. Напротив, ограниченные выборы дают преимущество правительству по сравнению с оппозиционным сектором в недемократических государствах. В то время как в демократических, где такие ограничения нарушают распространенные нормы, скорее всего, будет верно обратное.

Литературный обзор

Неограниченные выборы и терроризм в целях подрыва политической умеренности. В принципе, выборы — это возможность для оппозиционных групп бросить вызов режиму. Однако, учитывая стратегическую среду, в которой взаимодействуют правительства и оппозиционные субъекты, у правительств есть стимулы контролировать характер этой возможности, определяя, в какой степени оппозиционные группы могут законно участвовать в выборах. Когда правительства решают разрешить неограниченное участие оппозиции, они помогают обеспечить ей доступ к возможностям добиться общественной поддержки. Разрешая неограниченные выборы, правительства также помогают создать возможности для умеренной, инклюзивной политики. Однако эта умеренность в политической среде не предвещает прекращения применения насилия. Действительно, в периоды, когда правительства идут на уступки жестоким противникам, довольно часто наблюдается рост насилия [21]. Политическая умеренность, таким образом, обычно ассоциируется с фракционностью оппозиционных движений. Возможность, предоставляемая этой умеренностью, «может усилить споры по поводу условий легального представительства, поскольку она благоприятствует одним фракциям и не нравится другим» [7]. Вероятно, в этом сценарии доступ к общественной поддержке будет неравномерно распределен между фрагментами оппозиции. Умеренные силы увеличат свою поддержку. Как следствие, экстремисты, выступающие за продолжение применения насилия, скорее всего, столкнутся с сокращением общественной поддержки. Это приводит к усилению тенденции использования насилия экстремистскими элементами с целью испортить возникающую умеренность в политике [7].

Решение испортить ситуацию представляется извращенным и даже контрпродуктивным, учитывая, что одним из наиболее важных условий террористического насилия является ограниченная способность меньшинства удовлетворять свои недовольства посредством участия в политическом процессе [22]. Логично предположить, что, получив возможность возместить свои претензии (например, выдвинув и проголосовав за предпочтительных кандидатов на выборах), вооруженные противники правительства могут предпочесть сократить свою насильственную практику и вместо этого сосредоточиться на мирных средствах ведения переговоров. Тем не менее, растет объем работ, которые противоречат этому ожиданию [18]. Наибольший источник риска в достижении мира между правительствами и их оппозиционными группами может исходить от лидеров и партий, которые считают, что мир, возникающий в результате переговоров, угрожает их власти, мировоззрению и интересам. Поэтому они активно используют насилие для подрыва попыток его достижения [7]. Отказ Ж. Савимби от выборов под наблюдением Организации объединенных наций (ООН) в Анголе в 1992 году, отказ руандийских экстремистов-хуту от Арушских мирных соглашений 1994 года и непрекращающийся терроризм ХАМАС в преддверии всеобщих выборов 1996 года в Израиле являются одними из наиболее катастрофических примеров порочного поведения, наблюдаемых в последние десятилетия.

Экстремисты могут сыграть на подозрениях между умеренными группами относительно перспектив стабильного мира. По сути, насилие используется для укрепления недоверия между правительством и умеренными. Об этом свидетельствуют всплески динамики израильско-палестинского насилия в различные периоды мирных переговоров, начиная с соглашений в Осло 1993 года, заканчивая обострением ситуации в мае 2021 года. Важно отметить, что выборы также определены как важнейшие возможности для экстремистов сорвать умеренную политику. Когда умеренные члены внутри террористических организаций воспринимаются как особо сильные, правительство теряет доверие в периоды роста насилия, потому что умеренные, по-видимому, решили не подавлять экстремистские элементы. Таким образом, хотя правительства могут рассматривать уступки как средство прекращения терроризма, они также могут стать источниками информационных проблем [18].

В целом, исходя из анализа научной литературы, можно сформулировать *первую гипотезу*: проведение правительством неограниченных выборов связано с увеличением уровня террористического насилия в недемократических странах, но снижением уровня терроризма в демократических.

Ограниченные выборы, подорванная поддержка и недовольство. В своем арсенале правительства располагают различными инструментами для ограничения участия субъектов из оппозиционного сектора и, в частности, для предотвращения конкуренции партий на выборах, которая может подорвать статус-кво [23]. Они могут полностью ограничить оппозицию, сделать незаконными новые партии (помимо действующих), ограничить выбор кандидатов в избирательном бюллетене или помешать конкретным лидерам оппозиции баллотироваться.

Несколько реальных примеров этих инструментов из базы данных «Национальных выборов в демократиях и автократиях» (NELDA) помогают подчеркнуть широко

распространенный характер этих ограничений [24]. В преддверии национальных выборов в Чехословакии 1971 и 1976 годов списки кандидатов были составлены Национальным фронтом, который представлял собой коалицию Коммунистической партии Чехословакии, Чехословацкой социалистической партии, Чехословацкой народной партии и Словацкой партии реконструкции. В 1988 году правительство Мали разрешило нескольким кандидатам фигурировать в избирательных бюллетенях. Однако, поскольку только правящая партия была законной, это означало, что все кандидаты были от одной и той же партии. Кубинские выборы 1993 и 1998 годов номинально позволили добиться большей открытости, чем на предыдущих выборах. Однако на практике только кандидатам, выдвинутым Коммунистической партией Кубы (КПК), было разрешено участвовать в выборах. Другими словами, КПК оставалась единственной законной партией в стране. Наконец, хотя в 2007 году в Бутане партии в целом считались законными, национальные выборы того года были объявлены беспартийными. Это означало, что ни одной из оппозиционных партий не было разрешено законно в них участвовать.

Обычно тесные связи между определенными политическими партиями и террористическими организациями хорошо налажены [25]. Большинство террористических групп исторически были связаны с той или иной политической партией [26]. Партии часто принимают непосредственное участие в создании своего насильственного крыла [27]. Кроме того, многие данные свидетельствуют о том, что террористические группы в значительной степени полагаются на ресурсы, полученные от связанных с ними политических организаций. Эти ресурсы включают легитимность, способность влиять на политику с помощью правовых средств и агитацию за народную поддержку от их имени [27]. Поэтому имеет смысл, что правительства предпочитали применять ограничительную практику при проведении выборов, с тем, чтобы ограничить возможности оппонентов добиваться общественной поддержки. Это делает более трудным для экстремистских оппозиционных субъектов проведение жизнеспособных атак против правительства.

Ограничения могут быть применены к политическим организациям в момент их создания или в конкретные моменты, имеющие стратегическое значение, в том числе в преддверии выборов [28]. Выборы ни в коем случае не являются единственным временем, в которое могут быть наложены ограничения на группы [29]. Однако это одна из наиболее важных возможностей для оппозиционеров получить поддержку. Предполагается, что, учитывая тесную связь между политическими партиями и террористическими организациями, запреты можно рассматривать как средство достижения двух целей, имеющих важное значение для данного исследования терроризма. Во-первых, запреты могут помочь публично делегитимизировать группы, которые поддерживают насилие или участвуют в нем. Во-вторых, запреты могут подорвать способность политических партий оказывать поддержку связанным с ними террористическим группам.

Напротив, в демократических государствах введение ограничений на участие оппозиции в выборах может рассматриваться как подрыв свободы. Соответственно, такие ограничения скорее будут иметь непреднамеренные последствия в виде возникновения недовольства. Существуют некоторые эмпирические данные, подтверждающие представление о том, что недовольство мотивирует террористическое насилие. Недопредставленность в правительстве, экономическая и этническая дискриминация могут

способствовать принятию группами решений о применении насилия [30]. Кроме того, повышение уровня примирения, включая электоральную свободу и ограничения для руководителей, может быть связано с более низким уровнем терроризма в демократических политических условиях [10].

Таким образом, следует сформулировать *вторую гипотезу*: правительственное ограничение участия оппозиционных групп в выборах связано со снижением уровня террористического насилия в недемократических странах, но с увеличением уровня терроризма в демократических.

Материалы и методы

Чтобы проверить выдвинутые гипотезы, анализируется набор данных по странам за определенные годы. Зависимая переменная «внутренний терроризм» представляет собой подсчет общего числа внутренних террористических актов, совершенных в стране в течение определенного года. Эти данные, доступные с 1970 по 2015 год, взяты из «Глобальной базы данных по терроризму» (GTD) [31]. По ее определению, «внутренний терроризм — это национальный терроризм, в котором место, цель и исполнители из одной и той же страны». В данной статье мы фокусируемся только на внутренних атаках, потому что скорее всего они будут иметь «прямые последствия только для страны-места проведения, ее институтов, граждан, собственности и политики». Однако, учитывая, что трудно провести четкое различие между внутренними и транснациональными атаками, проводится проверка надежности основных моделей работы путем замены зависимой переменной показателем для всех атак (как внутренних, так и транснациональных) [32]. Это отражено в модели 4 таблицы 2. В настоящее время GTD считается наиболее полным источником данных о терроризме. Естественно, у нее, вероятно, есть свои подводные камни. Однако она отлично подходит для целей анализа данных по глобальной выборке стран за несколько десятилетий.

Учитывая, что данные, используемые в качестве зависимой переменной, представляют собой простые подсчеты событий, в работе используется отрицательная биномиальная регрессионная модель [33]. Поскольку в данном случае среднее и стандартное отклонение зависимой переменной составляет 7,5 и 33 соответственно [34], то отрицательная биномиальная модель лучше всего подходит для анализа сверхдисперсных данных и часто используется в аналогичных исследованиях, изучающих корреляты терроризма [35].

Ключевые объясняющие переменные, фокусирующиеся на сроках и уровне ограничений выборов, взяты из базы NELDA. Этот набор данных содержит подробную информацию обо всех выборах на национальном уровне в глобальном масштабе с 1945 по 2015 год. Выборы в наборе данных включают выборы исполнительных органов (например, президента) и национальных законодательных органов (например, парламентов). Начнем с создания простой двоичной переменной «выборы», которая указывает, проводились ли в стране хотя бы одни выборы национального уровня в конкретный год. Затем используется набор данных NELDA для генерации нескольких фиктивных переменных, характеризующих относительное качество выборов. Закодируем четыре фиктивные переменные, подчеркивающие наличие или отсутствие каждого из

четырех ключевых нарушений, выявленных проектом NELDA для каждых выборов на национальном уровне в данной выборке.

1. «Оппозиция запрещена» опирается на данные *«NELDA 3: Была ли оппозиция разрешена?».* Ответ на этот вопрос кодируется в виде дихотомической переменной, меняя порядок исходного кодирования. Таким образом, переменная «1» фиксирует сценарии, в которых оппозиция НЕ была разрешена. Примерами может служить Сирия в 1990 году, Лаос в 1992 году, Нигер в 1970 году и Тунис в 1994 году.

2. «Не более одной законной партии» опирается на данные *«NELDA 4: Было ли законным более одной стороны?».* Ответ кодируется в виде дихотомической переменной, меняя исходный порядок. Таким образом, значение «1» отражает сценарии, в которых несколько политических партий считались незаконными. Например, Гаити в 1979 году и Судан в 1996 году.

3. «Нет выбора кандидатов в бюллетене» опирается на данные *«NELDA 5: Был ли выбор кандидатов в бюллетене?».* Переменная со значением «1» фиксирует сценарии, в которых не было выбора кандидатов. Например, Египет в 1993 году и Нигер в 1970 году.

4. «Лидерам оппозиции было запрещено баллотироваться» опирается на данные *«NELDA 13: Были ли лидеры оппозиции лишены возможности баллотироваться?».* Значение «1» фиксирует случаи, в которых лидерам оппозиции было запрещено баллотироваться. Например, Гватемала в 1970 году, Иран в 1997 году и Вьетнам в 2002 году.

Затем генерируется две сводные дихотомические переменные, детализирующие общие характеристики выборов. Первая из этих фиктивных переменных, «неограниченные выборы», кодируется как «1» в годы выборов, когда отсутствовали все четыре нарушения, перечисленные выше. Вторая из этих суммарных переменных, «ограниченные выборы», кодируется как «1» в годы выборов, когда присутствовало одно или несколько из четырех нарушений, перечисленных выше. Из 1 410 выборов из базы NELDA в период с 1970 по 2015 год 415 выборов считаются «ограниченными», а 995 соответствуют критериям и считаются «неограниченными».

Чтобы точно проверить гипотезы, также вводится мера типа политического режима страны. «Демократия» — это двоичная переменная, для которой значения «1» определяют демократические страны, а значения «0» — недемократические. Как отмечалось ранее, не все «неограниченные» выборы происходят в контексте демократии, и не все демократии защищены от проведения «ограниченных» выборов. Тем не менее, важно контролировать тип режима, поскольку анализ должен быть сосредоточен не только на демократиях [8]. Существует ряд источников для оценки масштабов и различий между демократическими и недемократическими режимами. В работе используются данные, собранные Д. Чейбубом, Д. Ганди и Дж. Вриландом (Cheibub J. A., Gandhi J., Vreeland J. R. — CGV) [36]. В соответствии с CGV демократии определяются и кодируются как те режимы, в которых соблюдается каждое из следующих условий: избираются как законодательная, так и исполнительная власть; существует множество политических партий, находящихся вне влияния государства, и они конкурируют на этих выборах; исполнительная власть была передана мирным путем между партиями в результате выборов. Из-за этого последнего правила такие страны, как Ботсвана, ЮАР,

Мексика, на протяжении большей части периода данного исследования считаются недемократическими. В работе анализируется база CGV, а не часто используемые данные Polity, потому что последние являются эндогенными для процессов гражданского конфликта и, таким образом, не могут давать достоверно объективные результаты. Тем не менее, используется «очищенная» версия Polity – xPolity2, в которой были удалены потенциально эндогенные конфликтные элементы меры режима. Эта альтернативная переменная для типа режима вводится в качестве средства оценки надежности основных выводов.

Дополнительно контролируется целый ряд переменных, которые стали стандартными в моделях внутреннего терроризма. «Ln(ВВП на душу населения)» отражает уровень экономического развития стран. Ведь, развитые страны являются более привлекательными целями для терроризма из-за их изобилия ценных целей и обилия СМИ, освещающих каждое насильственное нападение [16]. «Ln(Население)» и «Ln(площадь)» соответственно измеряют общую численность населения и общую площадь территории государства. Обе меры обычно включаются в спецификации моделей при изучении политического насилия, поскольку они определяют более крупные страны, в которых просто больше возможностей для насилия. «Индекс Джини» является мерой распределения доходов внутри государства. Причем более высокие значения указывают на менее равное распределение доходов. Неравенство, как правило, считается потенциальным источником недовольства, лежащим в основе применения насилия [37]. «Провал государства» — это совокупность четырех показателей несостоятельности страны, полученных из оценок проекта «Political Instability Task Force». Предыдущие исследования показали, что страны, испытывающие степень государственной несостоятельности, особенно подвержены терроризму [35]. Эти показатели включают этническую войну, революции, неблагоприятную смену режима, геноцид и политические чистки.

«Холодная война» — это дихотомическая переменная, указывающая на годы холодной войны (с 1970 по 1989 гг.) как «1», а на годы периода после нее (здесь с 1990 по 2015 гг.) как «0». «Гражданская война» — это порядковый показатель того, продолжается ли в стране в данный год внутренний конфликт (кодируется как «0»), и принимает ли он форму незначительной («1»), промежуточной («2») или внутренней войны («3»). Данные взяты из «Программы данных о конфликтах Уппсалы» (UCDP), в которой внутренний вооруженный конфликт определяется как борьба между правительством и одной или несколькими внутренними оппозиционными группами, приводящая к гибели не менее 25 человек в год [38]. Эта переменная включается в анализ, поскольку предыдущие исследования показывают, что большое количество террористических атак происходит в контексте продолжающихся гражданских конфликтов [39]. «Терроризм в предыдущем году (t-1)» — это переменная, фиксирующая годовой лаг зависимой переменной. Как отмечалось ранее, террористические нападения демонстрируют четкие признаки временной автокорреляции. Эта переменная включена, чтобы это зафиксировать [16].

Результаты и обсуждение

Прежде чем исследовать взаимосвязь между выборами, ограничениями и риском внутреннего терроризма в условиях многомерной регрессии, сначала необходимо оценить

эту взаимосвязь с помощью описательной статистики. Единицы наблюдения за год в полной выборке в среднем показывают чуть менее 7,5 внутренних террористических нападений. Данное среднее значение несколько ниже и составляет около 6,6 % за годы без выборов в стране (около 78 % общей выборки). В отличие от этого результата, в странах с выборами (примерно 22 % выборки) в среднем происходит 10,8 нападений. Когда страновые годы с выборами дезагрегируются на неограниченные выборы (около 15 % выборки) и ограниченные (около 7 % выборки), становятся видны средние значения 12,8 и 5,8 атак соответственно.

Рассмотрим тот же набор средних значений, но на этот раз проведем различие между демократическими и недемократическими странами. В годы, не связанные с выборами, в демократиях наблюдается более высокий уровень насилия, чем в недемократиях (11,8 нападений по сравнению с 4). В годы выборов также наблюдается более высокий уровень насилия в демократических странах, чем в недемократических (13,7 и 7,6 нападений). Кроме того, разрыв становится еще больше, когда сравниваются ограниченные выборы: демократии испытывают 16,5 атак по сравнению с 4,8 в недемократиях. Все три эти тенденции согласуются с основными выводами исследований, касающихся взаимосвязи демократии и терроризма. Однако, когда сравниваются годы выборов без ограничений, соотношение не столь резко, и демократии испытывают 13,5 атак по сравнению с 11,1 атаками для недемократических стран. Другими словами, средние значения согласуются с гипотезами.

Таблица 1

Влияние выборов на террористические события за 1970–2015 годы

Переменные	**Модель 1**	**Модель 2**	**Модель 3**
Выборы	0,213*(0,111)		
Неограниченные выборы		0,377***(0,123)	0,872***(0,243)
Ограниченные выборы		–0,346**(0,143)	–0,494***(0,162)
Демократия	0,576***(0,185)	0,532***(0,185)	0,618***(0,210)
Неограниченные выборы*Демократия			–0,773***(0,273)
Ограниченные выборы*Демократия			1,065***(0,338)
Ln(ВВП на душу нас.), t-1	0,235***(0,078)	0,235***(0,077)	0,245***(0,076)
Ln(Население)	0,686***(0,102)	0,683***(0,100)	0,691***(0,098)
Ln(Площадь)	–0,160*(0,082)	–0,159**(0,080)	–0,157**(0,078)
Индекс Джини	0,037***(0,012)	0,038***(0,012)	0,039***(0,012)
Провал государства	0,200***(0,055)	0,197***(0,054)	0,200***(0,055)
Холодная война	–0,256**(0,130)	–0,241*(0,128)	–0,230*(0,125)
Гражданская война	0,377***(0,098)	0,390***(0,097)	0,389***(0,097)
Терроризм в предыдущем году, t-1	0,031***(0,006)	0,031***(0,006)	0,031***(0,006)
Константа	–2,862***(1,049)	–2,904***(1,043)	–3,083***(1,027)
AIC	16,209	16,193	16,174
Число наблюдений	4 814	4 814	4 814

Примечание: $p < 0{,}05$*, $p < 0{,}01$**, $p < 0{,}001$***.

Были разработаны три модели. Результаты этих моделей подробно представлены в таблице 1. Тестовые гипотезы предполагают интерактивную взаимосвязь между характером избирательных ограничений и типом режима страны, проводящей выборы. Прежде чем исследовать этот интерактивный эффект, сначала изучается влияние выборов на всю выборку стран. Модель 1 включает в себя двоичную переменную «выборы», которая указывает, состоялись ли хоть одни выборы на национальном уровне в данной стране в определенном году. Предыдущие исследования на эту тему заставили предположить, что годы выборов более подвержены терроризму, чем годы без выборов [21]. Показатель дает положительный коэффициент, но совсем немного ниже допустимого уровня значимости ($p > 0{,}05$). Другими словами, результат слабо согласуется с ожиданиями от тезиса о террористическом подрыве выборов. Анализ, проведенный после оценки, показывает, что в годы проведения выборов в стране число внутренних террористических нападений будет на 24 % выше, чем в годы без выборов. Для оценки существенных эффектов в соответствующих моделях используется команда «listcoef» в Stata.

Однако весьма вероятно, что тип выборов имеет важное значение для того, будут ли годы проведения выборов связаны с увеличением или уменьшением уровня терроризма. Таким образом, модель 2 включает показатели того, были ли выборы неограниченными или ограниченными. Причем в качестве эталонной категории выступают годы без выборов. В данной модели не обращается внимание на тип режима. Скорее, эта модель используется для изучения глубинных последствий ограничений на участие оппозиционных субъектов в выборах. Положительная и статистически значимая оценка коэффициента переменной «неограниченные выборы» в модели 2 дает некоторую первоначальную поддержку утверждению о том, что выборы, в которых участие оппозиции было неограниченным, приводят к росту терроризма. Это может отражать тенденцию экстремистов стремиться испортить мирные возможности для реализации умеренной политики. Напротив, отрицательная и статистически значимая оценка коэффициента переменной «ограниченные выборы» в модели 2 предполагает, что выборы с ограниченным участием оппозиции связаны со снижением уровня терроризма, вероятно, потому, что правительственные ограничения снижают возможность получения поддержки от умеренных до экстремистских элементов оппозиционного сектора. По существу, эти результаты показывают, что страны в годы с ограниченными выборами испытывают на 29 % меньше атак, чем в годы без выборов, в то время как в годы с неограниченными выборами государства испытывают на 43 % больше атак, чем в годы без выборов.

Две гипотезы говорят не только об ограничениях на участие оппозиции в выборах, но и о типе режима страны, проводящей выборы. Соответственно, в модели 3 вводятся переменные взаимодействия между типом выборов и типом режима. В частности, рассматривается взаимодействие «неограниченных» и «ограниченных выборов» с бинарным индикатором «демократии». Поскольку каждая из этих независимых переменных является дихотомической и каждая имеет много нулевых значений, можно предложить некоторую предварительную интерпретацию полученных оценок параметров. Оценка коэффициента по параметру «неограниченные выборы» положительна и статистически значима. Это показывает, что в отсутствие демократии проведение неограниченных выборов связано с увеличением ожидаемого числа внутренних террористиче-

ских нападений. Напротив, проведение ограниченных выборов, по-видимому, связано с увеличением уровня нападений в этой же группе недемократических стран. По существу, эти оценки подразумевают, что недемократические страны, проводящие неограниченные выборы, как ожидается, испытают на 139 % больше атак, чем в годы без выборов. В странах, проводящих ограниченные выборы, будет наблюдаться на 39 % меньше нападений, чем в годы без выборов. Модель также отражает то, что демократии столкнутся с терроризмом на 86 % чаще в годы, не связанные с выборами (эталонная категория), чем недемократии. Это говорит о правдоподобии результатов в целом.

Полные результаты модели 3, возможно, будут лучше поняты с помощью визуализации на рисунке.

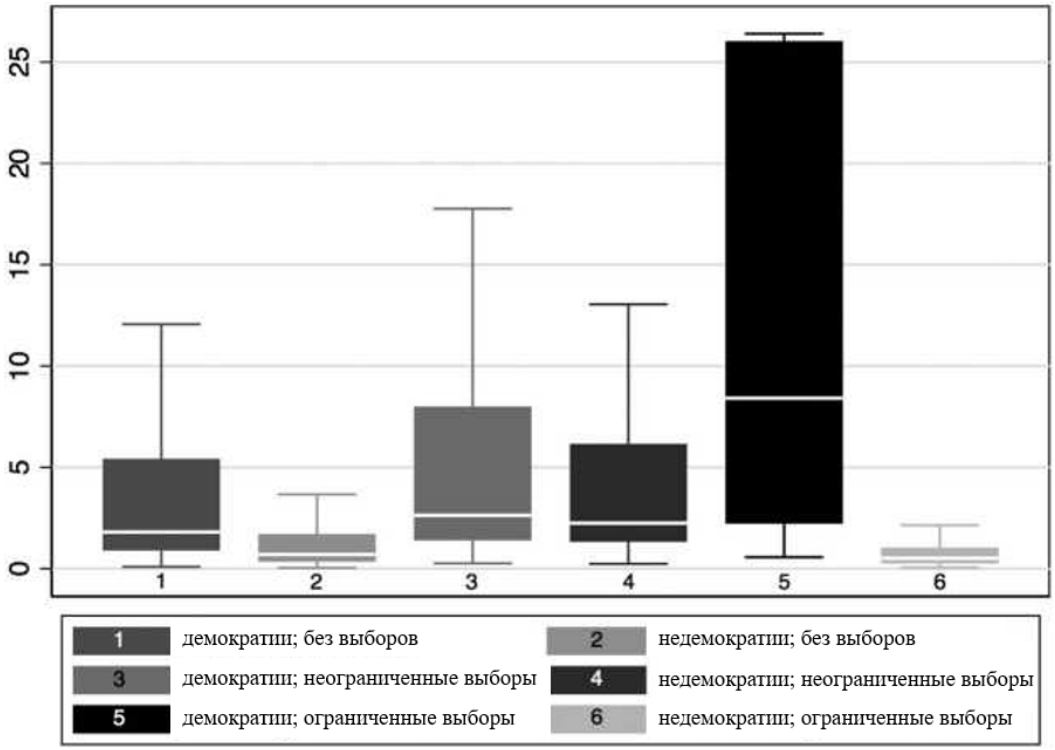

Рисунок. ***Прогнозируемое число случаев внутреннего терроризма (модель 3)***

На рисунке можно сравнить прогнозируемое количество внутренних террористических атак в шести условиях: 1) демократии в годы выборов; 2) недемократии в годы без выборов; 3) демократии в годы с неограниченными выборами; 4) недемократии в годы с неограниченными выборами; 5) демократии в годы с ограниченными выборами; 6) недемократии в годы с ограниченными выборами. Все условия показаны в соответствующем порядке слева направо по оси *x*. Каждое из них отображается в виде ящичковой диаграммы с прогнозируемым количеством, выделенным горизонтальной белой линией, окруженной диапазонами квартилей. Этот рисунок наглядно демонстрирует, что недемократические страны в годы с неограниченными выборами (ящик 4) имеют более высокое прогнозируемое число нападений, чем в годы без выборов

(ящик 2) или годы с ограниченными выборами (ящик 6). Напротив, демократические страны в годы с неограниченными выборами (ящик 3) имеют заметно более низкие уровни атак, чем в годы с ограниченными выборами (ящик 5). Это последнее условие, хотя и редко встречающееся (чуть менее чем в 5 % демократических выборов), согласуется с преобладающими выводами научной литературы о более широкой взаимосвязи между демократией и терроризмом. Другими словами, тесты показывают, что, возможно, эта более общая взаимосвязь обусловлена этими относительно редкими эпизодами, когда демократические нормы нарушаются демократическими правительствами. Каждое из наблюдений на этом графике согласуется с выдвинутыми гипотезами.

Каждый из параметров, представляющих наши контрольные переменные, дает оценки коэффициентов, которые соответствуют ожиданиям, сформулированным в существующей литературе. Возможно, наиболее важно то, что данные выводы остаются верными даже с учетом того, является ли данное государство демократией или нет. В то время как демократические страны неизменно чаще сталкиваются с террористическими угрозами, этот эффект, по-видимому, не является единственным фактором, определяющим полученные результаты. Кроме того, обнаруживается, что богатые, более густонаселенные, неравномерно структурированные, несостоятельные, подверженные гражданским конфликтам и исторически склонные к терроризму государства с большой долей вероятности столкнутся с высоким уровнем терроризма по сравнению с государствами, не имеющими этих характеристик. Интересно, что государства, занимающие большие территории с незначительной вероятностью столкнутся с несколько более низким уровнем внутреннего терроризма. При этом в период холодной войны вероятность террористических нападений была несколько меньше, чем во все последующие годы.

Проверка надежности. Чтобы продемонстрировать надежность этих эмпирических результатов, предлагается четыре дополнительных спецификации модели. Они подробно описаны в таблице 2.

Во-первых, стандартная зависимая переменная заменяется подсчетом всех террористических нападений (внутренних и транснациональных), которые имели место в стране в данном году. Хотя логика исследования должна наиболее непосредственно применяться к внутренним политическим процессам и, следовательно, быть наиболее актуальной для внутренних групп, совершающих нападения на местное население. Необходимо признать, что несовершенство измерения того, что считается внутренним, и того, что считается транснациональным терроризмом, может повлиять на полученные выводы. Модель 4 представляет результаты с более полной зависимой переменной. Здесь снова обнаруживается, что, когда демократия равна «0» (то есть при удалении недемократических стран), наблюдается положительная статистически значимая оценка параметра для неограниченных выборов и отрицательная статистически значимая оценка для ограниченных выборов. Другими словами, были получены доказательства в соответствии с гипотезами статьи.

Во-вторых, как уже упоминалось ранее, бинарная переменная оценки демократии/недемократии заменяется масштабированной альтернативой. Это модель 5. В частности, используется мера xPolity, которая колеблется от –6 (наиболее авторитарная) до

7 (наиболее демократическая). Учитывая непрерывный характер этой переменной, попытаемся визуализировать интерактивный эффект между типом режима и типами выборов. По мере повышения уровня демократии в стране снижается влияние неограниченных выборов на уровень терроризма. Это согласуется с первой гипотезой.

Таблица 2

Влияние выборов на террористические события в 1970–2015 гг. для проверки надежности

Переменные	Модель 4 (все теракты)	Модель 5 (xPolity)	Модель 6 (90 дней перед)	Модель 7 (90 дней после)
Неограниченные выборы	0,514**(0,241)	0,637***(0,219)	0,863***(0,309)	0,972***(0,350)
Ограниченные выборы	–0,336**(0,164)	–0,192(0,154)		
Демократия	0,525*** (0,156)	0,086**(0,024)	0,540(0,419)	0,752*(0,442)
Неограниченные выборы*Демократия	–0,247 (0,280)	–0,090**(0,038)	–0,678*(0,380)	–0,968**(0,392)
Ограниченные выборы*Демократия	0,679**(0,343)	0,079**(0,040)		
Ln(ВВП на душу нас.), t-1	0,182***(0,058)	0,295***(0,072)	0,259**(0,105)	0,369***(0,095)
Ln(Население)	0,366***(0,069)	0,658***(0,100)	0,755***(0,141)	0,550***(0,137)
Ln(Площадь)	–0,078 (0,054)	–0,222**(0,079)	–0,218*(0,117)	–0,080 (0,109)
Индекс Джини	0,027***(0,010)	0,043***(0,012)	0,043**(0,019)	0,042**(0,016)
Провал государства	0,150***(0,040)	0,198***(0,050)	0,155**(0,079)	0,161**(0,068)
Холодная война	–0,748**(0,126)	–0,140 (0,127)	0,456*** (0,174)	0,417**(0,167)
Гражданская война	0,279*** (0,082)	0,398***(0,088)	0,651*** (0,127)	0,735***(0,114)
Терроризм в предыдущем году, t-1	0,027***(0,004)	0,029***(0,006)		
Константа	–1,395(0,845)	–2,614***(0,997)	–4,218**(1,679)	–6,448***(1,376)
AIC	21 236,73	15 550,02	3 958,81	3 654,48
Число наблюдений	4 801	4 334	1 548	1 548

Также существует незначительное влияние ограниченных выборов на количество внутренних террористических актов по мере повышения демократии от наиболее авторитарного до наиболее демократического. По мере повышения уровня демократии в стране возрастает влияние ограниченных выборов на уровень терроризма. Другими словами, среди наименее демократических государств ограничения на участие в выборах оказывают сдерживающее воздействие на уровень терроризма, что согласуется со второй гипотезой.

Полученные результаты убедительно демонстрируют, что изменение уровней ограничений выборов оказывает существенное влияние на наблюдаемый риск внутреннего терроризма. Однако данные тесты не затронули вопрос о точном времени нападений в связи с выборами. Исследования показывают, что подготовка к выборам особенно подвержена террористическому насилию [10]. Хотя данная статья не имеет прямого отношения к вопросу о сроках и о том, следует ли ожидать большего или меньшего числа нападений в преддверии выборов или после них, тем не менее это интересный

вопрос, который требует некоторого рассмотрения. Была создана серия новых версий зависимой переменной, подсчитывающих общее количество внутренних атак в стране за 30, 90, 180 и 360 дней до и после каждых выборов. Затем регрессионный анализ был повторен с этими восемью новыми зависимыми переменными. В таблице 2 в моделях 6 и 7 просто представлены результаты для 90-дневных окон. В каждом случае в спецификацию включается показатель неограниченных выборов, который оставляет ограниченные выборы в качестве эталонной категории.

Очевидно то, что противоречивые выводы о неограниченных и ограниченных выборах справедливы как до, так и после выборов в недемократической среде. В частности, можно отметить, что в недемократических странах соответственно на 137 и 164 % больше случаев терроризма в течение 30 дней до и после неограниченных выборов по сравнению с ограниченными. Этот временной согласованный эффект остается независимо от длины окна, которое используется до и после каждых выборов. Другими словами, вывод согласуется с предыдущими исследованиями, показывающими, что террористическое насилие приближается к нормальному распределению с центром на дате выборов [6]. В данном случае создается впечатление, что то, привлекут ли выборы больше или меньше атак, зависит не столько от времени их проведения, сколько от их относительной ограниченности.

Выводы

В этом исследовании была представлена попытка определить, влияет ли относительная ограниченность участия оппозиции в выборах на уровень насилия, совершаемого негосударственными субъектами как в демократических, так и в недемократических странах. Статья предлагала простую теоретическую логику, в которой стратегическое взаимодействие между правительством и экстремистскими элементами в оппозиционном секторе определяет уровень внутреннего терроризма, наблюдаемого в государстве в течение определенного года. Ожидалось, что неограниченные выборы будут связаны с более высоким уровнем терроризма в недемократических странах и более низким уровнем терроризма в демократических. При этом в случае ограниченных выборов будет происходить ровно обратное. Серия регрессионных анализов дает достаточно доказательств этих двух гипотез. Во-первых, демонстрируется тенденция к тому, что воинствующие экстремисты пытаются испортить формирующуюся умеренную политику между правительством и договороспособными элементами оппозиционного сектора в недемократических странах. Во-вторых, также обнаружились доказательства потенциальной возможности ограничений выборов в целях снижения возможности получения народной поддержки экстремистам в недемократических странах.

Эти выводы важны и дают дополнительное представление о внутреннем терроризме в условиях и контексте выборов. Возможно и неожиданно, что ситуации, в которых формирующиеся или нелиберальные демократические правительства пытаются способствовать инклюзивным выборам, на самом деле являются наиболее подверженными риску террористического насилия. Естественно, важно оценить эти выводы сквозь призму более широкой сравнительной литературы о выборах и различных фор-

мах политического насилия, а не рассматривать их изолированно только в отношении террористического насилия. Кроме того, политические последствия сложны, но их не следует игнорировать. Хотя свободные и справедливые выборы должны поощряться в недемократических условиях, силы безопасности, как внутренние, так и международные, должны предвидеть, что такие события могут быть особенно подвержены актам внутреннего терроризма. Может показаться, что результаты исследования предполагают, что правительству выгодно просто ограничить участие оппозиции. Однако не стоит делать каких-либо поспешных выводов. Действительно, полученные результаты для демократий предполагают, что введение ограничений на выборах приведет к неожиданным последствиям. Например, можно ожидать, что законодательное ограничение кандидатов на выборах может спровоцировать более массовые формы сопротивления, включая протестные движения. При этом возможны даже более масштабные насильственные беспорядки.

Естественно, есть основания подозревать, что не все демократии или недемократии, а также не все оппозиционные группы в равной степени подвержены влиянию ограничений на выборы. Соответственно, в будущих исследованиях было бы полезно изучить, объясняют ли различия в типе недемократического режима (например, сравнение однопартийных, военных и персоналистских форм авторитаризма) дальнейшие различия в наблюдаемых уровнях терроризма с учетом ограничений на выборах. Кроме того, представляется вероятным, что организационная близость оппозиционной группы к существующим политическим партиям также может повлиять на применение ею насилия в период выборов.

Список источников

[1] Коротаев, А. Демократия и терроризм : новый взгляд на старую проблему / А. Коротаев, И. Васькин, Д. Романов. – DOI 10.17323/1728-192x-2019-3-9-48. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 9–48.

[2] Прошин, Д. В. Терроризм в контексте демократических транзитов / Д. В. Прошин. – Текст : непосредственный // Гилея : научный вестник. – 2014. – № 90. – С. 342–348.

[3] Davenport, C. Liberalizing Event or Lethal Episode? : An Empirical Assessment of How National Elections Affect the Suppression of Political and Civil Liberties / C. Davenport. – Direct text // Social Science Quarterly. – 1998. – Vol. 79, Issue 2. – P. 321–340.

[4] Heger, L. L. Votes and violence : Pursuing terrorism while navigating politics / L. L. Heger. – DOI 10.1177/0022343314552984. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2015. – Vol. 52, Issue 1. – P. 32–45.

[5] Brancati, D. Rushing to the Polls : The Causes of Premature Postconflict Elections / D. Brancati, J. L. Snyder. – DOI 10.1177/0022002711400863. – Direct text // Journal of Conflict Resolution. – 2011. – Vol. 55, Issue 3. – P. 469–492.

[6] Newman, L. S. Do Terrorist Attacks Increase Closer to Elections? / L. S. Newman. – DOI 10.1080/09546553.2013.733247. – Direct text // Terrorism and Political Violence. – 2013. – Vol. 25, Issue 1. – P. 8–28.
[7] Stedman, S. J. Spoiler Problems in Peace Processes / S. J. Stedman. – Direct text // International Security. – 1997. – Vol. 22, Issue 2. – P. 5–53.
[8] Li, Q. Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents? / Q. Li. – DOI 10.1177/0022002704272830. – Direct text // Journal of Conflict Resolution. – 2005. – Vol. 49, Issue 2. – P. 278–297.
[9] Манукян, А. Р. Противодействие терроризму в условиях развитой демократии / А. Р. Манукян. – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2018. – № 2. – С. 180–182.
[10] Aksoy, D. Elections and the Timing of Terrorist Attacks / D. Aksoy. – DOI 10.1017/S0022381614000504. – Direct text // Journal of Politics. – 2014. – Vol. 76, Issue 4. – P. 899–913.
[11] Young, J. K. Veto players and terror / J. K. Young, L. Dugan. – DOI 10.1177/0022343310386269. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2011. – Vol. 48, Issue 1. – P. 19.
[12] Джонмахмадов, Ф. Ф. Политический терроризм как основной метод деятельности террористической и экстремистской организации партия Исламского возрождения / Ф. Ф. Джонмахмадов. – Текст : непосредственный // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан. – 2020. – № 2. – С. 160–166.
[13] Aksoy, D. Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups / D. Aksoy, D. B. Carter. – DOI 10.1017/S0007123412000282. – Direct text // British Journal of Political Science. – 2014. – Vol. 44, Issue 1. – P. 181–204.
[14] Foster, D. M. There Can Be No Compromise : Institutional Inclusiveness, Fractionalization, and Domestic Terrorism / D. M. Foster, A. Braithwaite, D. A. Sobek. – DOI 10.1017/S0007123412000464. – Direct text // British Journal of Political Science. – 2013. – Vol. 43, Issue 3. – P. 541–557.
[15] Conrad, C. R. Tyrants and Terrorism : Why Some Autocrats Are Terrorized While Others are Not / C. R. Conrad, J. Conrad, J. K. Young. – DOI 10.1111/isqu.12120. – Direct text // International Studies Quarterly. – 2014. – Vol. 58, Issue 3. – P. 539–549.
[16] Wilson, M. C. Autocracies and Terrorism : Conditioning Effect of Authoritarian Regime Type on Terrorist Attacks / M. C. Wilson, J. A. Piazza. – DOI 10.1111/ajps.12028. – Direct text // American Journal of Political Science. – 2013. – Vol. 57, Issue 4. – P. 941–955.
[17] Chenoweth, E. Terrorism and Democracy / E. Chenoweth. – DOI 10.1146/annurev-polisci-032211-221825. – Direct text // Annual Review of Political Science. – 2013. – Vol. 16. – P. 355–378.
[18] Walter, B. F. Bargaining Failures and Civil War / B. F. Walter. – DOI 10.1146/annurev.polisci.10.101405.135301. – Direct text // Annual Review of Political Science. – 2009. – Vol. 12. – P. 243–261.

[19] Moore, W. H. Repression and Dissent : Substitution, Context, and Timing / W. H. Moore. – DOI 10.2307/2991732. – Direct text // American Journal of Political Science. – 1998. – Vol. 42, Issue 3. – P. 851–873.
[20] Горовиц, Д. Структура и стратегия этнического конфликта / Д. Горовиц ; перевод Р. Э. Бараш. – Текст : непосредственный // Власть. – 2007. – № 6. – С. 35–41.
[21] Mesquita, E. B. The Quality of Terror / E. B. Mesquita. – DOI 10.1111/j.1540-5907.2005.00139.x. – Direct text // American Journal of Political Science. – 2005. – Vol. 49, Issue 3. – P. 515–530.
[22] Журавель, В. П. Итоги парламентских выборов и влияние терроризма на избирателей Франции / В. П. Журавель. – Текст : непосредственный // Выборы во Франции 2017 г. : итоги и перспективы. Том 347. – Москва, 2017. – С. 45–50. – (Доклады Института Европы).
[23] Колотков, М. Б. Терроризм и государство : технология конфликта : монография / М. Б. Колотков. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 183 с. – Текст : непосредственный.
[24] National Elections Across Democracy and Autocracy. – URL: https://nelda.co/# (date of the application: 20.06.2022). – Text : electronic.
[25] Piazza, J. A. Terrorism and Party Systems in the States of India / J. A. Piazza. – DOI 10.1080/09636410903546673. – Direct text // Security Studies. – 2010. – Vol. 19, Issue 1. – P. 99–123.
[26] Altier, M. B. Introduction to the Special Issue on Violence, Elections, and Party Politics / M. B. Altier, S. Martin, L. B. Weinberg. – DOI 10.1080/09546553.2013.733241. – Direct text // Terrorism and Political Violence. – 2013. – Vol. 25, Issue 1. – P. 1–7.
[27] Джармокова, Ж. А. Терроризм как канал трансляции политических интересов / Ж. А. Джармокова. – Текст : непосредственный // Kant. – 2013. – № 3 (9). – С. 148–150.
[28] Bourne, A. K. Democratization and the illegalization of political parties in Europe / A. K. Bourne. – DOI 10.1080/13510347.2011.626118. – Direct text // Democratization. – 2012. – Vol. 19, Issue 1. – P. 1–21.
[29] Ethnic Party Bans in Africa : A Research Agenda / M. Basedau, M. Bogaards, C. Hartmann, P. Niesen. – DOI 10.1017/S2071832200005812. – Direct text // German Law Journal. – 2007. – Vol. 8, Issue 6. – P. 617–634.
[30] Piazza, J. A. Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism / J. A. Piazza. – DOI 10.1177/0022343310397404. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2011. – Vol. 48, Issue 3. – P. 339–353.
[31] Global Terrorism Database. – URL: https://www.start.umd.edu/gtd/ (date of the application: 06.20.2022). – Text : electronic.
[32] Calle, L. Rebels without a Territory : An Analysis of Nonterritorial Conflicts in the World, 1970–1997 / L. Calle, I. Sanchez-Cuenca. – DOI 10.1177/0022002711431800. – Direct text // Journal of Conflict Resolution. – 2012. – Vol. 56, Issue 4. – P. 580–603.
[33] Enders, W. Domestic versus transnational terrorism : Data, decomposition, and dynamics / W. Enders, T. Sandler, K. Gaibulloev. – DOI 10.1177/0022343311398926. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2011. – Vol. 48, Issue 3. – P. 319-337.

[34] Егорова, Е. В. Применение модели Пуассона для анализа панельных данных / Е. В. Егорова, М. В. Радионова. – Текст : непосредственный // Международный журнал прикладных наук и технологий Integral. – 2019. – № 3. – С. 350–361.
[35] Piazza, J. A. Incubators of Terror : Do Failed and Failing States Promote Transnational Terrorism? / J. A. Piazza. – DOI 10.1111/j.1468-2478.2008.00511.x. – Direct text // International Studies Quarterly. – 2008. – Vol. 52, Issue 3. – P. 469–488.
[36] Cheibub, J. A. Democracy and dictatorship revisited / J. A. Cheibub, J. Gandhi, J. R. Vreeland. – DOI 10.1007/s11127-009-9491-2. – Direct text // Public Choice. – 2010. – Vol. 143, Issue 1. – P. 67–101.
[37] Гарр, Т. Р. Почему люди бунтуют / Т. Р. Гарр ; перевод В. Анурина. – Санкт-Петербург : Питер, 2005. – 464 с. – (Мастера социологии). – Перевод изд.: Why people Rebel / Ted Robert Gurr. New York, 1970. – Текст : непосредственный.
[38] Harbom, L. Armed Conflicts, 1946–2009 / L. Harbom, P. Wallensteen. – DOI 10.1177/0022343310376887. – Direct text // Journal of Peace Research. – 2010. – Vol. 47, Issue. 4. – P. 501–509.
[39] Findley, M. G. Terrorism and Civil War : A Spatial and Temporal Approach to a Conceptual Problem / M. G. Findley, J. K. Young. – DOI 10.1017/S1537592712000679. – Direct text // Perspectives on Politics. – 2012. – Vol. 10, Issue 2. – P. 285–305.

References

[1] Korotayev, A., Vas'kin, I., & Romanov, D. (2019). Democracy and terrorism: a re-analysis. Russian sociological review, 18(3), pp. 9-48. (In Russian). DOI: 10.17323/1728-192x-2019-3-9-48
[2] Proshin, D. V. (2014). Terrorizm v kontekste demokraticheskih tranzitov. Gileya: nauchnyy vestnik, (90), pp. 342-348. (In Russian).
[3] Davenport, K. (1998). Liberalizing Event or Lethal Episode?: An Empirical Assessment of How National Elections Affect the Suppression of Political and Civil Liberties. Social Science Quarterly, 79(2), pp. 321-340. (In English).
[4] Heger, L. L. (2015). Votes and violence: Pursuing terrorism while navigating politics. Journal of Peace Research, 52(1), pp. 32-45. (In English). DOI: 10.1177/0022343314552984
[5] Brancati, D., & Snyder, J. L. (2011). Rushing to the Polls: The Causes of Premature Post-Conflict Elections. Journal of Conflict Resolution, 55(3), pp. 469-492. (In English). DOI: 10.1177/0022002711400863
[6] Newman, L. S. (2013). Do Terrorist Attacks Increase Closer to Elections? Terrorism and Political Violence, 25(1), pp. 8-28. (In English). DOI: 10.1080/09546553.2013.733247
[7] Stedman, S. J. (1997). Spoiler Problems in Peace Processes. International Security, 22(2), pp. 5-53. (In English).
[8] Li, Q. (2005). Does Democracy Promote or Reduce Transnational Terrorist Incidents? Journal of Conflict Resolution, 49(2), 278-297. (In English). DOI: 10.1177/0022002704272830

[9] Manukyan, A. R. (2018). Counteraction to terrorism in the conditions of the developed democracy. Sotsial'no-politicheskie nauki, (2), pp. 180-182. (In Russian).
[10] Aksoy, D. (2014). Elections and the Timing of Terrorist Attacks. Journal of Politics, 76(4), pp. 899-913. (In English). DOI: 10.1017/S0022381614000504
[11] Young, J. K., & Dugan, L. (2011). Veto players and terror. Journal of Peace Research, 48(1), p. 19. (In English). DOI: 10.1177/0022343310386269
[12] Johnmakhmadov, F. F. (2020). Political terrorism as the main method of activity of the terrorist and extremist organization the Islamic Renaissance Party. Proceedings of the institute of philosophy, political science and law named after A. Bahovaddinov of the national academy of sciences of Tajikistan, (2), pp. 160-166. (In Russian).
[13] Aksoy, D., & Carter, D. B. (2014). Electoral Institutions and the Emergence of Terrorist Groups. British Journal of Political Science, 44(1), pp. 181-204. (In English). DOI: 10.1017/S0007123412000282
[14] Foster, D. M., Braithwaite, A., & Sobek, D. A. (2013). There Can Be No Compromise: Institutional Inclusiveness, Fractionalization, and Domestic Terrorism. British Journal of Political Science, 43(3), pp. 541-557. (In English). DOI: 10.1017/S0007123412000464
[15] Conrad, C. R., Conrad, J., & Young, J. K. (2014). Tyrants and Terrorism: Why Some Autocrats Are Terrorized While Others Are Not. International Studies Quarterly, 58(3), pp. 539-549. (In English). DOI: 10.1111/isqu.12120
[16] Wilson, M. K., & Piazza, J. A. (2013). Autocracies and Terrorism: Conditioning Effect of Authoritarian Regime Type on Terrorist Attacks. American Journal of Political Sciences, 57(4), pp. 941-955. (In English). DOI: 10.1111/ajps.12028
[17] Chenoweth, E. (2013). Terrorism and Democracy. Annual Review of Political Science, 16, pp. 355-378. (In English). DOI: 10.1146/annurev-polisci-032211-221825
[18] Walter, B. F. (2009). Bargaining Failures and Civil War. Annual Review of Political Science, 12, pp. 243-261. (In English). DOI: 10.1146/annurev.polisci.10.101405.135301
[19] Moore, W. H. (1998). Repression and Dissent: Substitution, Context, and Timing. American Journal of Political Sciences, 42(3), pp. 851-873. (In English). DOI: 10.2307/2991732
[20] Gorovits, D. (2007). Structure and strategy of ethnic conflict. Vlast', (6), pp. 35-41. (In Russian).
[21] Mesquita, E. B. (2005). The Quality of Terror. American Journal of Political Sciences, 49(3), pp. 515-530. (In English). DOI: 10.1111/j.1540-5907.2005.00139.x
[22] Zhuravel, V. P. (2017). The results of the parliamentary elections and impact of terrorism on the frenchvoters. Elections in France – 2017: Results and Perspectives, 347, pp. 45-50.
[23] Kolotkov, M. B. (2017). Terrorizm i gosudarstvo: tekhnologiya konflikta. Moscow, Yurlitinform Publ., 183 p. (In Russian).
[24] National Elections Across Democracy and Autocracy. (In English). Available at: https://nelda.co/#
[25] Piazza, J. A. (2010). Terrorism and party systems in the States of India. Security Studies, 19(1), pp. 99-123. (In English). DOI: 10.1080/09636410903546673

[26] Altier, M. B., Martin, S., & Weinberg, L. B. (2013). Introduction to a Special Issue on Violence, Elections, and Party Politics. Terrorism and Political Violence, 25(1), pp. 1-7. (In English). DOI: 10.1080/09546553.2013.733241
[27] Dzharmokova, Zh. A. (2013). Terrorism as channel of translation of political interests. Kant, (3(9)), pp. 148-150. (In Russian).
[28] Bourne, A. K. (2012). Democratization and illegalization of political parties in Europe. Democratization, 19(1), pp. 1-21. (In English). DOI: 10.1080/13510347.2011.626118
[29] Basedau, M., Bogaards, M., Hartmann, Ch., & Niesen, P. (2007). Ethnic Party Bans in Africa: A Research Agenda. German Law Journal, 8(6), pp. 617-634. (In English). DOI: 10.1017/S2071832200005812
[30] Piazza, J. A. (2011). Poverty, minority economic discrimination, and domestic terrorism. Journal of Peace Research, 48(3), pp. 339-353. (In English). DOI: 10.1177/0022343310397404
[31] Global Terrorism Database. (In English). Available at: https://www.start.umd.edu/gtd/
[32] Calle, L., & Sanchez-Cuenca, I. (2012). Rebels without a Territory: An Analysis of Non-territorial Conflicts in the World, 1970-1997. Journal of Conflict Resolution, 56(4), pp. 580-603. (In English). DOI: 10.1177/0022002711431800
[33] Enders, W., Sandler, T., & Gaibulloev, Kh. (2011). Domestic versus transnational terrorism: Data, decomposition, and dynamics. Journal of Peace Research, 48(3), pp. 319-337. (In English). DOI: 10.1177/0022343311398926
[34] Egorova, E. V., & Radioniva, M. V. (2019). Application of the Poisson model for analysis of panel data. International Journal of Applied Sciences and Technology Integral, (3), pp. 350-361. (In Russian).
[35] Piazza, J. A. (2008). Incubators of Terror: Do Failed and Failing States Promote Transnational Terrorism? International Studies Quarterly, 52(3), pp. 469-488. (In English). DOI: 10.1111/j.1468-2478.2008.00511.x
[36] Cheybub, J. A., Gandhi, J., & Vreeland, J. R. (2010). Democracy and dictatorship revisited. Public Choice, 143(1), pp. 67-101. (In English). DOI: 10.1007/s11127-009-9491-2
[37] Gurr, T. R. (1970). Why people Rebel. New York, Routledge, 440 p. (In English).
[38] Harbom, L., & Wallensteen, P. (2010). Armed Conflicts, 1946-2009. Journal of Peace Research, 47(4), pp. 501-509. (In English). DOI: 10.1177/0022343310376887
[39] Findlay, M. G., & Young, J. K. (2012). Terrorism and Civil War: A Spatial and Temporal Approach to a Conceptual Problem. Perspectives on Politics, 10(2), pp. 285-305. (In English). DOI: 10.1017/S1537592712000679

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 24.10.2022; принята к публикации 31.10.2022.
The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 24.10.2022; accepted for publication 31.10.2022.

УДК 316.334.3
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-89-103

Территориальный подход к исследованию молодежной политики (на примере городского поселения Лянтора)

Любовь Борисовна Осипова

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В современных условиях молодежная политика становится не только основополагающим обстоятельством социально-экономической и политической жизни, но и стратегическим направлением деятельности государства. Общепризнано, что молодежь является движущей силой общества и источником инноваций. В связи с этим реализация молодежной политики предусмотрена на всех уровнях власти, включая и муниципальный уровень. Муниципальная молодежная политика рассматривается в качестве важнейшего инструмента для формирования, развития и активного использования молодежного потенциала и, как следствие, в качестве ключевого фактора развития территории. Важно понять, что молодежное направление предполагает четко сформулированные цели и задачи, что обеспечивает эффективные пути его реализации. В статье на основании анализа научных подходов раскрыто содержание следующих понятий: «молодежь», «молодежная политика». Одновременно рассмотрены основные направления молодежной политики в городском поселении Лянторе. На основе изучения мнения лянторской молодежи раскрыто содержание молодежной политики, выявлены особенности ее реализации, сделан вывод о необходимости использования инновационных подходов в работе с данной категорией населения.

Ключевые слова: муниципальное образование, молодежь, социальная группа, молодежная политика, социальная активность

Для цитирования: Осипова, Л. Б. Территориальный подход к исследованию молодежной политики (на примере городского поселения Лянтора) / Л. Б. Осипова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-89-103 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 89–103.

A territorial approach to youth policy research (a case study of the town of Lyantor)

Lyubov B. Osipova

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. In modern conditions, youth policy is becoming not only a fundamental circumstance of socio-economic and political life, but also a strategic direction of the state. It is generally recognized that youth is the driving force of society and the source of innovation. In this regard, the implementation of youth policy is envisaged at all levels of government, including the municipal level. Municipal youth policy is considered as the most important tool for the formation, development and active use of youth potential, and, as a result, a key factor in the development of the territory. It is important to understand that the youth direction implies clearly formulated goals and objectives, which will provide effective ways of its implementation. Based on the analysis of scientific approaches, the article reveals the content of the next concepts: "youth", youth policy". It considers the main directions of youth policy in the urban settlement Lyantor. Based on the study of the opinion of the Lyantor youth, the content of the youth policy is revealed, the features of its implementation are identified, and a conclusion is made about the need to use innovative approaches in working with this category of the population.

Keywords: municipality, youth, social group, youth policy, social activity

For citation: Osipova, L. B. (2022). A territorial approach to youth policy research (a case study of the town of Lyantor). Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 89-103. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-89-103

Введение

Процессы, происходящие в обществе, порождают необходимость изучения вопросов жизнедеятельности населения в территориальном аспекте, которая осуществляется на конкретной территории. Как правило, географическое пространство, объединяющее его в территориальные группы, образует своеобразный региональный социум, формируя их традиции, менталитет и образ жизни. В данном случае «территория» становится ключевым понятием в проводимых социологических исследованиях. Каждая территория имеет границы, определенное географическое положение, своеобразный природно-ресурсный, экономический, демографический и социальный потенциал, что порождает различия в условиях проживания и уровне жизни населения. Одновременно характеризуется такими качествами, как доступность, освоенность, уникальность и др. [1]. В основу территориального подхода к изучению социальных процессов положена региональная специфика, прежде всего, выделение особенностей состава и жизнедеятельности населения, характеристики преобладающих видов деятельности на данной территории. Знание перечисленных компонентов способствует оптимизации управления конкретной территорией [2].

Сегодня в научных публикациях все чаще используется понятие «территориальная общность людей», под которой понимается социум с локализованной совокупностью людей, связанных единством отношений в рамках конкретной территории, представляющей концептуальную модель изучения общественных процессов, происходящих на ней. К территориальной общности относятся и городские сообщества, в том числе молодежные, конкретного муниципального образования. Городской образ жизни формирует новые поведенческие установки, социальные нормы, усиливает социокультурные функции, создает особую среду проживания для молодежи, обнажает проблемы в сфере молодежной политики [3]. Это проявляется в социальной дифференциации молодых людей, различиях в получении профессионального образования и решении вопросов трудоустройства, порождая социальную напряженность в молодежной среде. В связи с этим ситуация должна постоянно находиться в фокусе внимания муниципальной власти и требует корректировки содержания молодежной политики на муниципальном уровне. Несмотря на то, что молодежь по ряду показателей (экономическая несамостоятельность, социально-психологическая уязвимость и др.) является незащищенной социальной группой, следует помнить, что она обладает значительным потенциалом — мобильностью, инициативностью, восприимчивостью к инновационным изменениям, новым технологиям, и именно ей предстоит не только жить в современном обществе, но и преобразовывать его к лучшему. К сожалению, реализация молодежных программ не всегда осуществляется эффективно, а значит требует содержательных

корректировок и внедрения действенных механизмов повышения социальной активности молодежи. Не случайно важность обоснования основных направлений молодежной политики и проблемы методологического характера, связанные с уточнением понятия «молодежная политика», приобретают актуальность и значимость в научной среде.

Литературный обзор

Как отмечалось выше, молодежь представляет собой энергичную и позитивно прогрессирующую социальную группу, выступающую генератором идей и источником преобразований в обществе. Это своеобразный гарант социально-экономической стабильности. Представителям данной группы присущи новые взгляды и интересы, отводится место стратегического ресурса инновационного развития государства. Именно это породило новый виток проявления интереса к молодежи как социальной группе, придает значимость ключевому компоненту — молодежной политике. Развитие потенциала молодежи обусловливается эффективностью молодежной политики.

Анализ научной литературы наглядно демонстрирует, что универсального толкования данного термина до сих пор не существует. Вероятно, это связано с различным пониманием статуса современной молодежи. Важным аспектом молодежной политики продолжает оставаться функциональная направленность молодежи, которая способствует ее успешной интеграции в современное общество и характеризует ее как мобильную группу, активно включающуюся в социальные процессы.

Молодежная политика является сложной, многогранной системой социальных отношений, представляющей собой совокупность научных подходов, разнообразных идей, функций, направлений деятельности и предполагающей стратегии и тактики развития молодежи. Доказательным, по мнению Е. И. Войтенко и К. Ю. Коноваловой, может стать повышение внимания со стороны государства к проблемам молодежи через «поиск путей и форм стимулирования активности молодого поколения в социально-полезном направлении [4]. В свою очередь, в исследованиях А. П. Скробова [5] и А. В. Кочеткова [6] молодежная политика представляется как деятельность государства по обеспечению целостной системы в работе с молодежью, направленной на ее социальное развитие с учетом современного состояния общества.

В ряде случаев молодежную политику рассматривают «как внутреннюю политику государства» [7]. На это указывает В. П. Мошняга, подчеркивая важность реализации «молодежной политики через систему управления» [8]. Эта точка зрения находит свое подтверждение в научных трудах А. Ю. Гайдина, где понятие трактуется, во-первых, как «широкая многофункциональная деятельность, включающая большой перечень мер» в отношении молодежи; во-вторых, как деятельность федеральных и муниципальных учреждений, отделов по делам молодежи; в-третьих, как политика в сфере организации свободного времени и образования молодежи [9]. При этом О. А. Раковская убеждена, что «молодежная политика должна быть адекватной современному положению молодежи и перспективам развития государства» [10]. Дополнительным уточнением к сказанному может стать высказывание И. Н. Родионова: «главное предназначение молодежной политики заключается в развитии социальной активности молодежи» [11]. Од-

новременно исследователь говорит о необходимости проявления повышенного внимания со стороны органов управления к участию молодежи в жизни общества.

На основании приведенных определений можно обобщить основные направления молодежной политики, в частности построение конструктивного межведомственного взаимодействия, развитие механизмов для решения общественных проблем, развитие личностного потенциала. Это далеко не полный перечень направлений современной молодежной политики, что придает ее изучению актуальность и требует глубокого научного осмысления в контексте взаимодействия государства и общества.

При изучении зарубежных подходов прослеживается несколько иная точка зрения, когда реализация молодежной политики не связывается только с функционализмом. Так, Р. Ньюджент акцентирует внимание на роли молодежи в современном глобальном мире в контексте трансформационных процессов [12]. К. Гриффин рассматривает молодежь «в качестве ключевого показателя состояния нации» [13], отмечая, что изменение ее статуса может привести к обновлению содержания молодежной политики. По мнению П. Лонколя Морисье, это побуждает интерес к молодежной политике со стороны государства и должно привести к перераспределению полномочий между государственными структурами в пользу местных органов власти [14]. Шведская исследовательница И. Эшинг придерживается позиции, что «каждое государство должно разрабатывать собственную национальную молодежную политику» [15]. При этом Дж. Костелло, М. Толлес, Дж. Шпильбергер говорят о важности механизмов, принципах и методах ее реализации [16] и соблюдении «равных шансов в становлении личности, что формирует уверенный взгляд в будущее» [17].

Действительно, молодежная политика призвана способствовать наращиванию ценнейшего стратегического ресурса нации — молодого поколения. Главным показателем, по мнению Ф. Тетара, становится «стремление дотянуться до молодежи» [18]. Как видим, междисциплинарные научные исследования подтверждают, что решение молодежных проблем, формирование практических навыков и умений у молодежи способствуют экономическому развитию государства [19]. К сожалению, гражданские институты в силу своей природы недостаточно гибки в установлении связей с молодежной средой, что отражается в неточности формулирования задач [20]. Причем система построения, механизмы реализации, критерии оценки успешности осуществления молодежной политики часто остаются неопределенными. Кроме того, сама работа с молодежью характеризуется ситуативностью и противоречивостью.

Таким образом, обобщая представленные научные точки зрения, можно сделать вывод о том, что молодежная политика — это деятельность государства по выработке концептуальных направлений и созданию целостной системы организационных мер по социально-правовой защите молодого поколения, реализации права на свободное развитие, творческую инициативу в соответствии с его интересами, наклонностями и возможностями.

Материалы и методы

Для определения специфики феномена «молодежная политика», выявления ее приоритетов и перспектив, обращаемся к отечественному и зарубежному опыту, представленному в работах современных исследователей в области молодежной политики.

В качестве материалов были использованы данные, полученные в ходе выборочного опроса двух разновозрастных групп молодежи: 1 группа включала респондентов от 16 до 24 лет, 2 группа — от 25 до 35 лет. Всего в опросе приняли участие 285 человек (1 группа/2 группа). Методом социологического исследования избрано анкетирование. Анкета включает широкий спектр вопросов, входящих в проблемное поле молодежной политики, которое конструируется вокруг таких задач, как определение ее приоритетных направлений и перспектив развития, выявления степени активности молодежи, изучения мнения молодых людей по наиболее актуальным вопросам их жизни.

Результаты и обсуждение

Молодежь — это стратегический резерв общества, носитель инновационных знаний, который в ближайшее время придет на смену действующему поколению, выполняя функцию проводника новых идей и инициатив, выступая гарантом стабильности государства. Использование творческого потенциала молодых людей в соответствии с потребностями государства и региона возможно лишь при реализации эффективной молодежной политики. Город Лянтор расположен на территории Сургутского района, основная часть городского населения трудится в нефтегазовой отрасли. По последним статистическим данным, в г. п. Лянторе проживает 41 199 человек. Кроме того, молодежь в возрасте от 14 до 30 лет составляет 11 432, это примерно 27,7 % от общего числа населения.

В сегодняшних условиях перед муниципальной властью поставлены сложные, но выполнимые задачи — создание оптимальных условий для формирования и реализации жизненного потенциала молодежи через поиск эффективных форм и методов взаимодействия с данной категорией населения. Для решения возникающих проблем создана комплексная система социальной поддержки молодежи, обеспечивающая защиту ее прав и реализацию интересов. Следует отметить, что не всегда жизненные установки молодых людей соответствуют потребностям государства. В связи с этим в основу формирования и реализации молодежной политики положен программно-целевой метод, позволяющий определить приоритетные направления молодежной политики (рис. 1).

Как видим, для повышения результативности молодежной политики в городском поселении Лянторе созданы условия для успешной самореализации молодежи, вовлечения в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь общества, привлечения ее инновационного потенциала к решению приоритетных задач города. Работу с молодежью осуществляют образовательные учреждения, а также учреждения по культуре и спорту, в частности 6 учреждений сферы физической культуры и спорта (МУ «Центр физической культуры и спорта «Юность», СДЮСШОР, ДЮСШ, ДЮСШ № 2, ФОК «Олимп», МУ КСК «Юбилейный»); 11 дошкольных образователь-

ных учреждений; 7 общеобразовательных учреждений; образовательное учреждение среднего профессионального образования (СПО); учреждение дополнительного образования.

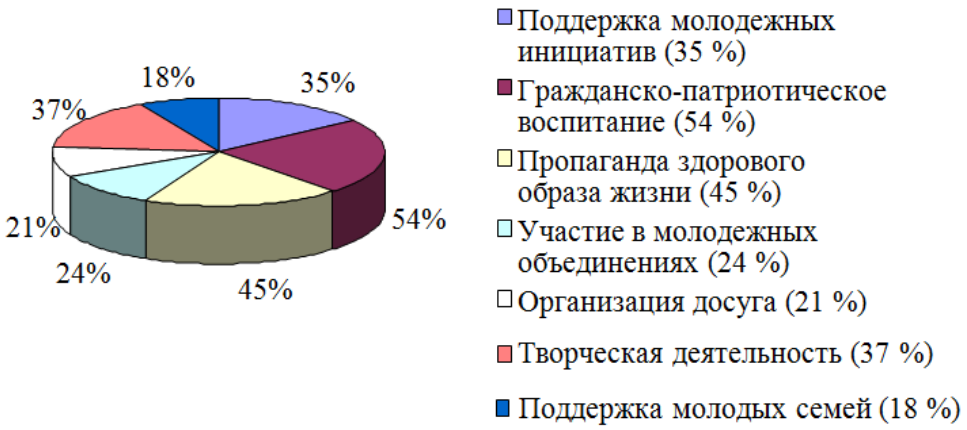

Рис. 1. ***Направления муниципальной молодежной политики, %***

Спектр мероприятий достаточно разнообразный. Приведем некоторые из них, классифицированные по следующим направлениям.

Поддержка талантливой молодежи, молодежных инициатив.

Для обеспечения всестороннего взаимодействия муниципальных органов власти с молодежными объединениями постановлением главы города создан общественный Совет молодежи при главе Лянтора. Состав Молодежного Совета разновозрастной, от 14 до 30 лет.

На протяжении десяти лет функционирует клуб «Моя семья», который объединил 25 молодых семей, принимающих активное участие в семейных мастер-классах по декоративно-прикладному творчеству, хореографии, театральному искусству, вокалу.

Популярным направлением деятельности для молодежи становится волонтерское движение. Стали регулярными конкурс волонтеров «Доброе сердце» и городской слет волонтеров «Сообщество открытых сердец». В качестве тренеров приглашают представителей волонтерского объединения Сургутского педагогического университета. По итогам слета чествуют лучших волонтеров города с вручением личных книжек волонтеров.

В городе Лянторе был создан технопарк на базе Центра детского творчества. Инвестиции в проект составили более 15 миллионов рублей. У учащихся образовательных учреждений появилась возможность освоения программ дополнительного образования. Кроме того, парк оснащен высокотехнологичным оборудованием для проведения учебных занятий, мастер-классов и «воркшопов», помогающим в освоении новых современных профессий.

Гражданско-патриотическое воспитание молодежи.

Бессмертный полк стал традиционным мероприятием в честь дня Победы**.** Участники шествия возлагают цветы к памятнику воинской Славы и мемориальным

доскам в память о погибших во время военных действий в Чеченской Республике жителях города Михаиле Засыпкине и Анатолии Кузнецове.

Голос памяти с целью развития творческого потенциала молодежи предполагает проведение конкурса гражданско-патриотической песни.

С целью популяризации военно-прикладных видов спорта, пропаганды здорового образа жизни среди образовательных учреждений города проводится мероприятие «Полоса препятствий».

Для повышения электоральной культуры молодежи в городе проводится игра «Выбор за нами», посвященная Дню молодого избирателя. Главная идея данного мероприятия заключается в предоставлении молодежи права на самовыражение, свободу выбора.

Особый интерес у обучающихся образовательных учреждений вызывает игра «Имею право?!», которая способствует повышению правовой культуры.

Лянтор по своему этническому составу является многонациональным, отсюда возникла идея о проведении молодежного фестиваля «Мы — вместе!», в ходе которого команды презентуют историю и культуру выбранной национальности.

Пропаганда здорового образа жизни, организация досуга молодежи.

Досуговая сфера представляет социокультурное пространство, в котором происходит зарождение молодежной субкультуры, молодежного движения. Именно здесь реализуются социальные инициативы, например такие:

— «Снежное многоборье» пропагандирует активный образ жизни, популяризирует значение массового спорта среди молодежи.

— Новинкой года стали соревнования по чирлидингу на базе КСК «Юбилейный».

— Туристический слет «Адреналин» пользуется большой популярностью среди работающей молодежи. Программа слета включает расширенную конкурсную программу: «Фрироуп», «Бивуаков», конкурс туристического блюда, конкурс туристической песни, создание фоторепортажа «Отдыхаем активно, коллективно!».

Развитие творческого потенциала молодых людей представлено конкурсами «Мисс Весна», «А ну-ка, парни», КВН; праздником «Татьянин день», фестивалем «Уличный драйв» и пр.

С целью выявления талантов среди работающей молодежи города и создания условий для реализации ее творческого потенциала в городе проводится фестиваль творчества работающей молодежи. Фестиваль помогает молодым людям раскрыть свои таланты в различных жанрах (вокал, хореография, КВН, эстрадные миниатюры, разговорный жанр, вокально-инструментальный ансамбль, целостная концертная программа).

Деятельность молодежных объединений.

При представительном органе муниципального образования Лянтора действует на постоянной основе Молодежный совет. Главной задачей этого органа является представление интересов молодежи, содействие в нормативном и правовом регулировании прав молодежи, выявление проблем при реализации муниципальной молодежной политики и разработка предложений органам местного самоуправления по их устранению.

Таким образом, муниципальная молодежная политика представляет собой сложную и динамичную систему, функционирование каждого ее элемента подчинено глав-

ной цели — созданию комфортных условий для развития личности, раскрытию индивидуальных наклонностей и способностей молодежи.

Муниципальная молодежная политика направлена на конструктивное использование потенциала молодежи в решении социальных проблем. В итоге достигнуто два существенных прорыва: во-первых, получен дополнительный импульс в социально-экономическом развитии города, во-вторых, молодежь обретает надежды, становясь активным участником в преобразовании и прогнозировании будущего города. Как показывает практика, достичь положительного эффекта проведением разовых мероприятий молодежной направленности без нацеленности на конкретный результат не получится. Освоение социального опыта молодежью — длительный и трудоемкий процесс.

Сегодня обществу нужна личность, обладающая прочными профессиональными знаниями, навыками конструктивного поиска решения задач, высоким уровнем креативного и аналитического мышления. Для достижения жизненного успеха необходимо качественное образование, что и подтверждается представленными ниже результатами (рис. 2).

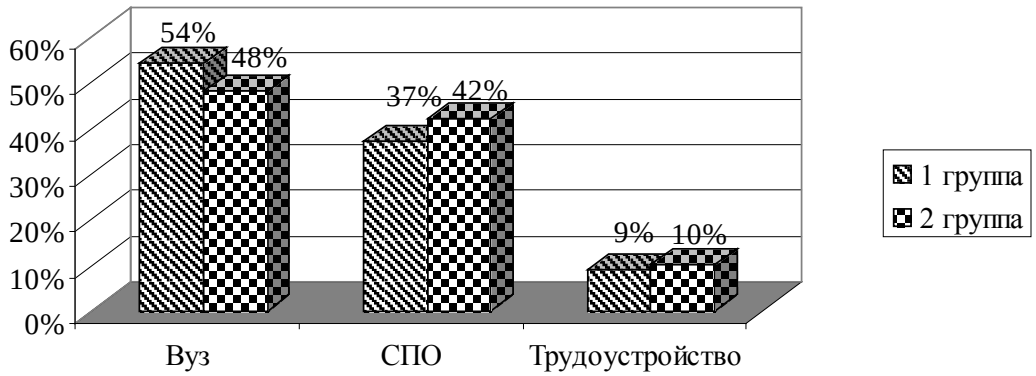

Рис. 2. ***Образовательные предпочтения лянторской молодежи, %***

Представленные на рисунке 2 данные говорят о многообразии образовательных предпочтений молодежи. Приоритетным остается получение высшего образования. Также увеличилась доля респондентов, выразившая желание продолжить обучение в учреждениях СПО, что способствует решению кадровой проблемы в регионе и одновременно порождает необходимость разработки механизмов взаимодействия бизнеса и системы профессионального образования.

В получении профессии молодые люди часто руководствуются личным расчетом. Как правило, субъективная ценность образования преломляется в оценке престижности получаемой профессии. В ходе исследования пятерку наиболее престижных профессий составили профессии экономиста (56,7/32,8), предпринимателя (34,3/47,2), инженера (41,0/52,6), IT-специалиста (40,0/42,1). Как правило, особенности социально-экономической сферы города накладывают отпечаток на профессиональный выбор молодежи. Нередко при выборе профессии респонденты руководствуются не содержанием труда, а вопросом материального обеспечения. Возможно поэтому не пользуются

популярностью у молодых лянторцев такие отрасли, как машиностроение (6,5/8,2), строительство (5,8/9,6), сельское хозяйство (1,8/2,1). Полученные результаты говорят о необходимости формировать содержание муниципальной молодежной политики с учетом потребностей молодых людей и существующей реальности.

Молодежь — это интеллектуальный ресурс города, который на правах равного партнера должен включаться в управленческий процесс с целью развития города. На рисунке 3 можно увидеть, как распределились ответы на вопрос «Можно ли считать молодежь созидательной общественной силой?».

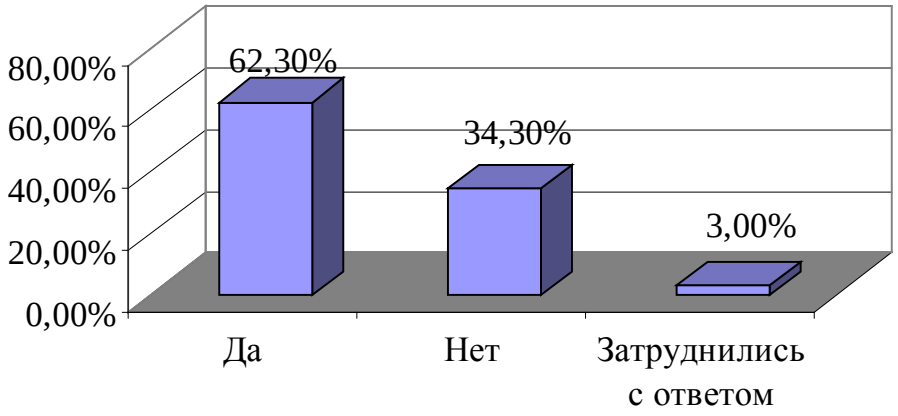

Рис. 3. ***Мнения респондентов о роли молодежи, %***

Рассматривая молодежную политику как кадровую политику будущего, органы власти предусматривают в качестве стратегической цели создание условий для развития потенциала молодежи, повышения ее конкурентоспособности, превращения ее в созидательную силу за счет проявления самостоятельности, ответственности и инициативности. В данном случае важно грамотно расставить приоритеты. Активное привлечение к управлению городом возможно через деятельность молодежи в общественных организациях, молодежных советах, что повышает объективность решения вопросов местного значения. Как правило, от позиции молодежи в общественной деятельности, ее уверенности в будущем и степени гражданской активности зависит темп продвижения территории по пути социально-экономических преобразований. Именно молодые люди могут и должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам.

При оценке привлекательности города для самореализации молодежи большинство респондентов считают его среднепривлекательным для личностного развития (45,4/48,3), треть респондентов (29,6/19,4) считают его привлекательным. Примерно четверть респондентов отметили его непривлекательность для развития личности (25,0/32,3). Примечательно, что восприятие города ухудшается с возрастом молодежи.

На вопрос «Проявляете ли Вы интерес к городским мероприятиям?» утвердительно ответили 73,4 % респондентов, отрицательно — 26,6 %, что положительно характеризует работу органов муниципальной власти в области реализации молодежной политики на уровне города.

На вопрос «Можно ли считать молодежную политику перспективным направлением в развитии города?» респонденты выразили полное единодушие, что свидетельствует о перспективе молодежной политики. В опросе респонденты также указывают на необходимость устранения существующих недостатков (рис. 4).

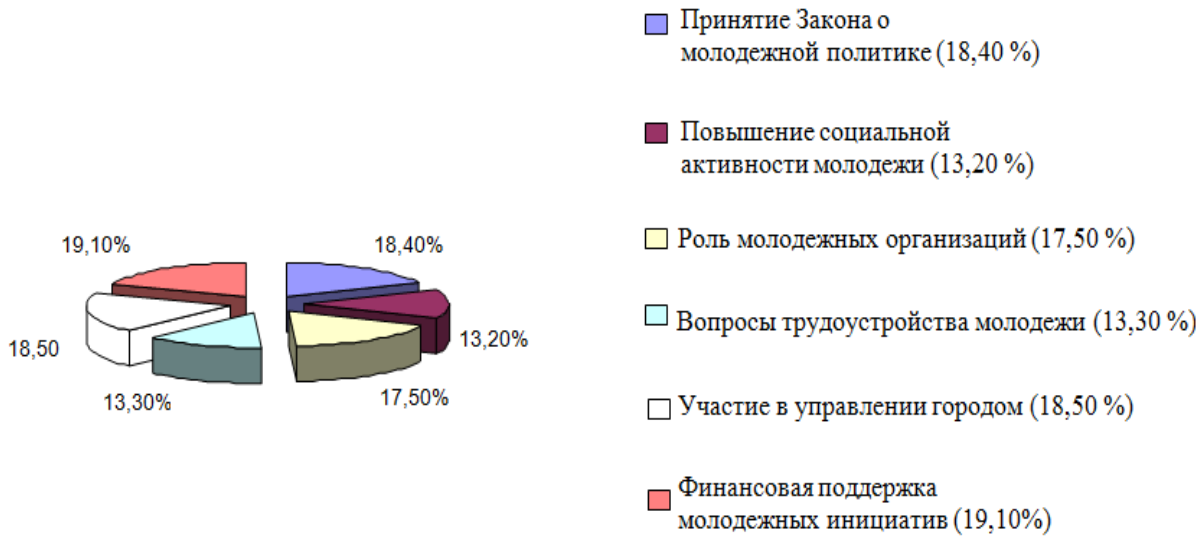

Рис. 4. ***Мнения респондентов о наличии проблем в сфере молодежной политики, %***

Важными компонентами социального самочувствия молодых людей являются материальное благополучие, удовлетворенность качеством жизни, возможность реализации жизненных планов. В связи с этим в ходе опроса был задан вопрос: «Удовлетворены ли Вы существующим уровнем жизни?». Результаты опроса представлены в таблице.

Мнения респондентов об удовлетворенности уровнем жизни, %

Вариант ответа	1 группа	2 группа
Удовлетворен	73,5	54,6
Не удовлетворен	11,4	19,7
Затруднился с ответом	10,1	15,2
Отказались ответить	5,0	10,5

Результаты опроса подтверждают позитивное мироощущение значительной части респондентов. Прежде всего, оказывают влияние возрастные особенности состава групп, поскольку многие еще находятся на иждивении родителей и не испытали сложностей самостоятельной жизни. Так, 73,5/54,6 респондентов удовлетворены уровнем жизни и уверены в перспективности будущего. Позитивный настрой молодых людей обусловлен их мобильностью и оптимистичностью. Следует отметить, что молодежь проще смотрит на происходящее, чем люди старшего поколения, поскольку юность — это время надежд.

Исследование было направлено на выявление наличия социальных проблем в молодежной среде. Наиболее распространены, по мнению респондентов, безработица (21,4/37,2), рост преступности (26,4/37,2), социальное расслоение населения (17,7/23,1), оплата труда (12,5/37,5), низкий уровень культуры (18,2/28,6), организация досуга (23,4/16,6), недостаточное привлечение к решению вопросов местного сообщества (20,4/34,3).

При ответе на вопрос «Нужна ли Вам помощь в решении социальных проблем?» большую активность проявили представители работающей молодежи: 43 % считают, что нужна, 31 % думают, что могут справиться сами. Со стороны городских властей актуальна помощь молодежи в решении вопросов трудоустройства (54,3 %), приобретения жилья (26,2 %), открытия собственного дела (19,5 %).

Кроме того, некоторую озабоченность вызвала слабая информированность молодежной аудитории о деятельности молодежных организаций. Так, 13,5/19,5 ничего не знают о деятельности подобных организаций, 11,9/21,5 владеют информацией об этих учреждениях, но не обладают конкретикой об их деятельности; 26,8/11,2 хотят участвовать в работе молодежных организаций, но не знают место расположения организаций; 10,2/5,4 не устраивает график работы студии, клуба, секции, плотный график собственной трудовой деятельности. Треть респондентов (37,6/42,4) указала на активность участия в молодежных объединениях. На основании полученных результатов можно сделать вывод о необходимости повышения роли молодежных организаций, поскольку участие в их деятельности формирует чувство единства, укрепляет взаимные контакты и развивает партнерские отношения.

Важное место в реализации молодежной политики в Лянторе отводится вопросу обеспечения кадрами принципиально нового типа с современным складом мышления, способностью к творчеству и саморазвитию. Как правило, кадровое обеспечение муниципальной молодежной политики осуществляется профессиональной деятельностью группы лиц в структуре региональных органов государственной исполнительной и законодательной власти, а так же органов местного самоуправления. Формирование эффективной системы кадрового обеспечения молодежной политики на уровне муниципалитета исходит, во-первых, из анализа кадрового потенциала сферы молодежной политики; во-вторых, из применения инновационных технологий отбора перспективных молодых людей для работы в органах по молодежной политике, в-третьих, через формирование системы непрерывного образования специалистов по работе с молодежью.

Специалист по работе с молодежью призван выступать и как идеолог, и как пропагандист основных гражданских ценностей и стратегий национального развития, которые сегодня реализует современное государство.

Выводы

Таким образом, молодежная политика — неотъемлемая часть государственной политики, она представляет собой многомерное и многоплановое явление. Множественность научных подходов, представленных в статье, еще больше подчеркивают ее сложность, что подтверждается вариативностью определений молодежной политики. Можно кон-

статировать, что под молодежной политикой понимается примерно один и тот же комплекс мер в рамках государственной политики. Вектор молодежной политики направлен на создание благоприятных условий для реализации и раскрытия потенциальных возможностей молодежи, ее интеграцию в общество, возможности удовлетворения потребностей при активной поддержке органов местного самоуправления и муниципальных органов власти. Именно объединение их ресурсов позволяет более эффективно и рационально решать молодежные проблемы, добиваться повышения вклада молодежи в социально-экономическое развитие территории. Привлечение молодежи к управлению территорией является очевидным трендом современной молодежной политики. Это связано в первую очередь с тем, что молодежь перестает рассматриваться исключительно как ресурс для будущего развития. Она понимается как важная составляющая существующего общества, которая может уже на этом этапе внести значительный вклад в его развитие.

Список источников

[1] Шарыгин, М. Д. Современные проблемы экономической и социальной географии : учебное пособие / М. Д. Шарыгин ; Федеральное агентство по образованию, Пермский государственный университет. – Пермь, 2008. – 426 с. – Текст : непосредственный.

[2] Балина, Т. А. Социально-экономическое районирование как инструмент изучения территориальной общности людей / Т. А. Балина, З. В. Пономарева. – Текст : непосредственный // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. – 2018. – Т. 1 – С. 23–30.

[3] Палкина, О. С. Город как социальное пространство / О. С. Палкина. – Текст : непосредственный // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : материалы X Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора З. И. Файнбурга, Пермь, ноябрь 2010 г. / Министерство образования и науки Российской Федерации, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный технический университет», Пермское отделение Российского общества социологов, Пермское отделение Российской академии социальных наук ; [редкол.: М. А. Слюсарянский (отв. ред.), Е. С. Шайдарова, Г. В. Разинский]. – Пермь : Издательство Пермского государственного технического университета, 2010. – С. 230–233.

[4] Войтенко, Е. И. Теоретические аспекты осуществления молодежной политики на территории муниципального образования / Е. И. Войтенко, К. Ю. Коновалова. – Текст : непосредственный // Научные Известия. – 2019. – № 17. – С. 31–39.

[5] Скробов, А. П. О некоторых новых подходах к молодежной политике в условиях реформ / А. П. Скробов – Текст : непосредственный // Социальная политика. – 2008. – С. 111–112.

[6] Кочетков, А. В. Анализ законов субъектов Российской Федерации в сфере государственной молодежной политики / А. В. Кочетков. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2009. – № 7. – С. 17–21.
[7] Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория / И. М. Ильинский. – Москва : Голос, 2001. – 692 с. – Текст : непосредственный.
[8] Мошняга, В. П. Молодежная политика зарубежных стран : опыт, проблемы и решения / В. П. Мошняга – Текст : непосредственный // Молодежная политика : международный опыт. – Москва, 1991. – С. 9–10.
[9] Гайдин, А. Ю. Региональная молодежная политика : социокультурные аспекты : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Гайдин Александр Юрьевич ; Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2002. – 158 с. – Текст : непосредственный.
[10] Раковская, О. А. Социальные ориентиры молодежи : тенденции, проблемы, перспективы / О. А. Раковская ; Российская АН, Институт народнохозяйственного прогнозирования. – Москва : Наука, 1993. – 188 с. – Текст : непосредственный.
[11] Родионов, И. Н. Государственная молодежная политика : сущность, этапы, основные тенденции / И. Н. Родионов. – Текст : непосредственный // Диалог. – 1998. – № 9. – С. 62.
[12] Nugent, R. Youth in a global world / R. Nugent. – Direct text // Population reference bureau. – 2005. – P. 8.
[13] Griffin, C. Representations of Youth : The Study of Youth and Adolescence in Britain and America / C. Griffin. – Cambridge : Polity Press, 1993. – P. 253. – Direct text.
[14] Loncle-Moriceau, P. Youth policies in France : old trends and new tendencies / P. Loncle-Moriceau. – DOI 10.1447/79283. – Direct text // Autonomie locali e servizi sociali. – 2014. – Issue 3. – P. 423–442.
[15] Ashing, I. Youth and youth policy – a Swedish perspective / I. Ashing. – Stockholm, 2010. – P. 6. – Direct text.
[16] How History, Ideology, and Structure Shape the Organizations that Shape Youth / J. Costello, M. Toles, J. Spielberger, J. Wynn. – DOI 10.1007/978-1-4615-1459-6_7. – Direct text // Trends in youth development : Visions, Realities and Challenges. – 2001. – Vol. 6. – P. 191–229.
[17] Wondratschek, K. Country sheet on youth policy in Germany / K. Wondratschek. – 2014. – URL: https://www.youthpolicy.org/wp-content/uploads/library/Germany_2014_Youth_Policy_Briefing.pdf – Text : electronic.
[18] Tard, F. Les Trente glorieuses, recherch politiques de la jeunesse d s esp rement / F. Tard. – Direct text // Territoires. – 1995. – P. 55–58.
[19] Christens, B. D. Interweaving Youth Development, Community Development, and Social Change Through Youth Organizing / B. D. Christens, T. Dolan. – DOI 10.1177/0044118X10383647. – Direct text // Youth & Society. – 2011. – Vol. 43, Issue 2. – P. 528–548.

[20] Head, B. W. Why not ask them? Mapping and promoting youth participation / B. W. Head. – DOI 10.1016/j.childyouth.2010.05.015. – Direct text // Children and Youth Services Review. – 2011. – Vol. 33, Issue 4. – P. 541–547.

References

[1] Sharygin, M. D. (2008). Sovremennye problemy ekonomicheskoy i sotsial'noy geografii. Permian, 426 p. (In Russian).
[2] Balina, T. A., & Ponomareva, Z. V. (2018). Social-economic district as an instrument of studying territorial community of people. Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy, 1, pp. 23-30. (In Russian).
[3] Palkina, O. S. (2010). Gorod kak sotsial'noe prostranstvo. Sovremennoe obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy: materialy X Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora Z. I. Faynburga, Permian, november 2010. Permian, Permskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet Publ., pp. 230-233. (In Russian).
[4] Voitenko, E. I., & Konovalova, K. Y. (2019). Theoretical aspects of the implementation of youth policy in the territory of the municipality. Scientific news, (17), pp. 31-39. (In Russian).
[5] Skrobov, A. P. (2008). O nekotorykh novykh podkhodakh k molodezhnoy politike v usloviyakh reform. Sotsial'naya politika, pp. 111-112. (In Russian).
[6] Kochetkov, A. V. (2009). The analyze of laws of the Russian Federation jurisdictions in the sphere of state youth policy. Zakon i pravo, (7), pp.17-21. (In Russian).
[7] Il'inskiy, I. M. (2001). Molodezh' i molodezhnaya politika. Filosofiya. Istoriya. Teoriya. Moscow, Golos Publ., 692 p. (In Russian).
[8] Moshnyaga, V. P. (1991). Molodezhnaya politika zarubezhnykh stran: opyt, problemy i resheniya. Molodezhnaya politika: mezhdunarodnyy opyt. Moscow, p. 9-10. (In Russian).
[9] Gaidin, A. Yu. (2002). Regional'naya molodezhnaya politika: sociokul'turnye aspekty. Diss. ... kand. sociolog. nauk. Saratov, 158 p. (In Russian).
[10] Rakovskaya, O. A. (1993). Sotsial'nye orientiry molodezhi: tendentsii, problemy, perspektivy. Moscow, Nauka Publ., 188 p. (In Russian).
[11] Rodionov, I. N. (1998). Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: sushchnost', etapy, osnovnye tendentsii. Dialog, (9), p. 62. (In Russian).
[12] Nugent, R. (2005). Youth in a global world. Population reference bureau, p. 8. (In English).
[13] Griffin, C. (1993). Representations of Youth: The Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge, Polity Press, 253 p. (In English).
[14] Loncle-Moriceau, P. (2014). Youth policies in France: old trends and new tendencies. Autonomielocali e servizisociali, (3), pp. 423-442. (In English). DOI: 10.1447/79283
[15] Ashing, I. (2010). Youth and youth policy – a Swedish perspective. Stockholm, p. 6. (In English).
[16] Costello, J., Toles, M., Spielberger, J., & Wynn, J. (2001). How History, Ideology, and Structure Shape the Organizations that Shape Youth. Trends in youth development: Visions, realities, and challenges, 6, pp.191-229. (In English). DOI: 10.1007/978-1-4615-1459-6_7

[17] Wondratschek, K. (2014). Country sheet on youth policy in Germany. (In English). Available at: https://www.youthpolicy.org/wp-content/uploads/library/Germany_2014_Youth_Policy_Briefing.pdf
[18] Tard, F. (1995). Les Trente glorieuses, recherch politiques de la jeunesse d s esp rement. Territoires, pp. 55-58. (In English).
[19] Christens, B. D., & Dolan, T. (2011). Interweaving Youth Development, Community Development, and Social Change Through Youth Organizing. Youth & Society, 43(2), pp. 528-548. (In English). DOI: 10.1177/0044118X10383647
[20] Head, B. W. (2011). Why not ask them? Mapping and promoting youth participation. Children and Youth Services Review, 33(4), pp. 541-547. (In English). DOI: 10.1016/j.childyouth.2010.05.015

Статья поступила в редакцию 20.10.2022; одобрена после рецензирования 01.11.2022; принята к публикации 14.11.2022.
The article was submitted 20.10.2022; approved after reviewing 01.11.2022; accepted for publication 14.11.2022.

УДК 352.071
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-104-117

Вовлечение граждан в стратегическое развитие малых территорий

Алена Анатольевна Попкова

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. В настоящее время активно институализируются механизмы привлечения граждан к развитию городской среды. На фоне принимаемых на федеральном уровне проектов и стандартов, обязательным условием, в которых является вовлечение населения в принятие решений, актуальным становится исследование документов по развитию самих территорий на предмет учета данных тенденций в практике муниципального управления. В исследовании, приведенном в данной статье, в качестве комплексных документов взяты стратегии социально-экономического развития малых территорий, контент-анализ которых позволил определить их ориентированность на требования современного стандарта вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды.

В выборку исследования попали 12 малых городов Уральского федерального округа. В результате проведенного анализа была определена проблематика вовлечения граждан в управление развитием малых территорий.

Ключевые слова: малые территории, развитие, стратегия, вовлечение граждан, сообщество

Для цитирования: Попкова, А. А. (2022). Вовлечение граждан в стратегическое развитие малых территорий / А. А. Попкова. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-104-117 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 104–117.

Citizen engagement in the system of strategic development of small territories

Alena A. Popkova

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. At present, mechanisms for citizen engagement in the development of the urban environment are being actively institutionalized. Against the background of projects and standards adopted at the federal level, in which the involvement of the population in decision-making is a prerequisite, it becomes relevant to study the development documents of the territories themselves in order to take into account these trends in the practice of municipal management. In the study, which is presented in this article, strategies for the socio-economic development of small territories are taken as complex documents, the content analysis of which made it possible to determine their orientation to the requirements of the modern standard for citizen engagement in solving issues of urban environment development.

The study sample included 12 small towns of the Ural Federal District. As a result of the analysis, the problems of citizen engagement in the management of the development of small territories were determined.

Keywords: small territories, development, strategy, citizen engagement, community

For citation: Popkova, A. A. (2022). Citizen engagement in the system of strategic development of small territories. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 104-117. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-104-117

Введение

В настоящее время гражданин как житель определенной территории является важным стратегическим ресурсом в ее развитии. Вовлечение населения становится не только практикой отдельного муниципалитета, а требованием, формируемым на федеральном уровне как определяющее условие его комплексного развития. Так, национальный проект Минстроя Российской Федерации «Жилье и городская среда» утверждает, что повышение и разделение ответственности за все те мероприятия, которые происходят в городе, определяют содержание и суть вовлечения граждан в управление [1]. Активизация развития участия населения в управлении в качестве ключевого показателя к 2024 году должна обеспечить рост доли жителей городов в возрасте старше 14 лет, принявших участие в решении вопросов развития городской среды до 30 %. Но, несмотря на установленные показатели, анализ практики форм участия населения в осуществлении местного самоуправления на территориях показывает, что активность местных сообществ развита слабо. Например, в 2020 году существенно сократилось количество проводимых местных референдумов (более чем в 5 раз), развитие территориального общественного самоуправления происходит не более чем в 30 % муниципалитетов [2]. Внедрение на законодательном уровне инициативных проектов как новой формы участия населения в решении вопросов местного значения не повлияло существенным образом на активизацию жителей и повышение их ответственности за процессы, происходящие на территории [3].

В этих условиях вопрос о создании методической базы, определяющей факторы и технологии вовлечения граждан в управление территорией, является достаточно актуальным. Для его решения в 2020 году был разработан и апробирован Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, который определил технологии работы органов местного самоуправления с различными субъектами территориального сообщества с целью повышения комфортности среды проживания [4]. Внедрение в практику деятельности данного Стандарта является стратегическим приоритетом работы муниципальной власти по достижению поставленных перед ними показателей вовлечения граждан в решение вопросов, связанных с развитием территорий.

Комплексное развитие муниципалитетов является важной стратегической задачей органов местного самоуправления, в которой существенная роль должна принадлежать населению. Ключевые приоритеты развития территорий в целом определяются в долгосрочной перспективе и заложены в Стратегиях социально-экономического развития муниципалитетов. Современные требования вовлечения жителей формируют необходимость консолидации усилий не только органов местного самоуправления, а всех субъектов местного сообщества в формировании и реализации приоритетов комплексного стратегического развития территорий. Соответственно анализ стратегических документов развития муниципальных образований на предмет наличия факторов и условий вовлечения граждан в процессы развития, обусловленные современными тен-

денциями, позволит определить готовность органов местного самоуправления к вовлечению ресурсов сообщества в стратегическом или тактическом контексте.

В малых территориях сообщество более локально, обладает более тесными связями, за счет чего активнее и оперативнее трансформируется под изменяющиеся условия [5]. Структурированность сообщества позволяет органам местного самоуправления эффективнее выстраивать коммуникации и формировать условия для вовлечения жителей в управление развитием муниципалитетов.

Материалы и методы

В настоящем исследовании были использованы общенаучные методы, такие как логико-формализованный и системный анализы, и социологический метод — контент-анализ.

В рамках исследования был проведен контент-анализ стратегий социально-экономического развития малых территорий Уральского федерального округа (городов и муниципальных районов с малыми городами в качестве административного центра) с численностью населения до 50 тыс. человек. В выборку вошли 12 из 77 малых городов, по 2 от субъектов РФ, входящих в состав УрФО (Курганская область — г. Куртамыш, г. Катайск [6; 7]; Тюменская область — г. Заводоуковск, г. Ялуторовск [8; 9], Свердловская область — г. Богданович, г. Невьянск [10; 11]; Челябинская область — г. Кыштым, г. Нязепетровск [12; 13], Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО) — г. Белоярский, г. Мегион [14; 15], Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) — г. Лабытнанги, г. Надым [16; 17]). Выбор двух городов обусловлен равностью представительства городов разных регионов в выборке, так как в Тюменской области малых городов два.

Цель контент-анализа — выявление наличия в стратегиях социально-экономического развития малых городов Уральского федерального округа содержательных характеристик вовлечения граждан в формирование комфортной городской среды, заложенных в федеральном Стандарте (табл. 1).

Таблица 1

Категории и единицы счета контент-анализа

Категории					
Городская среда	*Принципы*	*Участники*	*Ролевые позиции участников*	*Уровни вовлечения*	*Результаты*
- Устойчивость /устойчивое - Общественная территория/ пространство - Сообщество	- Вовлеченность - Организованность - Заинтересованность - Ответственность - Влияние	- Жители - Лидеры общественного мнения - НКО - ТОС - ТСЖ - СМИ - Объединения - Бизнес-сообщество - Предприниматели - Бюджетные организации - Эксперты - Центр компетенций	- Инициатор - Заказчик - Пользователь - Модератор - Оператор - Исполнитель	- Информирование - Консультирование - Соучастие - Сотрудничество - Наделение властью	- Сплоченность - Лояльность - Авторитетность - Имидж - Привлекательность - Социальная ответственность - Проект - Оптимизм - Участие - Конструктивность
Единицы счета					

При проведении исследования использовалось манифестное кодирование для подсчета частоты встречаемости единиц счета.

Результаты и обсуждения

Стратегии социально-экономического развития территории определяют факторы, ресурсы, участников, направления и планируемые результаты изменений, которые запланированы к долгосрочной реализации в конкретном муниципалитете. Жители, комфорт и качество их жизни априори должны быть ключевыми составляющими стратегического планирования. Оценку вовлеченности жителей в процесс стратегического планирования возможно провести через анализ стратегий малых территорий. Разработанный Стандарт вовлечения жителей в развитие городской среды основан на российских и международных практиках вовлечения сообщества в развитие городского пространства и позволяет выделить базовые характеристики, способствующие включению граждан в управление развитием территории. Проведенный анализ показал, что в основе стандарта заложены такие категории, отражающие вовлеченность населения, как городская среда, принципы управления, участники процесса формирования городской среды, их ролевые позиции в данном процессе, уровни вовлечения и результаты вовлечения. Соответственно, контент-анализ текстов стратегий социально-экономического развития малых городов был проведен на предмет выявления наличия данных категорий и степени их развития по выделенным единицам счета.

В качестве основы контент-анализа городской среды на предмет вовлеченности граждан были выделены такие единицы счета как «устойчивость/устойчивое развитие», «общественная территория/пространство/место» и «сообщество». Подсчет данных характеристик в текстах Стратегий социально-экономического развития исследуемых малых городов показал, что устойчивость как фактор развития городской среды и отдельных сфер развития территорий присутствует в 11 из 12 документов стратегического развития (рис. 1).

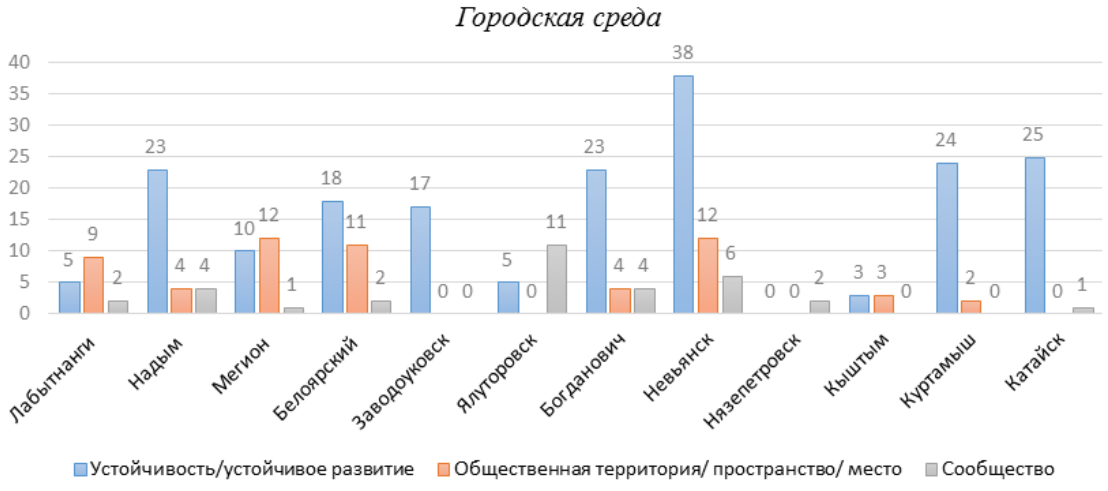

Рис.1. ***Результаты контент-анализа стратегий социально-экономического развития малых территорий по категории «городская среда»***

Из исследуемых единиц счета категории «городская среда» именно устойчивость является ее доминирующей характеристикой. Город как общественная территория, пространство, место, разделяемые жителями, представлен в 66,7 % Стратегий. Наиболее значимой данная характеристика является для развития малых территорий ЯНАО, ХМАО, Свердловской области. Сообщество как ресурс развития городской среды в документах стратегического планирования представлено очень слабо. Чаще всего проявляется включенность локальных сообществ в развитие малых территорий, таких как бизнес-сообщество, молодежные сообщества.

Соответственно, полученные данные свидетельствуют, что в стратегических документах развития территорий городская среда слабо определяется в качестве продукта совместной деятельности органов местного самоуправления и населения. Сообщество и «общественность» этой среды не являются основой ее формирования и развития в отличии от устойчивости.

Ориентация системы управления на вовлечение граждан в развитие территории проявляется через принципы ее организации. Категория «принципы» исследовалась через такие единицы счета, как «вовлеченность», «организованность», «заинтересованность», «ответственность» и «влияние». Контент-анализ стратегий показал, что выделенные принципы слабо, но присутствуют практически во всех выделенных городах. Наиболее ориентировано управление на вовлеченность жителей в таких городах, как Богданович (Свердловская область), Куртамыш (Курганская область), Надым и Лабытнанги (ЯНАО) (рис. 2).

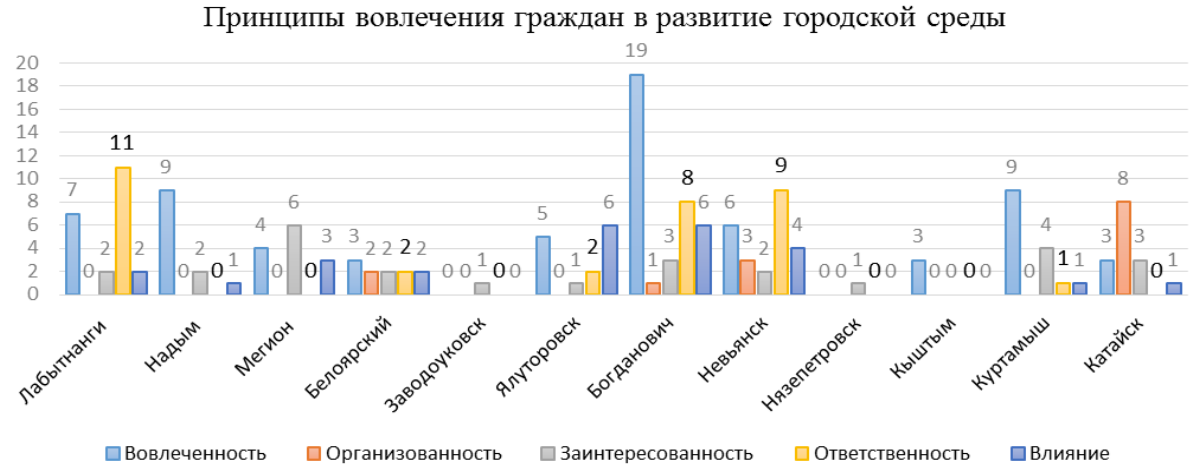

Рис. 2. ***Результаты контент-анализа стратегий социально-экономического развития малых территорий по категории «принципы»***

Дифференциация выделенных принципов показывает, что «вовлеченность» как основа управления развитием представлена в большей степени по отношению к другим смысловым единицам счета. Это свидетельствует о том, что вовлеченность является значимым фактором в стратегическом управлении развитием малых территорий. Однако, исходя из целевых ориентиров развития городской среды, представленных в феде-

ральных документах, вовлечение это не только способность принимать участие, но и повышение и разделение ответственности за принимаемые и реализуемые решения. Поэтому в категории «принципы» важно рассматривать результаты в сочетании различных единиц счета. Именно комплексное развитие системы принципов выявляется в нескольких исследуемых городах. Равномерность развития принципов «вовлеченность», «организованность», «заинтересованность», «ответственность» и «влияние» выделена в стратегических документах г. Белоярский (ХМАО). Присутствие всех выделенных принципов прослеживается в малых территориях Свердловской области (г. Невьянск и г. Богданович). Более того, именно в этих городах через «заинтересованность» и «организованность» отмечается высокая степень развития ответственности при вовлечении жителей и их влияния на управление развитием городской среды. Слабая развитость исследуемых в контент-анализе принципов отражается в малых территориях Челябинской и Тюменской областей. Данная тенденция совпадает с результатами исследования общественного характера городской среды, представленными на рисунке 1.

Вовлечение граждан осуществляется через организованные и неорганизованные формы. Поэтому в качестве участников процессов развития малых территорий выступают как сами жители, лидеры общественных мнений, так и их объединения, территориальное общественное самоуправление (ТОС), товарищество собственников жилья (ТСЖ), некоммерческие организации (НКО), профессиональные сообщества, значимые для города (бизнес, предприниматели, эксперты) и инфраструктурные субъекты — бюджетные организации, средства массовой информации (СМИ), центры компетенций (табл. 2).

Таблица 2

Результаты контент-анализа стратегий социально-экономического развития малых территорий по категории «участники»

Единица счета/Территория	Лабытнанги	Надым	Мегион	Белоярский	Заводоуковск	Ялуторовск	Богданович	Невьянск	Нязепетровск	Кыштым	Куртамыш	Катайск
Жители	29	15	6	20	31	9	3	6	–	10	–	3
Лидеры общественного мнения	3	1	2	1	3	1	3	3	–	–	–	–
НКО	1	13	35	5	1	1	8	8	1	3	2	4
ТОС	–	1	13	–	–	5	–	1	–	–	–	–
ТСЖ	–	–	2	–	–	3	–	9	–	–	–	–
СМИ	3	1	3	–	–	5	7	19	1	–	–	2
Объединения	1	5	11	4	1	5	24	28	3	4	7	4
Бизнес–сообщества	3	2	1	1	1	–	2	1	–	–	–	–
Предприниматели	9	1	5	7	2	5	3	1	–	1	1	4
Бюджетные организации	–	–	9	–	–	–	4	9	1	–	–	2
Эксперты	1	–	2	1	–	1	5	4	2	–	–	–
Центр компетенций	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–

Результаты проведенного контент-анализа показывают, что в качестве ключевых участников процесса развития малых территорий выделяются жители (10 из 12 исследуемых городов), некоммерческие организации (упоминаются во всех исследуемых документах) и объединения жителей по различному признаку — профессиональные объединения, объединения ветеранов, молодежные объединения и др. В 2/3 городов в сообществе существуют лидеры общественного мнения, они выступают в качестве субъекта развития территории. Наиболее активно жители рассматриваются в качестве субъекта, объекта, цели, участника социально-экономического развития таких малых городов, как Заводоуковск (Тюменская обл.), Лабытнанги и Надым (ЯНАО), Белоярский (ХМАО). В стратегиях социально-экономического развития малых городов Курганской области жители практически не рассматриваются в качестве участников процесса развития городской среды. В городах Невьянск и Богданович Свердловской области большая доля участников развития городской среды приходится именно на объединения граждан, некоммерческие организации и средства массовой информации. Территориальное общественное самоуправления является важным субъектом стратегического развития в Мегионе (ХМАО) и Ялуторовске (Тюменская обл.).

Важным участником развития территории выступают местные предприниматели. Именно данная единица счета выделена в 11 из 12 Стратегий. Это объясняется тем фактом, что на малых территориях предприниматели выступают в качестве базового субъекта экономического развития, и их роль в развитии городской среды является одной из определяющих.

На малых территориях слабо выражены профессионализация и включенность экспертного сообщества в развитие городской среды. Этот факт подтверждается результатами исследования. Упоминания экспертов в качестве участников определения и реализации целей социально-экономического развития территории представлено единично или не представлено совсем в 3 и 5 исследуемых городах соответственно. Системная же работа по включению экспертов в вопросы развития городской среды выделяется в городах Свердловской области, что свидетельствует о наличии заинтересованности в профессиональном подходе к развитию территории.

Ролевые позиции вовлекаемых в развитие городской среды участников в исследуемых стратегических документах сформировались по-разному. Исследуемые роли не часто встречались в анализируемых материалах (рис. 3). Так, в качестве базовой роли «пользователь» участники развития городской среды выступают в городах Надым (ЯНАО), Ялуторовск (Тюменская обл.), Богданович (Свердловская обл.), Нязепетровск (Челябинская обл.), только «исполнитель» в Катайске (Курганская обл.), в роли «пользователь» и «исполнитель» в городе Лабытнанги (ЯНАО). Возможность выступать инициаторами есть у участников развития территории в городах Мегион и Белоярский (ХМАО), Куртамыш (Курганская обл.) и Невьянск (Челябинская обл.). Модерация участниками процесса развития территории выделяется в качестве возможности в Мегионе (ХМАО). Предусмотренных Стандартом вовлечения ролей «заказчик» и «оператор» в действующих документах стратегического развития территории не выделяется. Это свидетельствует о том, что на сегодняшний день в процессе стратегического управления малыми городами сообщество, бизнес и эксперты не выступают в качестве

определяющих субъектов стратегических изменений, которые могут заказывать данные изменения и являться операторами процесса развития городской среды. Возможно, это определено неразвитостью данных ролей у исследуемых субъектов в практике управления территорией в целом и городской средой в частности.

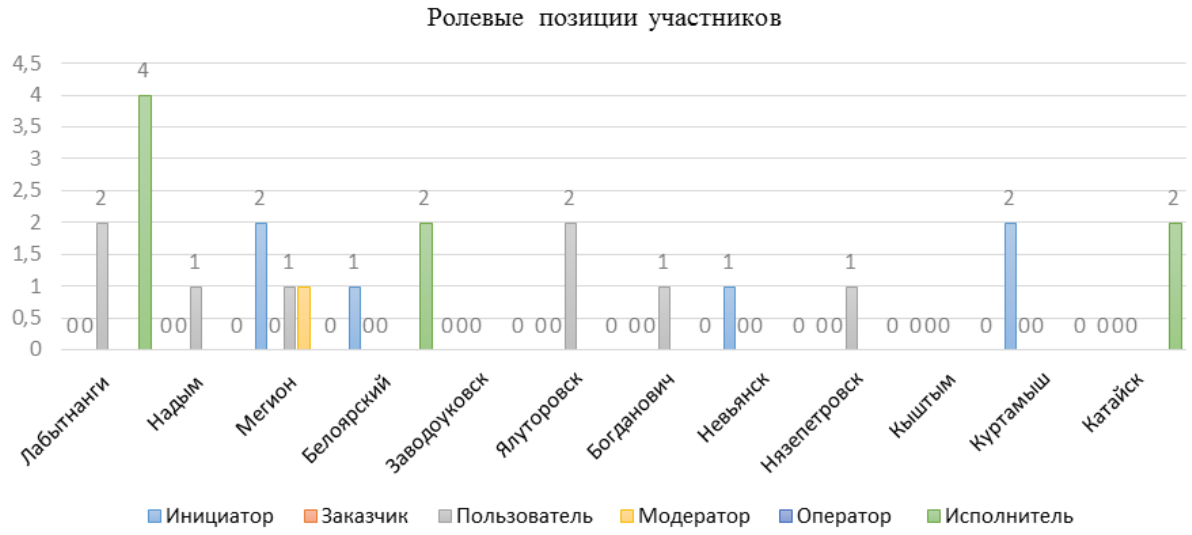

Рис. 3. ***Результаты контент-анализа стратегий социально-экономического развития малых территорий по категории «ролевые позиции участников»***

Исходя из полученных эмпирических данных, граждане как объекты организованного или неорганизованного вовлечения в развитие территории в стратегических документах рассматриваются в качестве исполнителей решений, принимаемых органами власти или пользователями услуг и сервисов. Данные ролевые ориентиры подтверждаются и выделенными в ходе анализа уровнями вовлечения (рис. 4).

Из предложенных в Стандарте вовлечения граждан уровней (информирование, консультирование, соучастие, сотрудничество и наделение властью) в документах стратегического планирования выделяются только информирование, консультирование и сотрудничество. Это свидетельствует о том, что на сегодняшний день граждане и локальные сообщества не рассматриваются как самостоятельный субъект развития, способный взять на себя ответственность и часть полномочий по развитию городской среды. Чаще всего они выступают в качестве участника обсуждений готовых и разработанных проектов и практически не включены в процессы разработки и реализации решений по развитию городской среды. Сотрудничество как уровень вовлечения, предполагающий совместную с гражданами работу над разработкой и реализацией проекта, при которой гражданам передается часть функций или полномочий разработчика или инициатора проекта, присутствует в текстах исследуемых стратегий, что свидетельствует о том, что предпосылки и условия для изменения уровней вовлечения в сторону активной роли жителей сформированы, и ситуация будет изменяться в направлении вовлечения граждан и передачи им части функций по выполнению решений в сфере раз-

вития городской среды в исследуемых городах. Наибольший акцент на информирование граждан сделан в Стратегиях социально-экономического развития таких городов, как Мегион, Невьянск, Богданович и Катайск. Развитие сотрудничества рассматривается в качестве основы взаимодействия по развитию городской среды также в Мегионе и Невьянске. Куртамыш и Катайск определяют консультирование самым значимым уровнем вовлечения.

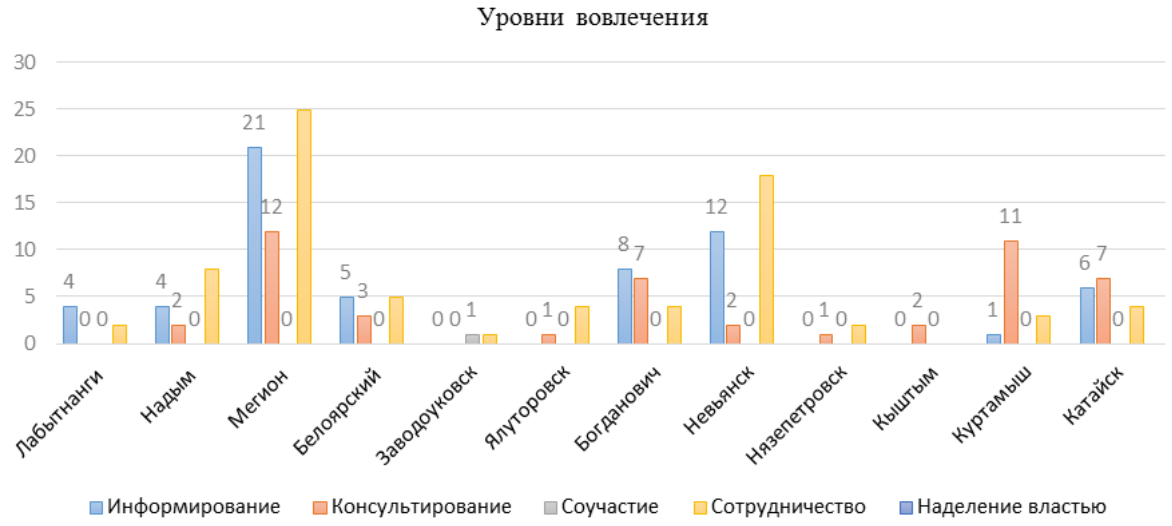

Рис. 4. ***Результаты контент-анализа стратегий социально-экономического развития малых территорий по категории «уровни вовлечения»***

Неразвитость в настоящее время в системе стратегического планирования таких уровней, как «соучастие» и «наделения властью», опосредованно вызвано не столько нежеланием органов местного самоуправления взаимодействовать с жителями, сколько еще нежеланием и неспособностью жителей брать на себя ответственность за управление городской средой на малых территориях.

Это прослеживается и в результатах, сформированных в Стратегиях социально-экономического развития исследуемых малых территорий (рис. 5). На сегодняшний день результативность вовлечения граждан, прописанная в Стандарте, включает в себя «сплоченность», «лояльность», «авторитетность», «оптимизм», «конструктивность», «социальную ответственность» в качестве одних из базовых характеристик развития городской среды. Однако, как показывает проведенный анализ, наличие подобных смысловых единиц практически отсутствует во всех стратегических документах по развитию малых территорий. Основной акцент смещен на формирование таких результатов, которые представлены в Стандарте вовлечения, как привлекательность территории, проектирование, имидж и участие. Данные факты свидетельствуют об отсутствии комплексного подхода к стратегическому развитию малых территорий, позволяющему на системной основе вовлекать в данный процесс граждан в качестве ресурса управления. Наибольший акцент на участие и имиджевую составляющую сделан в таких исследуемых городах, как Мегион, Невьянск. Проектирование и проект в качестве ре-

зультата вовлечение граждан выявлен в стратегиях социально-экономического развития Кыштыма и Катайска.

	Лабытнанги	Надым	Мегион	Белоярский	Заводоуковск	Ялуторовск	Богданович	Невьянск	Нязепетровск	Кыштым	Куртамыш	Катайск
Сплоченность	0	1	0	0	0	0	1	2	0	0	0	0
Лояльность	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Авторитетность	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0
Имидж	17	0	12	10	0	4	4	12	0	0	1	2
Привлекательность	14	4	37	5	4	27	20	21	4	5	10	14
Социальная ответственность	1	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0
Проект/проектирование	1	5	28	20	12	12	5	25	7	47	12	33
Оптимизм	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Участие	8	2	74	7	3	8	42	48	0	0	11	25
Конструктивность	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Рис. 5. ***Результаты контент-анализа стратегий социально-экономического развития малых территорий по категории «результаты»***

Выводы

В ходе проведенного эмпирического исследования методом контент-анализа стратегий развития малых территорий на предмет развития категорий, заложенных в Стандарте вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды, было определено следующее:

1. Принятый Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды обозначил необходимость включения жителей в процесс развития и систематизировал через призму вовлечения основные составляющие городской среды, принципы управления, участников решения вопросов развития городской среды и их роли, а также уровни и результаты данного процесса. Именно они были заложены в основу единиц счета проведенного анализа документов стратегического планирования исследуемых малых территорий, в результате которого была выявлена недостаточность развитости условий для реализации Стандарта.

2. В качестве ключевой характеристики развития малых территорий в исследуемых стратегиях выделена устойчивость процесса развития. Развитие общественных территорий и сообщества не прослеживается в качестве приоритетов, хотя именно данные категории являются базовыми в Стандарте вовлечения.

3. Вовлеченность является одним из самых выделяемых принципов управления развитием территории, но практически отсутствуют такие принципы, как организованность, заинтересованность и влияние. Это свидетельствует о неразвитости востребованных организационных механизмов в системе управления развитием территории, которые дают возможность влиять на развитие городской среды.

4. Жители, общественные организации и объединения в стратегических документах рассматриваются как потенциальные субъекты изменений на малых территориях, но чаще всего им отводится роль исполнителя принятых уже проектов и решений или потребителя результатов управленческой деятельности городских властей, что ограничивает их значение в сотрудничестве при разработке и реализации проектов по развитию городской среды.

5. Основными уровнями вовлечения граждан в развитие территории, закрепленными в стратегических документах, являются информирование и консультирование, что также не способствует развитию активной роли жителя как полноценного участника при сотрудничестве с органами местного самоуправления по вопросам развития городской среды.

6. В ходе реализации утвержденных стратегических документов городская среда формируется как привлекательная, имеющая сформированный имидж, в развитии которой участвуют разные элементы сообщества, но это участие не носит характер конструктивной работы сплоченного социально ответственного сообщества, лояльно относящегося к органам власти, пользующегося авторитетом среди населения и развивающего оптимистичный сценарий развития территории.

В целом проведенное исследование показало, что предпринятые шаги на федеральном уровне по вовлечению граждан в развитие территорий требуют осмысления и системной переработки механизмов стратегического развития с целью вовлечения населения в качестве инициативного субъекта, способного взять на себя ответственность за реализацию совместных с органами власти решений.

Список источников

[1] Паспорт национального проекта «Жилье и городская среда». – URL: http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf (дата обращения: 28.06.2022). – Текст : электронный.

[2] Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 год. – URL: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202111.docx (дата обращения: 30.06.2022). – Текст : электронный.

[3] Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) : [принят Государственной думой 16 сентября 2003 года : одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 года]. – Москва, 2003. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/037e0763307d06d4ef602c8e96101a10fe48280e/ – Текст : электронный.

[4] Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды. – Москва, 2020. – URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/34/32ed4e-eeed-4aec-aa35-dc90f830eae3/Стандарт_гражданского_участия.pdf (дата обращения: 30.06.2022). – Текст : электронный.

[5] Попкова, А. А. Взаимодействие органов местного самоуправления и населения в системе проектных инициатив по управлению развитием малых территорий / А. А. Попкова, Д. А. Пезин. – DOI 10.31660/1993-1824-2021-4-68-81. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2021. – № 4. – С. 68–81.

[6] Стратегия социально-экономического развития Куртамышского района до 2030 года. – URL: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/municipal/strat/2018/11.pdf (дата обращения: 03.09.2022). – Текст : электронный.

[7] Стратегия социально-экономического развития Катайского района до 2030 года. – Катайск, 2017. – URL: https://katayskraion.ru/attachments/article/1566/стр.%201-50.pdf (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

[8] Стратегия социально-экономического развития Заводоуковского городского округа до 2020 года и на перспективу до 2030 года. – Заводоуковск, 2010. – URL: https://zavodoukovsk.admtyumen.ru/mo/Zavodoukovsk/economics/target_programm/strotegi.htm/ (дата обращения: 02.09.2022). – Текст : электронный.

[9] Стратегия социально-экономического развития города Ялуторовска на период до 2020 года. – Ялуторовск, 2009. – URL: https://admtyumen.ru/ogv_ru/about/cities/yalutorovsk_/more.htm?id=11214649@cmsArticle/ (дата обращения: 02.09.2022). – Текст : электронный.

[10] Стратегия социально-экономического развития городского округа Богданович до 2035 года. – URL: https://www.gobogdanovich.ru/index.php/city-district/economics/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie/ (дата обращения: 05.09.2022). – Текст : электронный.

[11] Стратегия социально-экономического развития Невьянского городского округа на период до 2035 года. – URL: http://nevyansk66.ru/economy/razrabotka-strategii-2030/ (дата обращения: 31.08.2022). – Текст : электронный.

[12] Стратегия социально-экономического развития Кыштымского городского округа за период до 2035 года. – URL: https://adminkgo.ru/kyshtym/zakon/index.php?ELEMENT_ID=18413 (дата обращения: 03.09.2022). – Текст : электронный.

[13] Стратегия социально-экономического развития Нязепетровского муниципального района на период до 2030 года. – URL: https://old.nzpr.ru/uploads/files/strategiya2030.docx (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.

[14] Стратегия социально-экономического развития Белоярского района до 2030 года. – URL: http://www.admbel.ru/investnew/politic/strategy.php/ (дата обращения: 31.08.2022). – Текст : электронный.
[15] Стратегия социально-экономического развития городского округа город Мегион на период до 2035 года. – Мегион, 2014. – URL: https://dumamegion.ru/laws/resheniya/detail.php?ID=4444 (дата обращения: 01.09.2022). – Текст : электронный.
[16] Стратегия социально-экономического развития г. Лабытнанги до 2030 года. – Лабытнанги, 2014. – URL: https://lbt.yanao.ru/activity/558/ (дата обращения: 02.09.2022). – Текст : электронный.
[17] Стратегия социально-экономического развития муниципального образования Надымский район до 2030 года. – URL: https://nadym.yanao.ru/activity/11468/ (дата обращения: 13.09.2022). – Текст : электронный.

References

[1] Pasport natsional'nogo proekta "Zhil'e i gorodskaya sreda". (In Russian). Available at: http://static.government.ru/media/files/i3AT3wjDNyEgFywnDrcrnK7Az55RyRuk.pdf
[2] Doklad o rezul'tatakh ezhegodnogo monitoringa organizatsii i razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii za 2020 god. (In Russian). Available at: https://minjust.gov.ru/uploaded/files/monitoring-msu-202111.docx
[3] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon № 131-FZ. (In Russian). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_44571/037e0763307d06d4ef602c8e96101a10fe48280e/
[4] Standart vovlecheniya grazhdan v reshenie voprosov razvitiya gorodskoy sredy. (In Russian). Available at: https://100gorodov.ru/attachments/1/34/32ed4e-eeed-4aec-aa35-dc90f830eae3/Стандарт_гражданского_участия.pdf
[5] Popkova, A. A., & Pezin, D. A. (2021). Interaction of local self-government bodies and population in the system of project initiatives to manage the development of small territories. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 68-81. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2021-4-68-81
[6] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kurtamyshskogo rayona do 2030 goda. (In Russian). Available at: http://www.economic.kurganobl.ru/assets/files/municipal/strat/2018/11.pdf
[7] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Katayskogo rayona do 2030 goda. (In Russian). Available at: https://katayskraion.ru/attachments/article/1566/str.%201-50.pdf
[8] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Zavodoukovskogo gorodskogo okruga do 2020 goda i na perspektivu do 2030 goda. (In Russian). Available at: https://zavodoukovsk.admtyumen.ru/mo/Zavodoukovsk/economics/target_programm/strotegi.htm/

[9] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Yalutorovska na period do 2020 goda. (In Russian). Available at: https://admtyumen.ru/ogv_ru/about/cities/yalutorovsk_/more.htm?id=11214649@cmsArticle/
[10] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gorodskogo okruga Bogdanovich do 2035 goda. (In Russian). Available at: https://www.gobogdanovich.ru/index.php/city-district/economics/sotsialno-ekonomicheskoe-razvitie/
[11] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Nev'yanskogo gorodskogo okruga na period do 2035 goda. (In Russian). Available at: http://nevyansk66.ru/economy/ razrabotka-strategii-2030/
[12] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Kyshtymskogo gorodskogo okruga za period do 2035 goda. (In Russian). Available at: https://adminkgo.ru/kyshtym/ zakon/index.php?ELEMENT_ID=18413
[13] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Nyazepetrovskogo munitsipal'nogo rayona na period do 2030 goda. (In Russian). Available at: https://old.nzpr.ru /uploads/files/strategiya2030.docx
[14] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Beloyarskogo rayona do 2030 goda. (In Russian). Available at: http://www.admbel.ru/investnew/politic/strategy.php/
[15] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gorodskogo okruga gorod Megion na period do 2035 goda. (In Russian). Available at: https://dumamegion.ru/laws/resheniya/detail.php?ID=4444
[16] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya g. Labytnangi do 2030 goda. (In Russian). Available at: https://lbt.yanao.ru/activity/558/
[17] Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nogo obrazovaniya Nadymskiy rayon do 2030 goda. (In Russian). Available at: https://nadym.yanao.ru/activity/11468/

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.
The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

УДК 316.3
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-118-131

Особенности работы со старшим поколением в сфере туризма и гостеприимства: региональный аспект

Лидия Васильевна Ребышева[1], Елизавета Анатольевна Горева[2]

[1]*Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*
[2]*Кафедра техносферной безопасности, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия*

Аннотация. В современных условиях развития туризма и гостеприимства национальный характер обслуживания гостей в Российской Федерации оказывает существенное влияние на формирование образа местного гостеприимства, уровня российского сервиса и в итоге имиджа страны в целом. Современное общество редко рассматривает старшее поколение как активный ресурс в силу имеющихся у них возрастных особенностей, которые могут влиять на профессиональную деятельность. Однако важным критерием цивилизованного общества считается отношение государства к гражданам старшего возраста, пенсионерам и условиям, в которых они проживают. Стремительно развивающаяся гостиничная индустрия России с каждым годом играет все большую роль в экономике страны. Однако существующие проблемы российского гостиничного бизнеса препятствуют достижению мирового уровня. Все это требует разработки нового подхода во взаимоотношениях, навыков общения, умений принимать себя и других, что является актуальным для исследований социологов.

Ключевые слова: волонтерство, старшее поколение, социальная активность

Для цитирования: Ребышева, Л. В. Особенности работы со старшим поколением в сфере туризма и гостеприимства: региональный аспект / Л. В. Ребышева, Е. А. Горева. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-118-131 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 118–131.

Features of working with the older generation in the field of tourism and hospitality: a regional aspect

Lidia V. Rebysheva[1], Elizaveta A. Goreva[2]

[1]*Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*
[2]*Department of Technosphere Safety, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. In modern conditions of tourism and hospitality, the national nature of guests service in the Russian Federation has a significant impact on the formation of the image of local hospitality, the level of Russian service and, as a result, the image of the country. Modern society rarely considers the older generation as an active resource due to their age characteristics that can affect professional activities. However, an important criterion of a civilized society is the attitude of the state to older citizens, pensioners and their living conditions. The rapidly developing hotel industry of Russia every year plays an increasing role in the country's economy. However, the existing problems of the Russian hotel business impede the achievement of the world level. All of this requires the development of a new approach in relationships, communication skills, and skills to accept yourself and others, which is relevant for research of sociologists.

Keywords: volunteering, older generation, social activity

For citation: Rebysheva, L. V., & Goreva, E. A. (2022). Features of working with the older generation in the field of tourism and hospitality: a regional aspect. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 118-131. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-118-131

Введение

Одним из направлений экономической реформы в России является индустрия гостеприимства и туризма, которая, объединяя различные отрасли экономики, специализирующиеся на обслуживании туристов, развивается в последнее время достаточно динамично и показывает хорошие результаты. В структуре экономики развитых стран туризм является одной из высокодоходных отраслей, начиная с 1998 года, согласно данным Всемирной туристской организации (ВТО) и Международного валютного фонда.

Можно сказать, что индустрия гостеприимства и туризма пока не имеет активного и значительного влияния на экономику Российской Федерации. Однако после пандемии современное состояние туристической отрасли в регионе характеризуется снижением качественных показателей обслуживания населения в данном направлении, преимущественно в части социального туризма и формирования туристских потоков, особенно пенсионеров. То есть сфера туризма играет не только огромную экономическую роль, но и социальную.

Прошедшая пенсионная реформа, изменение пенсионного законодательства не только заставили посмотреть на «старшее поколение» с точки зрения потребителей туристских и гостиничных услуг, но и потенциальных работников данной сферы. В данном случае важным является то, что люди предпенсионного и пенсионного возрастов имеют достаточно знаний и большой профессиональный опыт в различных отраслях деятельности, которые можно использовать в гостеприимстве. Это позволит не только увеличить число работающих пенсионеров, нивелировать безработицу в предпенсионном возрасте, но и говорить об активном долголетии и повышении благосостояния данной группы граждан нашей страны.

Материалы и методы

Понятие «гостеприимство» в историческом плане соответствует периодам развития человеческого общества. Так, Д. Норт определяет гостеприимство как гармоничное сочетание производства услуг, комфортной среды отдыха и ответственного поведения обслуживающего персонала в целях удовлетворения потребностей гостей при гарантии их безопасности, физического и психологического комфорта [1].

Гостеприимство «…как вид экономической деятельности, результатом которой является производство особого «продукта», включающего материальные и нематериальные услуги» рассматривает Р. А. Браймер [2].

Более широко и развернуто рассматривает гостеприимство Уокер Дж. Р. — «…как одно из фундаментальных понятий человеческой цивилизации — которое уже давно превратилось в индустрию, в которой заняты многие миллионы профессионалов.

Индустрия гостеприимства объединяет туризм, гостиничный и ресторанный бизнес, общественное питание, отдых и развлечения, организацию конференций и совещаний» [3].

Российский ученый С. С. Скобкин считает, что «… индустрия гостеприимства выступает как самостоятельная, сложная и относительно обособленная социально-экономическая система, привлекающая значительные материальные, финансовые и трудовые ресурсы» [4].

Индустрию гостеприимства также рассматривает М. М. Романова, отмечая данную сферу « …как особую сферу предпринимательской деятельности, отличающуюся интегрированным характером экономических отношений взаимодействия и взаимной зависимостью субъектов производственных и непроизводственных отраслей, предоставляющих универсальный продукт (набор услуг, разнообразные виды работ, разнопрофильные товары)» [5].

Коллектив авторов Д. И. Елканова, Д. А. Осипов, В. В. Романов, Е. В. Сорокина, цитируя Дж. Р. Уокера и дополняя понятие «индустрии гостеприимства», считают, что это «… различные сферы деятельности людей — туризм, отдых, развлечения, гостиничный и ресторанный бизнес, общественное питание, экскурсионная деятельность, организация выставок и проведение различных научных конференций». Таким образом, можно сказать, что индустрия гостеприимства — это комплексная сфера деятельности различных категорий работников, деятельность которых направлена на удовлетворение любых запросов и желаний гостей [6].

Юридической основой гостеприимства и туристской деятельности считается Федеральный закон № 343-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» в редакции от 02.07.2021 г., в котором « …определены основные принципы государственной политики, направленной на установление правовых основ единого туристского рынка в Российской Федерации» и обозначено, что «… туристские ресурсы — это природные, исторические, социально-культурные объекты, включающие объекты туристского показа, а также иные объекты, способные удовлетворить духовные и иные потребности туристов, содействовать поддержанию их жизнедеятельности, восстановлению и развитию их физических сил» [7].

Современные условия развития гостиничного бизнеса отличают качественные изменения, происходящие в индустрии гостеприимства и туризма в связи с проведенной пенсионной реформой, изменившейся демографической ситуацией в стране, направленной на увеличение пожилого возраста. Это означает то, что пожилые люди не только любят и могут путешествовать, но и способны занять определенную нишу в трудоустройстве данной отрасли, работая экскурсоводами, гидами, сотрудниками гостиничных комплексов, то есть могут быть задействованы в полной мере и выполнять различные виды работ.

Таким образом, в современных условиях рыночной экономики актуальным становится развитие туристских направлений деятельности для возрастной категории граждан не только для потребления туристских продуктов, но и увеличения социально-экономической активности и платежеспособности, а также роста мотивации увеличения продолжительности активной жизни.

Понятие «активное долголетие» было впервые сформулировано в 2002 году в Рамочной стратегии активного долголетия Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) как «процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения» [8].

Вторая Всемирная ассамблея по проблемам старения приняла Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года и в итоговом докладе впервые представила основные принципы активного долголетия, двуединую цель политики активного долголетия, которая заключается в обеспечении условий для продолжения продуктивной и независимой жизни всеми гражданами и основные направления, которые указывают на развитие и реализацию потенциала человека, в основе которого лежит увеличение продолжительности жизни [9].

В соответствии с рамочной стратегией ВОЗ были определены основные векторы качественного продления периода активного долголетия, которые предполагают одновременную реализацию таких мероприятий.

1. «Здоровье, то есть увеличение продолжительности здоровой жизни, прежде всего обеспечение доступа к медицинским и социальным услугам для всех нуждающихся в заботе и уходе.
2. Участие, которое содействует полноценному участию граждан старшего поколения в социально-экономической, культурной и духовной деятельности в соответствии с основными правами человека, способностями и предпочтениями.
3. Защищенность по мере старения, что обеспечивает права человека и потребности людей в социальной, финансовой и физической сферах, включая гарантии защиты, сохранения достоинства и заботы для тех, кто больше не может поддерживать и защищать сам себя» [10].

Таким образом, человечество, оказавшись в ситуации, когда возрастная структура кардинально изменилась, численность пожилого населения превысила количество молодых людей, было не готово к такому развитию событий.

В России социально-возрастная группа пожилых людей как объект исследования социальной политики изучается социологами на протяжении длительного периода. Как отмечает Л. В. Константинова, «…стратегическая парадигма развития социальной сферы... трансформировалась в парадигму оптимизации, которая стала центральным вектором социальных реформ, приобретающих все в более очевидной степени структурный характер» [11]. Таким образом, приоритетом в современной социальной политике страны было не «активное естественное старение», а предложение ухода и обслуживания за одинокими пожилыми гражданами, которые оказались наедине с тяжелой жизненной ситуацией, то есть оказание различными социальными институтами услуг, позволяющих доживать и «пассивно» существовать.

Термин «активное долголетие», по словам вице-премьера Татьяны Голиковой, «…стал устойчивым, но тем не менее, мы нигде пока это нормативно не определили, что мы к нему относим, и какова наша целостная политика в этой части» [12]. В связи с этим в 2019 году вице-премьер инициировала создание рабочей группы совместно с экспертным сообществом по подготовке Концепции политики активного долголетия,

которая, по словам проректора Высшей школы экономики Лилии Овчаровой, должна решить две цели — продление достойной жизни пожилых граждан, а также адаптацию общества к демографическим изменениям, а приоритетными задачами должны стать здоровье в старшем возрасте, достойная жизнь в старшем возрасте и активное участие в жизни общества [12].

Таким образом, в 2020 году на XXI Апрельской международной конференции по проблемам развития экономики и общества в научном докладе рабочей группы НИУ Высшей школы экономики впервые была представлена Единая концепция активного долголетия на период развития общества до 2034 года, в которой были определены основополагающие приоритеты развития активного долголетия в Российской Федерации [13].

По доступным данным на рисунке 1, используя статистический анализ за период 2017–2021 гг., можно сделать вывод о том, что тенденции изменения в жизни пожилых людей существуют. Так, за период с 2017 по 2020 год в России наблюдается динамика увеличения численности людей пенсионного возраста, которая изменяется от 22 до 26 % от численности населения страны. Однако в 2020 году необходимо отметить снижение данного показателя до 25 %, которое объясняется началом «пандемийного периода» в России [14].

На рисунке 2 проанализирована динамика изменений численности пожилых людей в группе занятых или работающих пенсионеров.

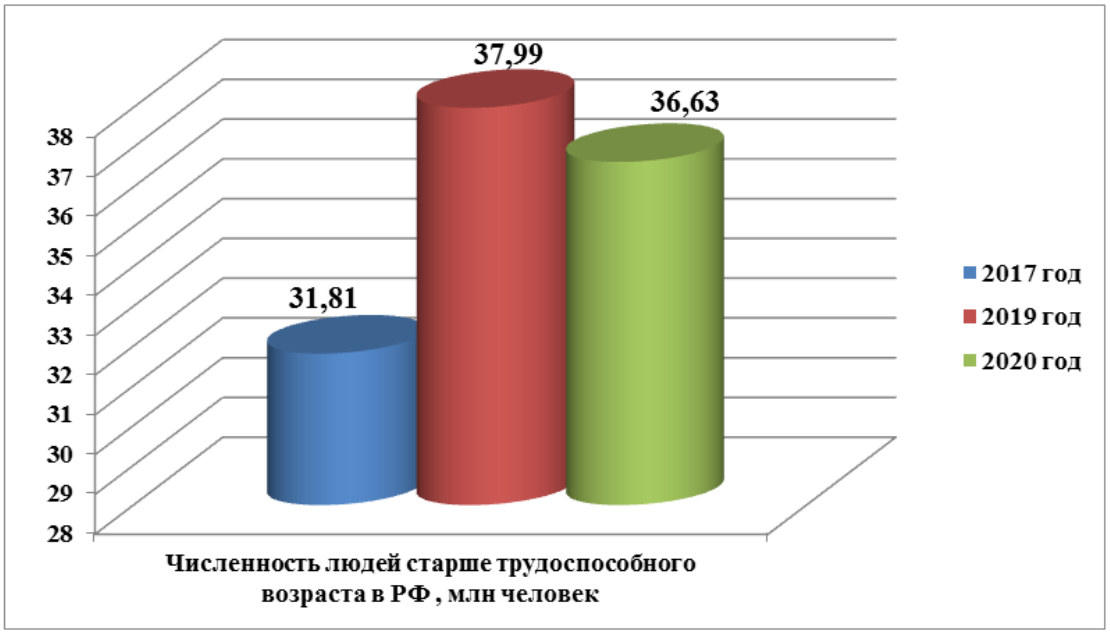

Рис. 1. ***Динамика роста численности людей старше трудоспособного возраста в РФ***

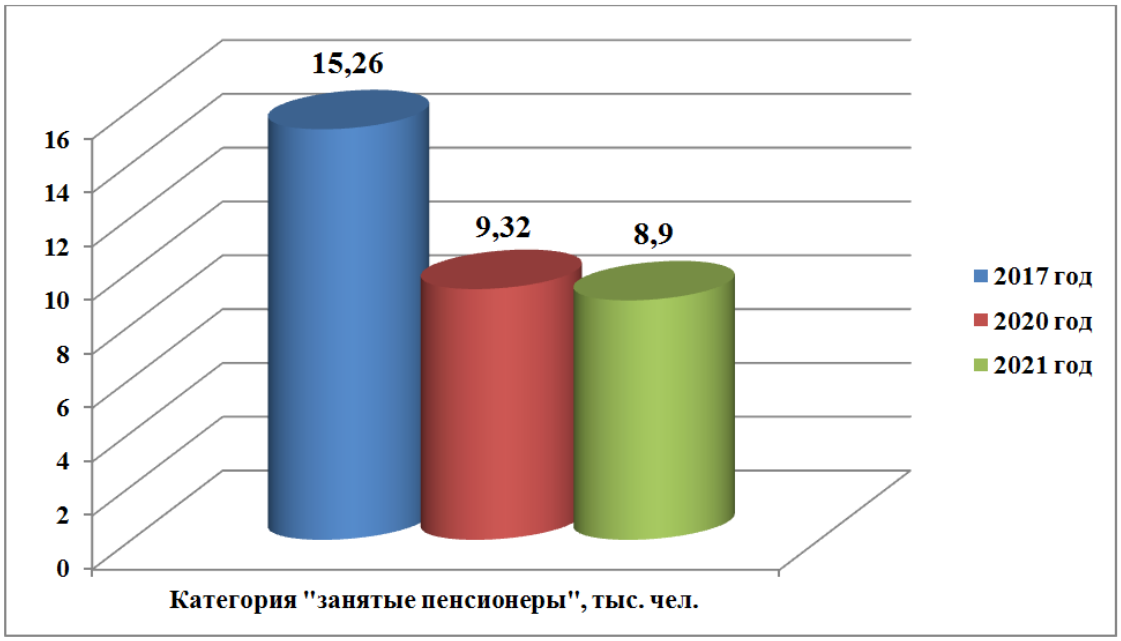

Рис. 2. ***Динамика изменений численности пожилых людей в группе занятых пенсионеров***

Представленные на рисунке 2 данные позволяют сделать вывод о том, что численность работающих пенсионеров имеет тенденцию к снижению. Так, анализируя статистические данные, можно сделать вывод о том, что в 2017 году численность работающих пенсионеров составила 36 % от общего числа пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда РФ. К 2020 году наблюдается значительное снижение данного показателя до 22 % от общего числа пенсионеров, и в 2021 году показатель «занятых» пожилых людей составил только 21 % от общего числа пенсионеров, которые состоят на учете в системе Пенсионного фонда РФ [14].

Основной причиной показателя снижения численности работающих пенсионеров или массовый уход в теневую экономику является пенсионная реформа, в результате которой была отменена индексация пенсий работающих пенсионеров, что заметно повлияло на их совокупный доход, а затем повышение возраста выхода на пенсию и корректировка стажа, которые значительно повлияли на величину начисляемой пенсии. Кроме того, большинство занятых пожилых людей относятся к работникам бюджетной сферы, в том числе медицины и образования. Однако в условиях пандемии люди старше 65 лет были включены в группу риска, которая находилась в изоляции.

Сегодня современное общество России, решая свои социальные проблемы, характеризуется высокой гражданской активностью. Показательно общественное участие «Серебряных волонтеров» в добровольческой деятельности или волонтерстве, в которое в 2020 году было вовлечено почти 7,5 млн человек, что составило 5 % населения страны. Старшая группа волонтеров 60 + «…в период с 2017 по 2019 годы составляла 20–21 % от общей численности, что позволяет судить об активности этого человеческого ресурса» [15].

Таким образом, необходимо согласиться с Ю. М. Лагусевым, который отмечает, что «…в перспективе, до 2031 года, в России продолжится рост численности лиц старше трудоспособного возраста, повышение их удельного веса в структуре населения страны, увеличение демографической нагрузки на трудоспособное население» [16].

Результаты и обсуждение

Развитие туристической отрасли среди пожилых людей приобрело особое значение в связи с изменившейся демографической ситуацией в стране, с проведенной пенсионной реформой, изменившейся демографической ситуацией в стране, направленной на увеличение пожилого возраста.

Современный этап в государственном стратегическом планировании участия старшего поколения в индустрии гостеприимства и туризма характеризуется формированием и реализацией национальных целей развития РФ, первоначально определенных на период до 2024 года и воплощенных в комплексе национальных проектов. Цели были определены Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года, конкретизированы Правительством в форме национальных проектов в декабре 2018 года, а позднее скорректированы президентским указом от 21 июля 2020 года с переносом сроков реализации до 2030 года. Приоритетное место среди целей национального развития занимает решение демографических проблем — в Указе они названы первыми из 9-ти целей и сформулированы следующим образом:

а) обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации;

б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет [17].

Рассматривая Тюменскую область как регион с потенциалом более 347 тыс. проживающих пожилых людей, что составляет 23 % численности населения области, необходимо предусмотреть мероприятия по использованию данного ресурса в развитии экономического направления региона и активной деятельности в социальной сфере.

Сфера туризма в Тюменской области относится к динамично развивающейся отрасли. Сегодня изменения происходят во всех сферах деятельности туристской отрасли, как на уровне государственных структур, так и частного бизнеса. Тюменский регион входит в ТОП-10 туристских направлений Российской Федерации, обладая при этом всеми необходимыми для развития отрасли условиями. В связи с этим идет постоянный поиск новых форм организации в сфере гостеприимства, продвижение гостиничного продукта, а также рост числа туристских организаций с углублением специализации и расширением спектра услуг.

Необходимо отметить и накопленный опыт научно-практической деятельности по развитию внутреннего туризма среди граждан старшего поколения. Разработаны методические рекомендации по организации туристских пакетов и музейных организационных программ для людей пожилого возраста. В методических рекомендациях проведен анализ социального, правового, оздоровительного и демографического аспектов социального туризма для старшего поколения, выявлены тенденции его развития.

Тюменская область — это богатейший регион, обладающий всеми условиями для развития туризма и сферы гостеприимства, включая историю, архитектуру различ-

ных исторических эпох, инфраструктуру и природно-климатические условия, которые позволили городу Тюмени стать столицей горячих источников в стране.

Актуальным в этой связи становится поиск современных форм туристско-рекреационного обслуживания пожилых категорий граждан на базе автономного учреждения социального обслуживания населения Тюменской области (АУ СОН ТО) и дополнительного профессионального образования (ДПО) «Региональный центр активного долголетия, геронтологии и реабилитации» г. Тюмени, имеющего опыт организации и проведения таких мероприятий. Участники инициатив Центра на личном примере показывают, что можно и нужно оставаться активными, жизнерадостными и целеустремленными вне зависимости от возраста, а создатели данного учреждения указывают на то, что стремятся создать на территории региона комфортную среду для граждан старшего возраста, привлечь внимание населения к их проблемам и развеять стереотипы [18]. Таким образом, туризм для граждан пожилого возраста позволяет не только поддерживать физическое здоровье, но и активное профессиональное долголетие, а также участвовать в добровольческой деятельности и помогать нуждающимся.

Региональный проект «Старшее поколение», который активно осуществляется в рамках национального проекта «Демография» в Тюменской области, был номинирован и стал лауреатом конкурса Фонда президентских грантов в области культуры и искусства. Группа Проекта «Гиды 55+. Перезагрузка», являющаяся лидером в развитии направления «активное долголетие», выступила с новым направлением развития «Территория гостеприимства — Активное Долголетие» (рис. 3). Проект направлен на адаптацию пожилых людей после сложных жизненных ситуаций, призван помочь преодолеть социальную невостребованность и одиночество, влиться в общество, найти новых друзей, поделиться своими знаниями и даже где-то улучшить свое материальное положение.

Таким образом, взяв на себя инициативу, «Гиды 55+. Перезагрузка» с учетом полученного опыта в своей уже профессиональной деятельности разработали Комплексный план мероприятий («Дорожная карта»), в котором представлены разнообразные туристские предложения, включающие современные экскурсионные продукты. Используя современные стратегии вовлечения пожилых людей в жизнь общества, Проект позволит использовать инновационные методы, направленные на повышение качественных показателей жизни пенсионеров.

Основной целью проекта «Территория гостеприимства — Активное Долголетие» является внедрение инновационных технологий, методик и техник в сфере гостеприимства, туризма и краеведения, направленных на интеллектуальное развитие населения, продление не только физического, но и профессионального долголетия. Это позволит улучшить качество жизни, почувствовать себя значимым для общества и, что является актуальным, преодолеть последствия пандемии.

Территориально Проект будет реализоваться в городе Тюмени, Тюменском районе, Тюменской области.

К целевой аудитории проекта относятся граждане пожилого возраста, пенсионеры, а также люди с ограниченными возможностями здоровья.

Реализовать представленный проект «Территория гостеприимства — Активное Долголетие» планируется через образовательные программы по направлениям, включающим исторически-познавательные, костюмированные, фольклорные и этнические экскурсии и квесты.

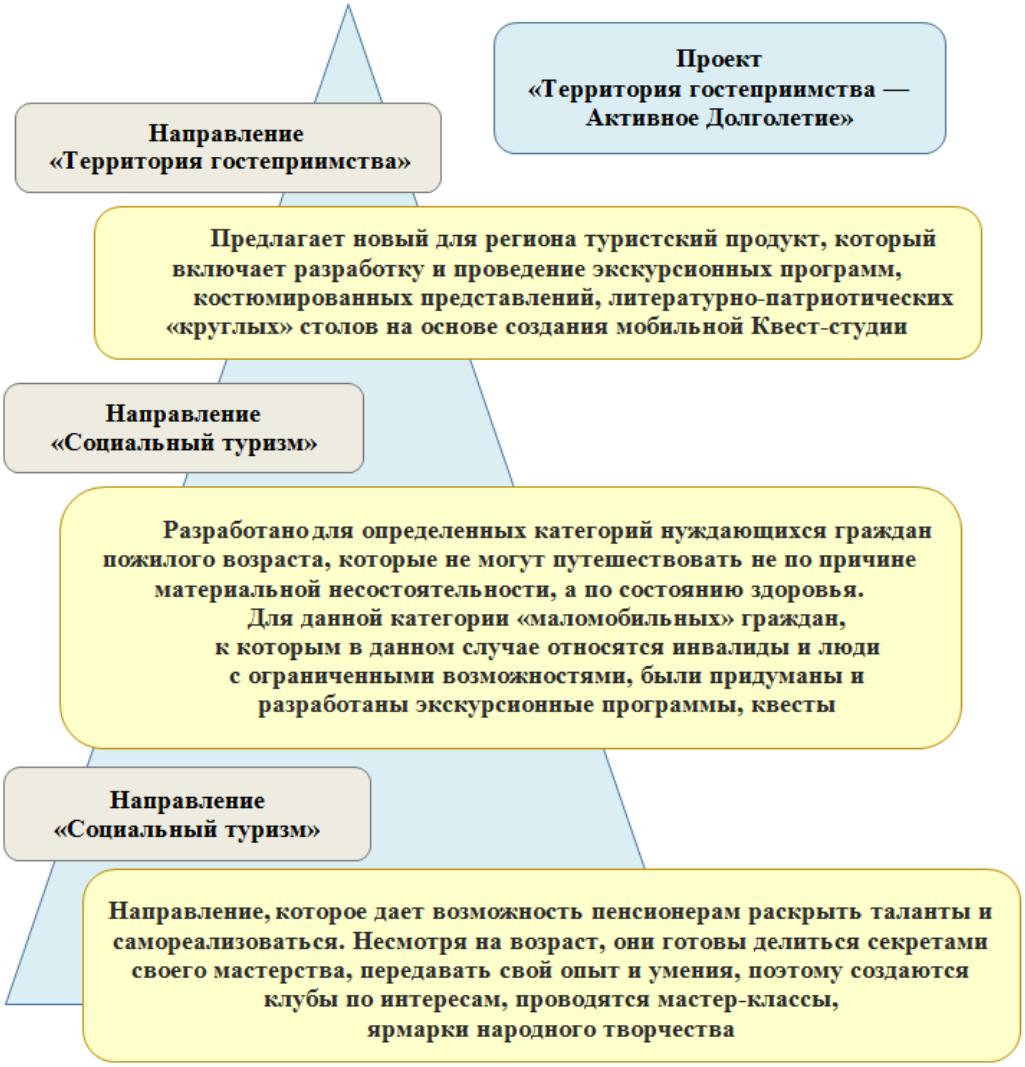

Рис. 3. ***Проект «Территория гостеприимства — Активное Долголетие»: направления реализации***

Представленные в Проекте направления качественно отличаются друг от друга, что позволяет им не конкурировать, а дополнять и расширять возможности взаимодействия. Так, направление «Территория гостеприимства» предлагает новый для региона туристский продукт, направленный не только на сохранение здоровья, но и на организацию правильного образа жизни, из которого следует продление работоспособного возраста пенсионера. Желающие могут пройти обучение, участвовать в организации различных мероприятий. Данное направление предполагает разработку и проведение

экскурсионных программ, костюмированных представлений, литературно-патриотических «круглых» столов. Например, фольклорно-этническая экскурсия «Горожанка-селянка» проводится на территории Усадьбы Колокольниковых.

Создание мобильной Квест-студии планируется за счет средств Фонда президентских грантов с участием Проекта «Гиды 55+. Перезагрузка». С помощью Квест-студии планируется проведение театрализованных экскурсий по всему городу Тюмени, включая различные площадки торгово-развлекательных центров, парки, обязательно набережную реки Туры — любимое место горожан всех возрастов.

Одной из главных задач Проекта является привлечение граждан пожилого возраста и инвалидов в добровольческую деятельность, которая, как отмечает И. Ю. Богачева, «… выполняет функцию нравственного воспитания, возрождение фундаментальных ценностей, таких как гражданственность, милосердие, справедливость, гуманность, отзывчивость» [19]. Вступая в волонтерское движение, пенсионеры, ведущие активный образ жизни, помогают в социальном плане нуждающимся и передают свой опыт и знания молодому поколению.

В представленном Проекте направление «Социальный туризм» было разработано для определенных категорий нуждающихся граждан пожилого возраста, которые не могут путешествовать не по причине материальной несостоятельности, а по состоянию здоровья. Для данной категории «маломобильных» граждан, к которым в данном случае относятся инвалиды, люди с ограниченными возможностями, были придуманы и разработаны экскурсионные программы, квесты под названием «С «ViaRom» по городам и весям Тюменской области». Разработанные программы уже были презентованы и представлены гостям санаторно-оздоровительного центра «Красная гвоздика» и стационара дневного пребывания группы профилактики деменции «Солнечный дом» с большим успехом.

Подобные мероприятия проводятся волонтерами АУ СОН ТО и ДПО «Региональный центр активного долголетия, геронтологии и реабилитации», которые предлагают виртуальные экскурсии по историческим объектам не только Тюменского района, но и таких городов с богатой историей, как Тобольск, Ялуторовск, Салехард и т. д. Таким образом, специалистами Регионального проекта «Старшее поколение» за счет средств грантов были разработаны экскурсионные проекты, которые позволили маломобильным гражданам быть в центре событий и стать участниками виртуального туризма, не чувствовать себя ущемленными в этих видах туристских услуг, что способствует продлению активной деятельности во всех сферах современной жизни.

Необходимо отметить, что современные пенсионеры — люди увлекающиеся, разносторонние и талантливые. Только в этом возрасте любой человек может себе позволить полноценно заниматься любимым «увлечением». Пожилые люди создают великолепные изделия, владея давно утраченными техниками и технологиями, рецептами. Иногда это способствует получению дополнительного заработка и, конечно, преодолению одиночества. В связи с этим в Проекте представлено направление «Творческая мастерская «VIP*Komodo», которое дает возможность раскрыть таланты и самореализоваться, несмотря на возраст. Однако они готовы делиться секретами своего мастерства,

передавать свой опыт и умения, поэтому создаются клубы по интересам, проводятся мастер-классы, ярмарки народного творчества.

По итогам реализации проекта планируется проведение Фотобиеннале «Влияние сферы Гостеприимства на активное долголетие старшего поколения». На итоговой отчетной презентации туристических экскурсий «Связь поколений через призму туристических маршрутов» отметят лучшие работы, которые станут напутствием будущим поколениям и будут опубликованы в СМИ.

Выводы

Таким образом, представленный Проект «Территория гостеприимства — Активное долголетие» является новым этапом, одним из продолжений на основе применения инновационных подходов в разработке мероприятий в сфере туризма и гостеприимства, которые позволят продлить активную жизнь человека преклонного возраста и быть востребованным и актуальным для современного общества. Предложенные мероприятия имеют огромные преимущества и перспективу развития на будущее, что позволит их использовать для развития туристического потенциала старшего поколения в Тюменской области.

Актуальное направление в Проекте — патриотическое воспитание молодежи. Старшее поколение сегодня очень доходчиво объясняет, что относится к настоящим историческим и моральным ценностям, поднимая и обсуждая вопросы для правильного понимания исторического наследия, воспитания и уважения традиций и культуры страны. Разработанные мероприятия в рамках проекта предусматривают тесное общение молодых людей с пожилыми, при этом помогая и поддерживая друг друга.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод о том, что Тюменская область это регион, где граждане старшего поколения составляют 60 % населения, однако относятся к категории «молодые пенсионеры до 65 лет». Поэтому все мероприятия, проводимые региональным Департаментом социального развития, направленные на стимулирование активного долголетия и сохранение здоровья пенсионеров, позитивно воспринимаются населением. Так, в 2021 году в различных мероприятиях поучаствовало 50 % жителей области, то есть более 164 тысяч человек, а за первое полугодие 2022 года — более 121 тысячи граждан. Прошедшая пандемия многих научила пользоваться информационными порталами, которые всегда предоставляют актуальную и полезную информацию для полноценной и насыщенной жизни.

Список источников

[1] Норт, Д. К. Институты и экономический рост : историческое введение / Д. К. Норт. – Текст : непосредственный // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 69–91.

[2] Браймер, Р. А. Основы управления в индустрии гостеприимства / Р. А. Браймер ; перевод Е. Б. Цыганова. – Москва : Аспект Пресс, 1995. – 382 с. – Перевод изд.: Hospitality management : An introduction to the industry / Robert A. Brymer. Kendall, 1995. – Текст : непосредственный.

[3] Ваген, Л. В. Гостиничный бизнес / Л. В. Ваген ; перевод А. Д. Сухорукова. – Ростов на Дону : Феникс, 2001. – 412 с. – (Учебное пособие). – Текст : непосредственный.

[4] Скобкин, С. С. Есть ли у нас индустрия гостеприимства? / С. С. Скобкин. – Текст : непосредственный // Парад отелей. – 2000. – № 4. – С. 1–6.

[5] Романова, М. М. Формирование индустрии гостеприимства как механизм стратегического развития региона : специальность 88.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (предпринимательство)» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Романова Марианна Михайловна. – Москва, 2006. – 27 с. – Место защиты : Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ). – Текст : непосредственный.

[6] Основы индустрии гостеприимства : учебное пособие / Д. И. Елканова, Д. А. Осипов, В. В. Романов, Е. В. Сорокина. – Москва : Дашков и К, 2009. – 248 с.

[7] Российская Федерация. Законы. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон № 149-ФЗ : [принят Государственной Думой 4 октября 1996 года : одобрен Советом Федерации 14 ноября 1996 года]. – Москва, 1996. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ – Текст : электронный.

[8] Рамочная стратегия активного долголетия Всемирной организации здравоохранения 2002 года. – Текст : электронный // НИУ ВШЭ : сайт. – URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/

[9] Доклад второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/397/53/PDF/N0239753.pdf?OpenElement – Текст : электронный.

[10] Активное долголетие. – URL: https://wiki2.org (дата обращения: 09.10.2022). – Текст : электронный.

[11] Константинова, Л. В. Социальная политика как фактор конструирования неравенства : новая модель патернализма / Л. В. Константинова. – Текст : непосредственный // Власть. – 2017. – Т. 25, № 2. – С. 16–22.

[12] Вечная молодость : как Россия переходит на активное долголетие. – Текст : электронный // Газета.Ru : сайт. – 2019. – 13 сент. – URL: https://www.gazeta.ru/business/2019/09/13/12647245.shtml

[13] Концепция политики активного долголетия : научно-методический доклад НИУ ВШЭ : к XXI Апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Л. Н. Овчарова, М. А. Морозова, А. В. Сидоренко [и др.] ; под редакцией Л. Н. Овчаровой [и др.] ; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 39 с.

[14] Баумгартен, Л. В. Маркетинг гостиничного предприятия : практикум / Л. В. Баумгартен. – Москва : Вузовский учебник : ИНФРА-М, 2016. – 216 с. – Текст : непосредственный.

[15] Работа : «Серебряные» волонтеры Европы : немного интересной статистики. – Текст : электронный // БабаДеда : сайт. – 2017. – 10 июл. – URL: https://baba-deda.ru/news/3000
[16] Лагусев, Ю. М. Современные тенденции организации туристского обслуживания людей пожилого возраста / Ю. М. Лагусев. – DOI 10.24411/2413-693X-2019-10204. – Текст : непосредственный // Сервис Plus. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 27–35.
[17] Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» : введ. в действие с 21.07.20. – Москва, 2020. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ – Текст : электронный.
[18] АУ СОН ТО и ДПО «Региональный Центр Активного Долголетия, Геронтологии и Реабилитации» г. Тюмени : официальный сайт. – URL: https://adgir.ru/ – Текст : электронный.
[19] Богачева, И. Ю. Настольная книга профсоюзного активиста / И. Ю. Богачева. – Москва : Научный центр профсоюзов, Профиздат, 2012. – Текст : непосредственный.

References

[1] North, D. C. (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction. World Development, 17(9), pp. 1319-1332. (In English).
[2] Brymer, R. A. (1995). Hospitality management: An introduction to the industry. Kendall, Hunt Pub. Co, 456 p. (In English).
[3] Wagen, L. V. (2001). Gostinichnyy biznes. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 412 p.
[4] Skobkin, S. S. (2000). Est' li u nas industriya gostepriimstva? Parad oteley, (4), pp. 1-6. (In Russian).
[5] Romanova, M. M. (2006). Formirovanie industrii gostepriimstva kak mekhanizm strategicheskogo razvitiya regiona. Avtoref. diss. … kand. econ. nauk. Moscow, 27 p. (In Russian).
[6] Elkanova, D. I., Osipov, D. A., Romanov, V. V., & Sorokina, E. V. (2009). Osnovy industrii gostepriimstva. Moscow, Dashkov & K Publ., 248 p. (In Russian).
[7] Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob osnovakh turistskoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon № 149-FZ. (In Russian). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/
[8] Ramochnaya strategiya aktivnogo dolgoletiya Vsemirnoy organizatsii zdravookhraneniya 2002 goda. (In Russian). Available at: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/
[9] Doklad vtoroy Vsemirnoy assamblei po problemam stareniya. (In Russian). Available at: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/397/53/PDF/N0239753.pdf?OpenElement
[10] Aktivnoe dolgoletie. (In Russian). Available at: https://wiki2.org
[11] Konstantinova, L. V. (2017). Social policy as a factor in the construction of inequality: a new model of paternalism. Vlast', 25(2), pp. 16-22. (In Russian).

[12] Vechnaya molodost': kak Rossiya perekhodit na aktivnoe dolgoletie. (In Russian). Available at: https://www.gazeta.ru/business/2019/09/13/12647245.shtml
[13] Ovcharova, L. N., Morozova, M. A., Sidorenko, A. V., Sinyavskaya, O. V., & Chervyakova, A. A. (2020). Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya : nauchno-metodicheskiy doklad HSE : k XXI Aprel'skoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 39 p. (In Russian).
[14] Baumgarten, L. V. (2016). Marketing gostinichnogo predpriyatiya: praktikum. Moscow, Vuzovskiy uchebnik Publ., INFRA-M Publ., 216 p. (In Russian).
[15] Rabota: "Serebryanye" volontery Evropy: nemnogo interesnoy statistiki. (In Russian). Available at: https://baba-deda.ru/news/3000
[16] Lagusev, Yu. M. (2019). Modern trends in the organization of tourist services for the elderly people. Service Plus, 13(2), pp. 27-35. (In Russian). DOI: 10.24411/2413-693X-2019-10204
[17] Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda". (In Russian). Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210
[18] Regional'nyy Tsentr Aktivnogo Dolgoletiya, Gerontologii i Reabilitatsii, Tyumen. (In Russian). Available at: https://adgir.ru/
[19] Bogacheva, I. Yu. (2012). Nastol'naya kniga profsoyuznogo aktivista. Moscow, Nauchnyy tsentr profsoyuzov Publ., Profizdat Publ. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 26.10.2022.
The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 26.10.2022.

УДК 316.6
DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-132-141

Динамика приоритетных ценностей россиян

Светлана Владимировна Толмачева, Эльвира Валерьевна Давлетшина

Кафедра маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

Аннотация. Постоянные изменения ценностей личности и социальных групп, их ценностных ориентаций, определяющих взаимодействие людей в обществе, раскрывают актуальность исследуемой проблематики. В статье анализируется изменение приоритетов в декларируемых ценностях индивидов в российском обществе. С этой целью было проведено социологическое исследование ценностей россиян, которое охватывало временной промежуток в 15 лет и осуществлялось в три этапа методом опроса. Исследование позволило выявить динамику жизненных ценностей, декларируемых респондентами как приоритетные. Ведущими ценностями в российском обществе на протяжении всех этапов исследования заявлены семейные ценности и уверенность в завтрашнем дне. Значительно увеличили вес ценности интересной работы и материального благополучия. В соответствии с результатами исследования снижают значение для респондентов ценности одобрения действий, уважения со стороны окружающих и стремления к продвижению по карьерной лестнице, обладанию властью.

Ключевые слова: ценности, российское общество, ранжирование

Для цитирования: Толмачева, С. В. Динамика приоритетных ценностей россиян / С. В. Толмачева, Э. В. Давлетшина. – DOI 10.31660/1993-1824-2022-4-132-141 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 132–141.

Values of Russians: their dynamics and degree of significance

Svetlana V. Tolmacheva, Elvira V. Davletshina

Department of Marketing and Government Administration, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. As the title implies, the article describes constant changes in values of the individual and social groups, their value orientations, which determine the interaction of people in society. The article examines the change in priorities in the declared values of individuals in Russian society. For that purpose, a sociological study of values of Russians was carrying out for fifteen years; the study was conducted in three stages by interviewing. The study made it possible to identify dynamics of values declared by the respondents as a priority. The leading values in Russian society throughout all stages of the study are family values and confidence in the future. The results of the study showed that the values of interesting work and material well-being have become more relevant. At the same time, the values of approval of actions, respect from other people and the desire to move up the career ladder, to possess power are not so important for the respondents.

Keywords: values, Russian society, ranking

For citation: Tolmacheva, S. V., & Davletshina, E. V. (2022). Values of Russians: their dynamics and degree of significance. Proceedings from Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (4), pp. 132-141. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2022-4-132-141

Введение

Особое и наиболее весомое место в социологическом познании занимает такое понятие, как «ценность». Это понятие имеет множество толкований в зависимости от той отрасли социологии, к которой обращаются исследователи, но наиболее часто встречается определение ценности как части сознания групп людей, которая проявляется в социальных нормах, обычаях, традициях, реализуется в действиях [1–3]. Изучение ценностей, как известно, является основой для понимания культуры, текущего состояния общества и перспектив его дальнейшего развития.

Проблема изучения и формирования ценностей социума в меняющемся обществе, их динамика и структура по-прежнему актуальна и вызывает споры и интерес на протяжении всего существования социологического познания. Ни научная литература, накопленная на протяжении веков, ни современная, несмотря на достаточно активный интерес к предмету изучения, не дают однозначного подхода к исследованию проблем ценностей и их решению. Даже несмотря на признание значимости категории «ценность», отсутствует единство мнений на само понимание ее сущности и, соответственно, значимости в жизни общества. В социологии еще у классиков (О. Конта, К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Ф. Знанецкого) появляются проблематика ценностей и само понятие «ценности», однако, они изучаются в рамках других теоретических концепций [4–8]. Особое значение ценностных аспектов бытия рассматривается в теории «интегральной» социологии П. Сорокина, которая нашла практическое отражение в исследованиях последнего времени российских и зарубежных ученых [9–12]. Именно П. Сорокин раскрыл основополагающее значение системы ценностей индивидов и социальных групп для социально-культурного развития общества.

Масштабы современных преобразований в российском обществе привели к смене парадигм общественного развития, что в первую очередь отразилось на системе ценностей и норм социума. Ценности являются связующим аспектом общественного сознания, социального взаимодействия и поведения личности в обществе [13; 14]. В социологии проблема ценностных ориентаций является одной из ключевых, поскольку ее решение связано с непосредственным взаимодействием каждого человека и социальных групп в процессе бытия [15–17]. Исследование ценностных ориентаций особенно важную роль приобретает в социологии культуры [1]. В этом контексте крайне важно рассмотреть декларируемые ценности современного российского общества в динамике.

Материалы и методы

В работе использованы как общенаучные методы изучения заявленной проблематики, такие как системный, формально-логический, так и специальные методы, например выборочное социологическое исследование методом опроса с применением инструментария анкетирования в электронном формате. Так, метод системного анализа позволил выявить основные направления развития теории ценностей и формирования ценностных ориентаций в социологическом познании социологии культуры, об этом свидетельствуют работы М. Л. Белоножко, Т. П. Жуйковой, В. А. Спиридоновой, А. А. Радугина, И. В. Пономаре-

вой, В. В. Литвина и др. [1; 2; 6; 7; 12; 14]. Различным аспектам изучения ценностей современного российского общества посвящены труды Н. И. Лапина, В. В. Колосовой, А. В. Кирьяковой, Т. Н. Липатовой, Т. К. Ростовской и др. [3; 13; 15; 16; 18].

Для изучения основных аспектов динамики формирования ценностей в современном российском обществе весной 2021 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования среди жителей г. Тюмени и Тюменской области. Исследование осуществлено выборочное. Была произведена квотная выборка от генеральной совокупности по такому параметру, как пол. Были опрошены с помощью электронного анкетирования 242 респондента, из них 58,7 % составили женщины и 41,3 % — мужчины, что в целом соответствует структуре современного российского общества [19]. Это позволило рассматривать выводы, полученные в результате выборочного исследования, как тенденции формирования ценностных ориентаций индивидов и социальных групп в современном российском обществе.

Результаты и обсуждение

Анализ результатов исследования позволил выявить общечеловеческие ценности, декларируемые индивидами в современном российском обществе. Задание приоритетных значений в ценностной направленности позволяет выявить степень значимости той или иной сферы жизни человека. Исходя из ответов респондентов, для большинства опрошенных приоритетными жизненными ценностями являются крепкая семья, хорошие дети, интересная работа и уверенность в завтрашнем дне (рис. 1). Следует отметить, что современное общество в России более уязвимо к влиянию социально-экономической ситуации, сложившейся в стране, чем ранее. Можно предположить, что социально-экономическая нестабильность в России и в мире укрепит значения ценностей семьи, работы и стабильности в противовес динамизму внешних изменений.

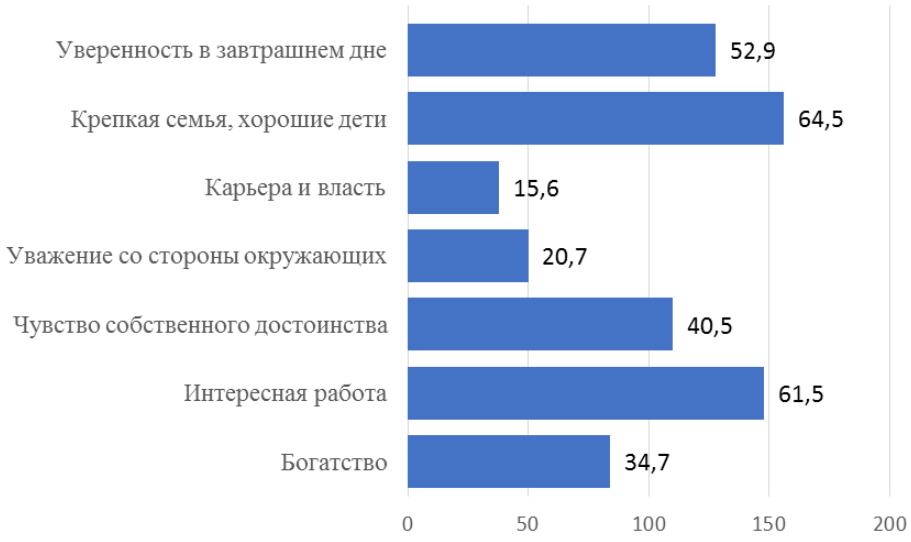

Рис. 1. ***Оценка значимости общечеловеческих ценностей респондентами (одновременно выбиралось не более 3-х ответов), %***

Менее половины респондентов отдали приоритет таким ценностям, как «богатство» и, одновременно, «чувство собственного достоинства, самоуважение, честь». Наименьший вес по результатам опроса имеют ценности карьеры и власти. Также менее четверти опрошенных отметили ценность уважения со стороны окружающих. Можно предположить, что столь низкие оценки связаны с уменьшением общественных связей, нарастающей виртуализацией коммуникаций.

Если рассматривать ответы респондентов в соответствии с гендерными признаками, то следует отметить, что для мужчин имеют примерно равное значение ценности крепкой семьи и уверенности в завтрашнем дне. На третье место они ставят ценность интересной работы. При этом чувство собственного достоинства, самоуважение и честь не вошли в тройку приоритетных жизненных ценностей мужчин. Ценность карьеры, власти, богатства, уважения со стороны окружающих декларируются этой группой респондентов как не имеющие значительного веса, что противоречит сложившимся представлениям в социологии культуры о ценностях мужской части социума. Женщины, принявшие участие в исследовании, на первое место ставят ценности крепкой семьи, детей и, как ни парадоксально, интересной работы. Можно предположить, что это связано с максимизацией занятости данной социальной группы в процессе общественного производства. Второе место, по мнению респондентов женского пола, занимают уверенность в завтрашнем дне и чувство собственного достоинства, самоуважение. Почти для трети женщин ценность богатства является одной из ведущих. Ценности карьеры, власти и уважения со стороны окружающих для женщин, принявших участие в опросе, не имеют существенного веса. То есть семья и интересная работа, в соответствии с исследованием, для женщин важнее карьеры, власти. Можно также отметить приоритетность интересной работы для молодых респондентов, при этом данная ценность переходит на второе и третье место в системе декларируемых ценностей опрошенных с увеличением возрастных характеристик. Одновременно наблюдается противоположная тенденция: с увеличением возраста респондентов все большую актуальность приобретает уверенность в завтрашнем дне. У опрошенных предпенсионного и пенсионного возраста уверенность в завтрашнем дне является приоритетной ценностью (стоит на первом месте в ответах). Следует подчеркнуть, что социально-экономическая нестабильность современного общества будет только усиливать выявленные тенденции изменения провозглашаемых ценностей в соответствии с половозрастными характеристиками респондентов.

Рассматривать декларируемые ценности современного российского общества необходимо в динамике, так как только изменение ценностей и ценностных ориентаций в социуме может дать возможность для прогнозирования путей общественного развития [20]. Первоначально авторами проводились исследования ценностей в российском обществе в 2006 и 2012 годах среди жителей г. Тюмени и Тюменской области. В 2006 году в выборочном исследовании приняли участие 1 000 респондентов, при этом ошибка выборки не превышала 4 %. В исследовании была использована многоступенчатая квотная выборка. В 2012 году по той же методике было проведено анкетирование 289 человек [20].

Исследование 2006 г. позволило выявить приоритетные декларируемые жизненные ценности. Главной ценностью респонденты выделили ценность крепкой семьи, хороших детей. Более семидесяти процентов, прошедших анкетирование, декларировали данную ценность как первостепенную. Чувство собственного достоинства, интересная работа, уважение со стороны окружающих, уверенность в завтрашнем дне являлись ведущими ценностями для трети респондентов в 2006 г. Декларируемые ценности поразному проранжированы мужчинами и женщинами. Женщины отдали предпочтение безопасности, уверенности в завтрашнем дне, интересной работе и чувству собственного достоинства. Мужчины после крепкой семьи приоритетными называли чувство собственного достоинства, самоуважение и уважение окружающих. Примерно одинаково важными для мужчин являлись ценности власти, карьеры, интересной работы и богатства. Для респондентов женского пола власть, карьера и богатство не декларировались как приоритетные. Но они являлись важными почти для пятой части опрошенных женщин.

В 2012 году результаты исследования показали изменения в показателях приоритетных жизненных ценностей. Аналогично исследованию 2006 г. респонденты на первое место поставили ценность крепкой семьи, хороших детей. Однако данная ценность снизила свою значимость для респондентов почти на десять процентов: с 72,7 % в 2006 г. до 61,9 % в 2012 г. Отметим, что исследование 2021 года показало, что ценность крепкой семьи вновь начала расти: 64,5 % поставили данную ценность на первое место в системе ценностей (рис. 2). На второе место респонденты в 2012 году поставили уверенность в завтрашнем дне. Можно предположить, что данная ценность заняла лидирующие позиции в системе ценностей россиян вследствие социально-экономического кризиса 2008–2009 гг., который сопровождался значительным ростом безработицы.

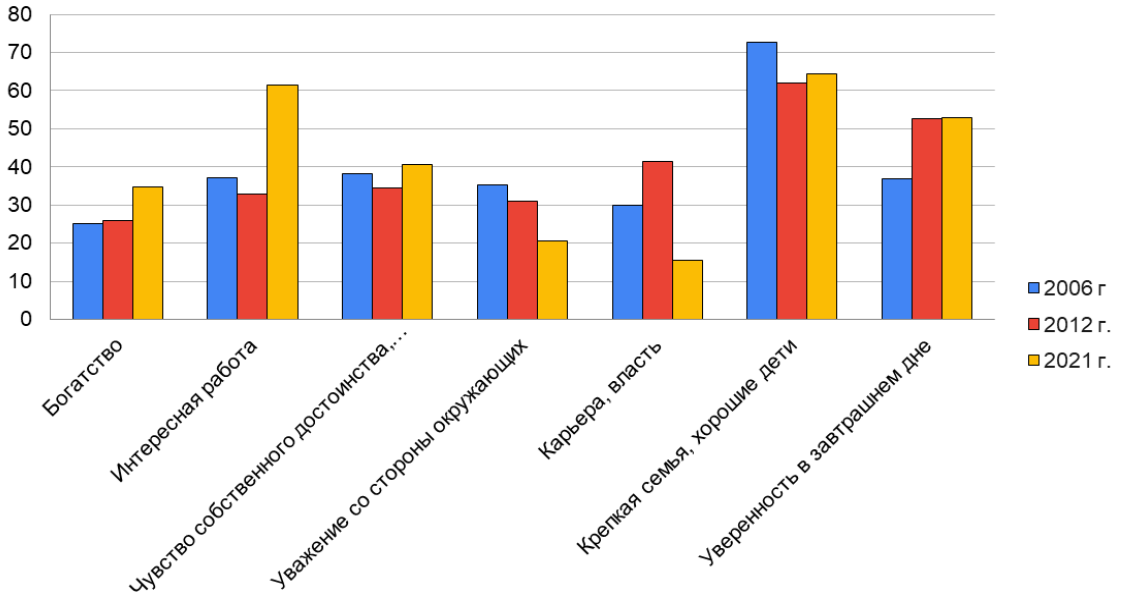

Рис. 2. ***Динамика оценок общечеловеческих ценностей респондентами, %***

Сравнивая результаты исследований в динамике, можно отметить, что ценность уверенности в завтрашнем дне для россиян в течение последнего времени не потеряла актуальности: значение данной ценности в системе декларируемых ценностей только нарастает (36,9 % в 2006 г., 52,6 % в 2021 г. и 52,9 % в 2021 г.) (рис. 2). Ценности карьеры, власти, интересной работы, уважения со стороны окружающих и самоуважения оставались приоритетными в 2012 г.: их выбирали более трети респондентов. Следует отметить, что гендерные отличия в ответах респондентов в исследовании 2012 г. несущественны. Как было отмечено выше, ценности уважения со стороны окружающих, власти и карьерного роста в последнее время утрачивают приоритетность среди респондентов (рис. 2). Можно предположить, что тенденции снижения ценностей карьеры, власти и уважения со стороны окружающих коррелируются со стремлением уменьшить взаимодействия с общественными институтами индивидов, что является предметом исследования в рамках социологии организаций, политической социологии.

Выводы

Анализ динамики приоритетных ценностей, декларируемых респондентами, позволил сделать следующие выводы:

- Ценность крепкой семьи является лидирующей в российском обществе на протяжении всех периодов исследования (15 лет). Тенденция некоторого нивелирования ценности крепкой семьи, наблюдаемая в начале второго десятилетия XXI века, изменилась на возрастание семейных ценностей в исследовании 2021 г. Результаты исследования позволяют предположить, что современные социально-экономические условия способствуют сохранению или даже росту значимости данной ценности в российском социуме и в дальнейшей перспективе.
- Интересная работа как ценностный ориентир для россиян увеличивает свою значимость на протяжении 15 лет и становится второй по значимости ценностью. При этом интересна тенденция снижения значимости уважения со стороны окружающих для респондентов. Можно предположить, что «интересное дело» для людей намного важнее, чем одобрение или неодобрение окружающих, что косвенно может свидетельствовать об «атомизации» российского общества, снижении стремления к социальному взаимодействию с окружающими. С одной стороны, при сохранении современных тенденций в социально-экономической сфере ценность интересной работы все более будет превалировать у россиян, с другой стороны, при изменении экономического положения можно прогнозировать снижение значимости данной ценности.
- По результатам исследования выявлено возрастание веса ценности уверенности в завтрашнем дне: более половины респондентов заявили данную ценность как ведущую. Вызывает тревогу столь высокий процент респондентов, которые не уверены в своем будущем и, соответственно, более подвержены изменению системы ценностей и ценностных ориентаций, которые и определяют деятельность индивидов в обществе. Это подтверждает тезис о нестабильности социальной структуры современного российского общества, что определяет возможности его развития. При этом ценность богат-

ства при общем низком рейтинге тем не менее растет: уже треть опрошенных считают эту ценность приоритетной.

- Ценность обладания властью, построения карьеры снижается в современном российском социуме: практически вдвое нивелирована данная ценность за последние 15 лет. То есть власть и продвижение по карьерной лестнице не обеспечивают, по мнению респондентов, получения других ценностей, значение которых растет (например, ценности богатства, уверенности в завтрашнем дне, интересной работы). Косвенно данная тенденция может свидетельствовать о необходимости структурных изменений в современном российском обществе.

Список источников

[1] Белоножко М. Л. Социология культуры : монография / М. Л. Белоножко, Л. В. Ребышева, С. С. Ситёва. – Тюмень : ТИУ. – 2022. – 164 с. – Текст : непосредственный.

[2] Давлетшина, Э. В. К вопросу о понятии ценности в социологическом познании / Э. В. Давлетшина, С. В. Толмачева. – Текст : непосредственный // Вузовская наука : проблемы подготовки специалистов : сборник трудов Международной научно-практической конференции, 01 декабря 2021 г. – Тюмень : ТИУ. – 2022. – С. 31–35.

[3] Лапин, Н. И. Базовое взаимодействие людей и гражданско-общественная культура как предмет изучения / Н. И. Лапин. – DOI 10.31857/S013216250014468-7. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2021. – № 5. – С. 104–115.

[4] Жуйкова, Т. П. Идеи ценностей, их развитие в общей аксиологии / Т. П. Жуйкова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 21 (80). – С. 632–634.

[5] Нагой, Ф. Н. Теории ценностей и проблемы целостности мировоззрения личности / Ф. Н. Нагой. – DOI 10.17072/2078-7898/2017-1-20-28. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – № 1 (29). – С. 20–28.

[6] Радугин, А. А. Проблема онтологического статуса ценностей в истории аксиологии / А. А. Радугин, Л. С. Перевозчикова. – Текст : непосредственный // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. – 2015. – № 8 (205). – С. 102–110.

[7] Спиридонова, В. А. Проблема ценностей в социологии : историко-теоретический аспект : специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Спиридонова Вера Анатольевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт–Петербург, 2004. – 150 с. – Текст : непосредственный.

[8] Таланова, К. А. Теории ценностей в классической и современной социологии / К. А. Таланова. – Текст : непосредственный // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире : методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург, 16–18 марта 2017 г. – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – С. 594–601.

[9] Антоновский, А. Ю. «Система социологии» Питирима Сорокина и системно-коммуникативный подход / А. Ю. Антоновский, Р. Э. Бараш. – DOI 10.14515/monitoring.2021.6.1950. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2021. – № 6 (166). – С. 528–548.

[10] Сорокин, П. А. Моя философия — интегрализм / П. А. Сорокин. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 1992. – № 10. – С. 35–38.

[11] Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл., с. 5–24, А. Ю. Согомонова. – Москва : Политиздат, 1992. – 542 с. – Текст : непосредственный.

[12] Пономарева, И. В. Социологическое наследие П. А. Сорокина в представлении американских исследователей / И. В. Пономарева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2011. – № 4 (324). – С. 131–140.

[13] Колосова, В. В. Социологические подходы к изучению ценностей личности в процессе профессиональной деятельности / В. В. Колосова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 999–1002.

[14] Литвин, В. В. Трансформация социокультурных детерминант в контексте модернизации культурного пространства / В. В. Литвин. – Текст : непосредственный // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 1 (6). – С. 9–12.

[15] Кирьякова, А. В. Взаимосвязь ценностных ориентаций и креативности как аксиологический ресурс модернизации университетского образования / А. В. Кирьякова, В. В. Мороз. – Текст : непосредственный // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1. – С. 57–68.

[16] Липатова, Т. Н. Ценностные предпочтения и духовный потенциал населения в контексте этнокультурного развития региона (на материалах Республики Татарстан) : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Липатова Татьяна Николаевна ; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань, 2012. – 187 с. – Текст : непосредственный.

[17] Проблемы формирования мировоззрения молодежи : ценностный аспект : монография / С. В. Толмачева, Л. Б. Осипова, О. В. Третьякова, И. В. Толстоухова. – Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2019. – 167 с. – Текст : непосредственный.

[18] Ростовская, Т. К. Ценностные ориентиры современной молодежи : особенности и тенденции : монография / Т. К. Ростовская, Т. Б. Калиев. – Москва : Русайнс, 2019. – 228 с. – Текст : непосредственный.

[19] Демография. – Текст : электронный // Росстат. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 15.08.2021).

[20] Толмачева, С. В. Динамика формирования ценностных ориентаций тюменской молодежи / С. В. Толмачева. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2013. – № 3 – С. 84–87.

References

[1] Belonozhko, M. L., Rebysheva, L. V., & Siteva, S. S. (2022). Sotsiologiya kul'tury. Tyumen, TIU Publ., 164 p. (In Russian).
[2] Davletshina, E. V., & Tolmacheva, S. V. (2022). K voprosu o ponyatii tsennosti v sotsiologicheskom poznanii. Vuzovskaya nauka: problemy podgotovki spetsialistov: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Tyumen, TIU Publ., pp. 31-35. (In Russian).
[3] Lapin, N. I. (2021). Basic interaction of people and civil-social culture as a subject of study. Sotsiologicheskie issledovaniya, (5), pp. 104-115. (In Russian).
[4] Zhuikova, T. P. (2014). Idei tsennostey, ikh razvitie v obshchey aksiologii. Young Scientist, 21(80), pp. 632-634. (In Russian).
[5] Nagoy, F. N. (2017). Theories of values and problems of the integrity of the personality's worldview. Perm university herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology, (1(29)), pp. 20-28. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-20-28
[6] Radugin, A. A. & Perevozchikova, L. S. (2015). Problema ontologicheskogo statusa tsennostey v istorii aksiologii. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo, (8(205)), pp. 102-110. (In Russian).
[7] Spiridonova, V. A. (2004). Problema tsennostey v sotsiologii: istoriko-teoreticheskiy aspekt. Diss. …kand. sotsiolog. nauk. St. Petersburg, 150 p. (In Russian).
[8] Talanova, K. A. (2017). Theory of values of classical and contemporary sociology. XX International Conference in memory of Professor L. N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research". Yekaterinburg, UrFU Publ., pp. 594-601. (In Russian).
[9] Antonovskiy, A. Yu., & Barash, R. E. (2021). The "system of sociology" by Pitirim Sorokin and the systemic communicative approach. Monitoring of public opinion: economic and social changes, (6(166)), pp. 528-548. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.1950
[10] Sorokin, P. A. (1992). Moya filosofiya — integralizm. Sotsiologicheskie issledovaniya, (10), pp. 35-38. (In Russian).
[11] Sorokin, P. A. (1992). Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. Moscow, Politizdat Publ., 542 p. (In Russian).
[12] Ponomareva, I. V. (2011). P. A. Sorokin sociological heritage in US scholarly research. Sotsiologicheskie issledovaniya, (4(324)), pp. 131-140. (In Russian).
[13] Kolosova, V. V. (2016). Sociologicheskie podhody k izucheniyu cennostej lichnosti v processe professional'noj deyatel'nosti. Young Scientist, (9(113)), pp. 999-1002. (In Russian).
[14] Litvin, V. V. (2014). Transformaciya sociokul'turnyh determinant v kontekste modernizacii kul'turnogo prostranstva. Vestnik Vostochno-Sibirskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv, (1(6)), pp. 9-12. (In Russian).
[15] Kiryakova, A. V. & Moroz, V. V. (2015). Value orientations and creativity interaction as the axiological resource of university education modernization. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, (1), pp. 57-68. (In Russian).

[16] Lipatova, T. N. (2012). Tsennostnye predpochteniya i dukhovnyy potentsial naseleniya v kontekste etnokul'turnogo razvitiya regiona (na materialakh Respubliki Tatarstan). Diss. …kand. sotsiolog. nauk. Kazan, 187 p. (In Russian).
[17] Tolmacheva, S. V., Osipova, L. B., Tret'yakova, O. V., & Tolstoukhova, I. V. (2019). Problemy formirovaniya mirovozzreniya molodezhi: tsennostnyy aspekt. Tyumen, TIU Publ., 167 p. (In Russian).
[18] Rostovskaya, T. K. (2019). Cennostnye orientiry sovremennoj molodezhi: osobennosti i tendencii. Moscow, Russigns Publ., 228 p. (In Russian).
[19] Demografiya. (In Russian). Available at: https://rosstat.gov.ru/folder/12781
[20] Tolmacheva, S. V. (2013). Development of dynamics of the youtn values orientations in Tyumen. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 84-87. (In Russian).

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 14.10.2022; принята к публикации 24.10.2022.
The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 14.10.2022; accepted for publication 24.10.2022.

На научный журнал

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» (подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/,

а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:

https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 28.12.2022. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 9,45. Усл. печ. л. 17,75. Тираж 500. Заказ № 2553.
Распространяется по подписке. Цена свободная.
Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.